

Олег
ПЛАТОНОВ

РУССКАЯ
ПРАВДА

РУССКАЯ ПРАВДА

Серия книг Олега Платонова о судьбах русского народа и его войне с силами мирового зла, русофобии и расизма.

Русский путь	История царевубийства
Душа России	Жизнь Григория Распутина
Русский порядок	История сионских протоколов
Покушение на русское царство	Триумф сионских мудрецов
Революция против России	Тайное мировое правительство
Разрушение русского царства	Почему погибнет Америка
Под властью зверя	Тайна беззакония
Эпоха Сталина	Россия и мировое зло
Будем жить при коммунизме	Война с внутренним врагом
Государственная измена	Битва за Россию
Мастера государственной измены	Масонство и революция
Масоны в русской истории XX века	Масонство и сионизм
Большие деньги делают историю	Конец эпохи
Еврейский вопрос в русском государстве	Русское сопротивление
Еврейский вопрос в СССР	Холодная война против России
Правда и мифы о погромах	История русофобии
Николай II: жизнь и царствование	Русский труд
Николай II в секретной переписке	1000 лет русского предпринимательства
	Русская экономика без Талмуда
	Уроки русской экономической мысли

Олег
ПЛАТОНОВ

Уроки русской
экономической
мысли

«Родная страна»
МОСКВА
2014

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
П 37

Платонов О. А.

**П 37 Уроки русской экономической мысли. — М.:
«Родная страна», 2014. — 368 с.**

ISBN 978-5-903942-17-6

Русская экономическая мысль учит нас, что следует внимательно изучать и использовать вековой хозяйственный опыт и национальные экономические стереотипы. Речь идет, конечно, не о механическом перенесении старых хозяйственных форм в современную жизнь, а об учете культурных и психологических установок, выработанных многовековой историей русского народа и ставших ориентирами его жизни.

Западные критерии и стандарты экономического развития не могут быть ориентирами для русской экономики. В гонке потребления, которую осуществляет западный мир, опираясь на неоплаченный труд и неравноправный обмен со странами — поставщиками сырья и топлива, наше место может быть только в лагере эксплуатируемых Западом. Более того, расточительство западной гонки потребления в условиях сокращающихся ресурсов человечества ведет его к гибели. Русская модель экономики, ориентированная на автаркию, разумный достаток и способная к самоограничению, предоставляет человечеству один из вариантов выживания.

В оформлении обложки использованы картины: Гурий Никитин с товарищами. «Деяния пророка Елисея («Жнецы»)» (Фрагмент росписи южной стены церкви Ильи Пророка в Ярославле. 1680–1681 гг.); С. Прохоров. «Жницы». Форзацев: Борис Кустодиев. «Ярмарка в деревне» (1919); Борис Кустодиев. «Ярмарка» (1906); А. Венецианов. «Жнецы»; А. Максимов. «Девушка со снопом».

© Платонов О. А., 2014

© «Родная страна», 2014

ПРЕДВИДЕНИЯ РУССКИХ ЭКОНОМИСТОВ

Уроки экономической мысли имеют огромную ценность для настоящего времени, позволяя понять главные причины нашей сегодняшней экономической катастрофы, а также дают возможность определить пути выхода из нее.

Прежде всего, что поражает в русской экономической мысли, это гениальность предвидения тех трагических событий, которые произошли в русской и мировой экономике в XX в.

Конечно, речь идет в первую очередь о предсказанном русскими экономистами мировом хозяйственном порядке, установленном западными странами в XIX в., позволявшем через биржи и банки, манипулируя курсами золота и валют, управлять абсолютным большинством человечества. Природные и экономические ресурсы стран, не принадлежащих к западной цивилизации, переходят под власть международных банкиров и автоматически перекачиваются в пользу западных владык и мировой закулисы, а сами эти страны беднеют и впадают в нищету.

Русские экономисты И. Кокорев, С. Шарапов, А. Фролов, Г. Бутми, М. Меншиков и др. открыли феномен богатения западного мира за счет чужих ресурсов. Современная западная экономическая система — это сложная финансовая пирамида, постоянно балансирующая на грани гигантской экономической катастрофы. Как неоднократно отмечалось,

из всех потоков денежных знаков и ценных бумаг только 10 — 15% носят производительный характер, т.е. обеспечивает реальное производство товаров и услуг, все остальные 85 — 90% являются виртуальным, фиктивным капиталом, не обеспеченным реальными ценностями. С христианской точки зрения, это ростовщический капитал, поработивший реальное производство и превративший в экономических рабов большую часть населения «третьего мира», России, Китая. Самым ярким выразителем экономического паразитизма являются США. Эта страна, составляющая сейчас только 5% населения, использует 40% мировых ресурсов, а контролирует еще больше.

Каждый американец сегодня потребляет за восьмерых жителей земли, а по сравнению со странами, не относящимися к «западной цивилизации», — даже за 12 человек.

Неужели кто-то может поверить, что такой сверхизобильный уровень потребления обеспечивается только за счет особого трудолюбия или высокой производительности труда?

Существует абсолютно неверное представление о том, что американцы — самый трудолюбивый народ, а его богатства — результат продуктивного труда. Это справедливо только по отношению к небольшой части населения, которая действительно работает очень напряженно и эффективно. Однако она составляет меньше трети работоспособного населения страны.

По данным официальной статистики, ок. 40% населения в возрасте от 16 лет и выше не работают. Не ходят на работу 30% американцев и 50% американок. Более 10% населения в трудоспособном возрасте работают неполный рабочий день. Таким образом, в целом половина населения США либо не работает вообще, либо работает мало. В США существует многомиллионный слой людей (ок. 5% трудоспособного населения), которых можно назвать воинствующими тунеядцами. Эти люди нигде не работают, презирают всякий труд

и живут на разные пособия и талоны на питание, полученные от государства.

Среди значительной части белого населения Америки живет неистребимое предубеждение против физического труда. Выполнять его, по мнению многих американцев, считается унижительным. Проведенные социологические обследования показали, что преобладающая часть американцев предпочитает вообще не работать, чем выполнять труд, не соответствующий их социальному статусу. 90% всех тяжелых, грязных и непривлекательных работ выполняют черные, индейцы, а также различные эмигранты, прежде всего пуэрториканцы и мексиканцы. Средняя продолжительность трудовой жизни (трудовой стаж) работающих американцев составляет не более 33 лет.

Реальные доходы американцев в 80-е гг. XX в. росли в два раза быстрее производительности труда. Это означает, что рост жизненного уровня населения Америки осуществляется не только за счет роста производительности труда, а имеет еще другие нетрудовые источники.

Нужно ясно понимать, что никакая самая современная техника и технология не может увеличить количество природных ресурсов, а только ускоряет их обработку и движение в пространстве. А это означает, что Америка, потребляя 40% общечеловеческих ресурсов, использует особый финансово-экономический механизм, создав систему перекачки ресурсов, принадлежащих всему человечеству, в свою пользу. Суть этого механизма в создании фиктивных ценностей и неравноправного по отношению к другим странам обмена товарами и услугами.

Первым инструментом перераспределения ресурсов других стран в пользу США является огромное количество необеспеченных долларов, которые американская система пустила на мировой рынок. Ценность их поддерживается только мифом «Великой Америки». Американская финансовая сис-

тема — это невиданная прежде мировая афера, которая рано или поздно взорвет финансово-экономическую стабильность всего западного общества.

Реально доллар как ценность, обеспеченная экономическим и финансовым потенциалом страны, стоит значительно меньше, чем его объявленная покупательная способность. Это дает Америке возможность за необеспеченные реальными ценностями бумажки перекачивать себе огромные ресурсы, принадлежащие другим странам. Главный товар Америки, на котором она больше всего «зарабатывает» на мировом рынке, это не техника и машины, а бумажные доллары с искусственно повышенным курсом покупательной способности. Американская финансовая система построена так, что постоянно балансирует на краю долговой ямы. Все, начиная от подавляющей части частных американцев и кончая американским государством, живут в долг.

80 % американцев покупают дома, машины, другие товары длительного пользования в кредит. Сегодня размер потребительского кредита, т.е. частной задолженности американцев, составляет ок. 1 трлн. долл. Еще более велика, просто колоссальна внутренняя задолженность американского государства. В н. 90-х гг. XX в. она превышала 3 трлн. долл. Большая часть социальных программ и военных расходов финансировались за счет внутренних займов. Общая же задолженность и государства, и частных лиц в Америке составляет 4 трлн. долл., или 80 % валового национального продукта страны. Был еще и внешний заем в 559 млрд. долл. Так за счет кого же предоставляется столь колоссальный заем? Не за счет внутренних возможностей Америки, а за счет умелого манипулирования и искусственного поддержания высокого курса доллара. Ведь на свои бумажные доллары американцы получали вполне реальные сырьевые и товарные ресурсы. Такое положение терпимо только до первой биржевой паники, когда большое количество держателей долларов осознает их реаль-

ную низкую обеспеченность и постарается быстро избавиться от них, что вызовет цепную реакцию во всем мире. Многие западноевропейские финансисты осознают эту проблему, хотя боятся в ней признаться открыто, чтобы не вызвать той самой паники, которая разрушит западную финансовую систему, основанную на долларе.

Другим инструментом в механизме перераспределения ресурсов стран, не относящихся к западному миру, в пользу США являются намеренно заниженные цены на сырье и топливо, которые США получают из развивающихся стран. Эксперты ООН неоднократно отмечали, что реальные затраты развивающихся стран на добычу сырья и топлива, включая существующие экологические аспекты, значительно выше установленных на них мировых цен.

Занижение цен происходит как за счет значительной недоплаты работникам, осуществляющим добычу (зачастую в несколько раз), так и за счет игнорирования того ущерба, который наносится природе стран — поставщиков сырья. По данным международных организаций, промышленным предприятиям развивающихся стран, экспортирующим свою продукцию в западные страны, пришлось израсходовать только на меры по борьбе с загрязнением окружающей среды на многие десятки миллиардов долл. больше, чем если бы от них потребовалось соблюдать экологические нормы, действовавшие в США.

США проводят целенаправленную политику снижения цен, прежде всего за счет тарифных барьеров на обработанные продукты, не позволяющих развивающимся странам экспортировать уже обработанные сырьевые товары. США вынуждают их продавать только сырье, поскольку львиная доля цены формируется на последних стадиях обработки на предприятиях, которые размещаются уже в США.

Еще одним из инструментов по снижению цен являются внутренние субсидии сельскому хозяйству США, особенно

на производство, дорогостоящее как с экологической, так и с экономической точек зрения. Сегодня США — крупнейший в мире производитель излишков продовольственного зерна, а это оказывает депрессивное влияние на мировой рынок продовольственных товаров вообще.

Занижение цен на сырье и топливо осуществляется пропорционально усилению экономических позиций западного мира, по мере опережающего роста темпов экономического развития. Занижение цен не только остается на одном уровне, но постоянно углубляется. Цены на сырье, за исключением нефти, снизились в н. 80-х в абсолютном выражении. В 1985 индекс сырьевых цен ЮНКТАД был на 30% ниже среднего уровня 1980. Эта тенденция сохраняется до сих пор, усиливая нищету и бедность в развивающихся странах, более миллиарда граждан которых сегодня голодают. Т. о., как отмечается в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию, «бедные развивающиеся страны вынуждены субсидировать более богатых импортеров своей продукцией». И прежде всего США.

Возмутительный парадокс паразитизма США и всего западного мира состоит еще и в том, что, недоплачивая развивающимся странам за сырье и топливо, они опутывают их сетью кабальных долгов, которые сегодня составляют 1, 3 трлн. долл. Во многих странах ежегодная выплата процентов и самого долга превышает сумму новой помощи и новых займов, полученных за это время. Долговые выплаты составляют почти 25% экспорта этих стран. Подобная участь готовится и нашей стране.

США и западные страны через свои финансово-кредитные организации осуществляют тотальный контроль над ценами, закулисно стимулируют конкуренцию и раздор между странами-должниками, вынуждая их в целях уменьшения затрат снижать плату за труд. По данным, приводимым лауреатом Нобелевской премии мира Б. Лауном, введение новой

международной экономической структуры, касающееся более чем 70 стран, снизило реальную зарплату по сравнению с прежней на 30 — 90%. Ограбление развивающихся стран США и его западными соратниками ведет к тому, что в развивающихся странах по этой причине ежегодно только от голода и болезней, связанных с ними, умирают десятки миллионов человек. Только по официальному заявлению ЮНИСЕФ, полмиллиона детей умирают каждый год вследствие долгового кризиса.

Одним из главных средств перекачки ресурсов в Америку из других стран являются транснациональные корпорации (ТНК), по финансовой мощи и масштабам деятельности являющиеся настоящими империями. ТНК почти идентичны понятию крупнейших корпораций США, имеющих филиалы во многих десятках стран мира. Экономический потенциал ТНК огромен. Они производят более половины валового национального продукта страны, их собственные финансовые ресурсы в 3 — 5 раз больше, чем у центральных банков и международных финансовых организаций западного мира.

Перекачка ресурсов других стран в пользу Америки осуществляется ТНК как в форме контроля над жизненно важными ресурсами стран путем размещения дочерних филиалов, так и в форме перелива капитала и товаров в Америку через системы т.н. трансфертных, а на самом деле просто жульнических цен.

Уровень трансфертных цен, по которым производятся расчеты между руководством корпорации, располагающейся в США, и ее филиалами в зарубежных странах, устанавливают совершенно произвольно, исходя только из интересов Америки. С помощью завышения трансфертных цен происходит скрытый перевод прибылей в американские банки из дочерних компаний зарубежных стран, в которых участвует местный национальный капитал. Эта очень распространенная махинация позволяет значительно сокращать распре-

деляемую по дивидендам часть прибыли, которая по справедливости принадлежит стране, где оперирует ТНК. Заведомо завышенные цены, выплачиваемые за поставки товаров и услуг дочерней компанией другим подразделениям ТНК, позволяют обходить валютные ограничения, препятствия по репатриации прибылей, применяемых в странах с целью регулирования платежных балансов. Всего, пользуясь трансфертными (жульническими) ценами, т.е. завышая цену товаров и стоимость услуг при расчете с дочерними филиалами, американские ТНК получают дополнительную прибыль в сотни миллиардов долларов.

Еще одним источником перераспределения дохода в пользу США является экономия на издержках на рабочую силу американского капитала в зарубежных странах. Издержки на рабочую силу в таких странах, как Мексика, Бразилия, Тайвань, Ю. Корея, в 9 — 10 раз ниже, чем в США. Это позволяет США перекачивать в свою пользу значительную часть продукта, принадлежащего работникам других стран.

До т.н. советской перестройки западный мир, и прежде всего США, эксплуатировали Россию за счет занижения мировых цен на сырье и прежде всего на нефть. Солидарная позиция западных стран, их контроль над мировыми рынками делали нашу страну беззащитной перед экономическим диктатом Запада. Позиция России резко ухудшилась в к. 80-х. Кроме заниженных цен на сырье, орудием эксплуатации нашей страны стал неравноправный курс рубля к западным валютам, являющийся результатом манипуляций закулисных дельцов, выражающих интересы паразитических мондиалистских структур Запада. В 80-е и отчасти в 90-е за счет занижения покупательной способности рубля по отношению к западным валютам происходил отток экономических ресурсов из страны фактически за бесценок. Но даже те крохи, которые платили за русские ресурсы, оседали в западных банках и пропадали для России. Получается то, о чем гово-

рил в свое время Меншиков. Русский народ беднеет не потому, что работает мало, а потому, что работает много и сверх сил, но большая часть его усилий идет в пользу Запада. Такой экономический порядок губителен для России и должен быть разрушен. Для разрушения порочного мирового порядка логика русской экономической мысли подсказывает следующее решение.

Во-первых, в силу катастрофической ситуации сегодня требуется установление жесткого контроля над внешней торговлей России, и прежде всего введение государственной монополии на нее.

Во-вторых, реальное соотношение рубля к западным валютам, исходя из расчетов покупательной способности. Запрет на операции с валютой внутри России. Установление монополии рубля как единственного платежного средства. Осуществление государственной политики третирования доллара и др. западных валют, которая позволит подорвать экономические позиции западного мира вплоть до создания биржевой паники с характерной цепной реакцией.

В-третьих, Россия вместе с другими странами, не принадлежащими к западному миру, должна стремиться к реформе мировых цен на сырье и топливо путем включения в них налогов на предполагаемую прибыль в конечном продукте, а также налогов на восстановление окружающей среды в пользу стран-экспортеров.

В-четвертых, Россия должна стремиться к созданию международной организации для установления всеобъемлющего финансового контроля над операциями транснациональных корпораций путем международных договоров, законодательно обязав их во внутренних расчетах использовать мировые цены, в т.ч. и по стоимости рабочей силы с учетом ее качества.

Важнейшим уроком русской экономической мысли, исходя из всего изложенного выше, является вывод о том, что за-

падные экономические стандарты не могут служить ориентирами для развития России, ибо заведомо недостижимы. Но не потому, то мы не можем хорошо работать и создавать высокую технику, а потому, что высокие западные стандарты в значительной степени обеспечиваются неоплаченным трудом населения других стран. Такой путь несовместим с русской цивилизацией и противоречит экономической модели России.

ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО ХОЗЯЙСТВА

Христианское хозяйство

БУЛГАКОВ Сергей Николаевич
1871 — 1944

Выдающийся русский мыслитель и экономист, рассматривал хозяйство как «процесс столько же материальный, сколько духовный». Хозяйственная деятельность приравнивается им к трудовой и определяется как творческая деятельность разумных существ, носящих высший духовно-нравственный характер. Экономика есть трудовая защита и расширение жизни. Трудовое отношение к миру по Булгакову — первоначальное самое общее и главное самоопределение человека. Сама жизнь — безостановочный хозяйственный процесс, протекающий в напряженности труда. Булгаков справедливо считает, что хозяйственная деятельность не может успешно осуществляться, если придерживаться вульгарных доктрин экономического материализма, разрушающих целостность труда и культуры, сводящих экономику к совокупности хозяйственных функций и выхолащивающих ее духовно-нравственное ядро.

В свете православного учения хозяйство, экономика понимается как явление духовной жизни, как духовное творчество, дающее место свободе личности. Свобода распространяется лишь на ход хозяйственного процесса, но не на его исход. Промысел Божий, путем необходимости ведущий человека,

есть высшая закономерность истории. Труд и экономическая деятельность человечества, рассматриваемые как единое целое, и есть человеческая история. Хозяйство, как в широком, так и в узком политэкономическом смысле есть творчество, синтез свободы и необходимости, регулируемые духовными ценностями Нового Завета.

Понимание хозяйства как творчества, дающего место свободе, приводит также к проблемам этики хозяйства и его эсхатологии (среди которых особое место занимает проблема частной собственности). В первохристианской письменности, а равно и у таких отцов Церкви, как святые Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский, имеются чрезвычайно резкие осуждения частной собственности, которые звучат социалистически (как и понимаются они социалистами, напр. Каутским). Так же понимается обычно и то общение имуществ, которое установилось в жизни апостольской общины в Иерусалиме, описанной в Деяниях Апостолов (4, 32). Однако при ближайшем рассмотрении можно видеть, что вся энергия этих осуждений относится не столько к собственности, сколько к собственникам, в которых клеймится эгоизм и черствость при пользовании собственностью. От собственника требуется известное поведение — именно исполненная доброжелательства помощь бедным и вообще полезное и разумное пользование богатством, причем высшим достижением будет полный отказ от собственности во имя освобождения от хозяйства. Однако как бы ни были резки и радикальны эти критические нападки, они совершенно лишены того социалистического смысла, который в них вкладывается. Ибо и общая собственность, о которой говорит социализм, видя в ней достойную стремлений цель и ценность, связывая с ней надежду на счастье и облагораживание человечества, должна была бы представиться для аскетического миропонимания совершенно таким же соблазном, как и собственность частная. Пусть

она будет свободна от тех злоупотреблений, какие связаны именно с частною собственностью, но, делаясь самодовлеющей нормой жизни, она представляет, конечно, такие же путы для духа, плен души, как и частная собственность. Иначе говоря, плен души у богатства и у собственности — одинаково личной или общественной — равно предосудителен и опасен, и социализм в такой же мере требует аскетического регулирования жизни, как и частная собственность, ибо вне этого и он превращается в служение мамоне. Поэтому вопрос о формах собственности для христианства превращается в вопрос чистой целесообразности, но не имеет в себе того принципиального острия, какое содержит он для социализма. Христианство столь же мало связано с хозяйственным индивидуализмом, как и социализмом, и одинаково как к тому, так и к другому обращается с тем же призывом и предостережением: не погружаться в хозяйство до конца, не давать овладеть собою его инстинктам, но по возможности и живя в хозяйстве, осуществлять свою свободу от богатства, подчинять его религиозно-этическим нормам. Одним словом, христианству в вопросах хозяйства и социализма принадлежит лишь аскетический, религиозно-этический мотив самобуздания и служения ближнему, а не то или иное суждение, касающееся хозяйственного факта, где царит необходимость со своею целесообразностью. И поэтому все разговоры о «христианском социализме» как единственно нормальной форме христианства в вопросах хозяйства основаны на недоразумении: утверждать общую собственность как именно христианскую форму собственности — значило бы овеществлять христианство, связывая его с частными формами экономической целесообразности: христианство проповедует свободу от собственности и попускает последнюю лишь при условии этического регулирования пользования ею. И между идеалом Франциска Ассизского и социализмом столь же мало общего, как между коммунистическими программами

и аскетическими заданиями Савонаролы, подобно Платону стремившемуся сделать государство монастырем для воспитания нравов.

Подобным же образом обстоит дело и с вопросом о проценте на капитал. В осуждении процента менее всего следует видеть социалистическую с ним непримиримость, как с формой эксплуатации или ограбления. Социалистическое отрицание «прибавочной ценности» утверждается или на зависти неимущих к имущим, эксплуатируемых к «эксплуататорам», или на утверждении «права на продукт труда» как исключительную собственность, т.е. представляет собой притязание собственников, утесненных в осуществлении своей собственности. Совершенно иной, не социалистический мотив руководит отцами Церкви в осуждении процента: если откинуть аргумент, заимствованный у Аристотеля, что «деньги не могут родить деньги», то останется обличение жадности, бесчеловечия, своекорыстия ростовщиков, т.е. опять-таки морально-аскетическое суждение, которому придана экономическая форма, соответствующая обстоятельствам и времени. Но принципиально здесь нет ничего невозможного для того, чтобы переменить это непримиримое отношение к проценту на более терпимое и снисходительное, раз было бы доказано, что вред от него превышает полезными его сторонами. Иначе говоря, и здесь мы имеем суждение фактическое, а не принципиальное.

Таково же было отношение раннего христианства к рабству, которое оно имело пред собой. И здесь также, вместо принципиального осуждения и отвержения рабства, которых естественно было бы ожидать по соображениям как принципиальным, так и практическим (ибо среди христиан было много рабов), христианство вступает на путь религиозно-этического регулирования отношений господ и рабов. Оно указывает им их взаимные обязанности, при исполнении которых рабство теряет непримиримый с христианством харак-

тер — отрицания личности раба, а становится одним из видов организации труда. Поэтому и здесь христианство не провозглашает социального «демократизма» или политического равноправия, — фактического суждения оно не превращает в принципиальное, но указывает религиозно-аскетические нормы, одинаково обязательные для всех, в каком бы звании каждый ни находился. Как говорит блж. Августин, «этот небесный град (т. е. Церковь) пока находится в земном странствовании, призывает граждан из всех народов и набирает странствующее общество во всех языках, не придавая значения тому, что есть различного в правах, законах и учреждениях, которыми мир земной устанавливается или поддерживается; ничего из последнего не отменяя и не разрушая, а напротив, сохраняя и соблюдая все, что хотя у разных народов и различно, но направляется к одной и той же цели земного мира, если только не препятствует религии, которая учит почитанию единого высочайшего и истинного Бога. Пользуется т.о. и град небесный в этом земном странствовании своим миром земным, и в предметах, относящихся к смертной человеческой природе, насколько то совместимо с благочестием и религией, сохраняет и поддерживает единство образа человеческих мыслей и желаний и направляет этот земной мир к небесному миру». Итак, всякого рода пользование вещами временными важно для приобретения земного мира в граде земном, а в граде небесном важно для приобретения мира вечного... порядок же (человеческого мира) заключается, во-первых, в том, чтобы никому не вредить, а во-вторых, в том, чтобы приносить пользу, кому можно. Итак, прежде всего ему предстоят заботы о своих домашних: они ближе и доступнее других его советам и попечениям в силу порядка природы, в силу порядка самого общения человеческого. Почему апостол говорит: «Аще же кто о своих, паче же о домашних не промышляет, веры отвергся есть, и неверного горший есть» (I Тим. 5, 8). Отсюда возникает мир домашний, т.е.

упорядоченное согласие относительно управления и повиновения сожительствующих. Управляют те, которые заботятся, как муж — женой, родители — детьми, господа — рабами. Повинуются же те, о которых заботятся, как жены — мужьям, дети — родителям, рабы — господам. Но в доме праведного, живущего верою и находящегося еще в странническом удалении от того небесного града, и управляющие служат тем, кем, по-видимому, управляют. Ибо управляют они не из желания господствовать, а по обязанности заботиться и не из гордого сознания своего начальственного положения, а из сострадательной предусмотрительности.

Если христианство во внемирном или замирном своем устремлении сверхкультурно, сверхисторично и сверххозяйственно, то в своем историческом лике оно дает идеал аскетической культуры и, в частности, аскетического хозяйства. Жизнь человеческая представляет собой непрестанное противоборство добра и зла, почему всякая человеческая деятельность должна стоять под религиозно-этическим контролем и отмечена дуализмом, причем этот дуализм все более обнажается с историческим развитием. Существует — по изображению блж. Августина, получившему всемирную известность как классическое выражение христианской философии истории, — два града, Божеский и человеческий. Однако «когда человек живет по человеку, а не по Богу, он подобен дьяволу», следовательно, второй град есть дьявольский. «Когда человек живет по себе самом, т.е. по человеку, а не по Богу, он, несомненно, живет во лжи. Это не потому, чтобы сам человек был ложь: виновник и Творец его есть Бог, который ни в каком случае не есть виновник и творец лжи; а потому, что человек сотворен правым под тем условием, чтобы жил он не по себе самому, а по Тому, кем сотворен, т.е. исполнял более Его волю, чем свою собственную. Жить же не так, как жить он сотворен, и есть ложь». «Не добро, оставив доброго Создателя, жить по доброму созданию: ста-

нет ли кто жить по плоти, или по душе, или по всему человеку». «Итак, сказанное нами, что образовалось два различных и противоположных между собою града потому, что одни стали жить по плоти, а другие по духу, может быть выражено и так, что образовались два града потому, что одни живут по человеку, а другие по Богу». «Итак, два града созданы двумя родами любви — земной любовью к себе, доведенною до презрения к самому себе. Первый затем полагает славу свою в самом себе, последний в Господе. Ибо тот ищет славу от людей, а для этого величайшая слава — Бог, свидетель совести... Над тем господствует похоть господствования, управляющая и правителями его и подчиненными ему народами, — в этом по любви служат взаимно друг другу и предстоятели, руководя, и подчиненные, повинуваясь. Тот в своих великих людях любит собственную силу, а этот говорит своему Богу: «Возлюблю тя, Господи, крепосте моя...» (Пс. 17, 2). Поэтому в том граде мудрые его, живя по человеку, добивались благ тела или души своей, или от того и другой вместе».

Предварительное определение хозяйства

«Жизнь жительствоует» в теперешнем мире лишь в борьбе со смертью. Мир «органический», царство жизни в разных ее формах, окружен враждебной стихией смерти, мертвого механизма, давящей необходимости. Под «тяжелым покровом седых небес», под этим свинцовым небом на отравленной, зачумленной земле жизнь кажется какой-то случайностью, каким-то попущением снисходительностью смерти. Окруженная кольцом смерти, постоянно угрожаемая раскрытым зевом небытия, жизнь робко и скупно ютится в уголках Вселенной, лишь ценою страшных усилий спасаясь от оконча-

тельного истребления. Ибо она может быть если не окончательно истреблена, то постоянно истребляема, становясь добычей подстерегающего ее небытия со всех сторон и под всеми личинами. Она не отделена от него непроницаемой стеной, которая бы делала невозможной эти посягательства. Она несовершенна в себе самой, ибо непрочна, временна, смертна.

Совместимость жизни со смертью, живого с неживым, вещным, есть один из величайших парадоксов действительности и вечная загадка для мысли. Есть только жизнь, и все, что существует, существует лишь в свете жизни. Вещи, т. наз. мертвая природа, то есть все то, в чем, по-видимому, отсутствуют признаки жизни, есть только минус жизни, отрицательный ее коэффициент, но вне этого, хотя и отрицательно, однако выраженного в терминах жизни определения, они превращаются в призраки, улетучиваются. Они и заметны лишь в свете жизни, как предметы выделяются из мзониической тьмы небытия (потенциального бытия) при восхождении солнца, при наступлении же ночной тьмы опять погружаются в небытие. Даже и смерть существует лишь благодаря жизни и в свете ее, смерть есть не-жизнь, отрицание жизни есть ее единственное определение, она лишь тень жизни, и вне жизни она ничто, ее нет — «Бог не сотворил смерти» (Прем. Солом. 1,13), в ней нет своей силы бытия. Нельзя сказать, что абсолютное ничто (...) есть, оно влачит условное существование как тень бытия или его зеркальное отображение, для своего призрачного существования нуждающееся в каком-нибудь подлинном бытии. Тем не менее борьба жизни и смерти, света и тени, живого и вещного проникает всю нашу жизнь, делая ее несовершенную, ограниченную, неабсолютную.

Если борьба жизни и смерти так непримирима и на поверхности мирового бытия, в самом сердце мира, способного поддерживать только смертную жизнь, то есть жизнь, хотя

и абсолютную, вневременную по своему метафизическому характеру, но, в полном противоречии этому своему естеству, временную, неабсолютную в фактическом существовании. Метафизически смерть живого не только не естественна, но противоестественна, противоречива, а потому и логически недомыслима, мы не можем продумать этого понятия в силу закона противоречия, и однако эмпирически она стала законом естества, наиболее общим и глубоким. В этом противоречии загадка для мысли. Мы так привыкли к смерти, к самой идее смертной жизни, что нас уже не поражает это противоречие, которое, однако, гораздо глубже и радикальнее, нежели в таких, например, сочетаниях, как: горячий лед, холодный зной, черная белизна и т.д.

Тем не менее — как бы это ни истолковать — в мире существует теперь только смертная жизнь, и это настолько общее ее определение, что и самая смерть становится атрибутом и признаком жизни — умереть может только живое. Следовательно, жизнь утверждается в царстве смерти, обступающей ее со всех сторон и проникающей через все ее поры. Она может быть поэтому только непрерывной борьбой со смертью, она берется не даром, не сложа руки, а в непрерывном напряжении борьбы. Борьба за жизнь с силами смерти есть самое общее определение существования — *struggle for life* — в смысле не только биологическом, но и онтологическом. Смерть, тесня жизнь, приводит ее к взаимному самоистреблению: дарвиновская борьба за существование! Смерть пользуется жизнью одних как орудием смерти других, сама победа жизни в одном пункте становится вместе с тем победой смерти в другом.

Борьба за жизнь испытывается как плен у необходимости, у мертвого механизма природы, у «пустых и суетных стихий» мира, которые все угрожают одним: смертью. Угрожает и холод, и жар, и туман, и дождь, и засуха, и ураган, и река, и море, все враждебно и все угрожает. Слепая необходи-

мость, неосмысленная стихийность, мертвый механизм, железный фатум — вот под какими личинами выступает здесь дух небытия, «князь мира сего», Смерть.

На природе лежит мертвая маска вещности, чуждости, непроницаемости для человека, и лишь избранные тайновидцы знают, что в действительности:

Не то, что мните вы, природа

Не слепок, не бездушный лик.

В ней есть душа, в ней есть свобода,

В ней есть любовь, в ней есть язык.

Но и им это открывается лишь в мгновениях поэтического озарения, в повседневности же и для них существует тот мир вещей, мертвая пустыня под свинцовым небом, где на каждом шагу подстерегает гибель и смерть. Живое существо чувствует себя рабом необходимости, механизма. Жизнь есть начало свободы и организма, то есть свободной целесообразности, в противоположность механизму сего железной необходимостью. Борьба теологического принципа с механическим, свободы с необходимостью, организма с механизмом есть борьба жизни и смерти. Организмом побеждается механизм, причем этим он не упраздняется как причинность. Закон организма — причинность через свободу. Можно сказать, что весь мировой и исторический процесс вытекает из противоречия между механизмом, или вещностью, и организмом, или жизнью, и из стремления природы преодолеть в себе механизм как начало необходимости, с тем, чтобы преобразоваться в организм как начало космической свободы, торжество жизни, панзоизм.

Непосредственно этот плен бытия у князя мира сего, у духа небытия, смерти, выражения в роковой зависимости человека от удовлетворения своих низших, животных, или так называемых материальных, потребностей, без которого уничтожается жизнь. Борьба за жизнь есть поэтому в первую

очередь борьба за пищу, и это сближает человека со всем животным миром. Насколько существует это сродство, все человеческое хозяйство можно рассматривать как частный случай биологической борьбы за существование.

Итак, всякому живому существу, а также и человеку приходится отстаивать свое существование, защищать жизнь от смерти. Но этим оборонительным отношением не исчерпывается, конечно, борьба за жизнь, при первой же возможности она из оборонительной становится наступательной, стремясь утверждать и расширять жизнь, укрощать враждебные стихии природы и подчинять своим целям ее силы. Территории свободы и необходимости постоянно изменяются одна за счет другой, жизнь-свобода стремится расширить свои завоевания и обвести себя окружностью все с более широким радиусом. Борьба эта за расширение жизни и свободы на счет необходимости, в которой жизнь превращает отвыкшие куски механизма в члены организма и расплавляет холодный металл вещиности в огне жизни, принимает разные формы, она ведется с примитивными инструментами и во всеоружии знания, но содержание ее остается одно и то же: защита жизни и ее расширение путем превращения механизма в организм, преодоления мертвого механизма животворящими силами и в этом смысле — творчество жизни. Обе деятельности, оборонительная и наступательная, защита и расширение жизни, неразрывно связаны между собою, суть разные стороны одного и того же процесса. Как бы успешно ни велась эта борьба, она во всяком случае не может быть по желанию прекращена, она не добровольна, но вынуждена.

Борьба за жизнь с враждебными силами природы в целях защиты, утверждения и расширения, в стремлении ими овладеть, приручить их, сделаться их хозяином и есть то, что — в самом широком и предварительном смысле — может быть названо хозяйством. Хозяйство в этом смыс-

ле свойственно всему живому, не только человеческому, но и животному миру: почему не говорить о хозяйстве пчел, муравьев или о хозяйственном смысле и содержании животной борьбы за существование? Однако в точном смысле слова хозяйственная деятельность свойственна только человеку, причем она включает в себя в качестве подчиненных и частных моментов и элементы хозяйства животного мира. В дальнейшем черты различия хозяйства у человека и животных выяснятся полнее.

Итак, хозяйство есть борьба человечества с стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечивания природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм. Содержание хозяйственного процесса можно поэтому выразить еще и так: в нем выражается стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью, поэтому в пределе цель эту можно определить как превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организмом, причинности целесообразностью, как очеловечивание природы. Задача хозяйства устанавливается именно этим распадом бытия, противоречием и взаимным ограничением свободы и необходимости, жизни и смерти: если бы в мире царила абсолютная, бессмертная жизнь (и, следовательно, вселенная представляла бы собой универсальный организм), если бы в ней совсем не было места мертвому механизму с угрозой смерти, то единственную форму причинности была бы причинность через свободу, или теологическая; подобным же образом в случае полного уничтожения жизни, при котором царство мертвого механизма не имело бы никаких границ, все оказалось бы в темной ночи небытия, не освещаемое в этой тьме светом жизни и свободы. Наличное же состояние бытия как тяжба жизни и смерти, как борьба сво-

боды и необходимости, уже тем самым обнаруживает свой неокончательный, переходный характер, свое неустойчивое равновесие, которое стремится сделаться устойчивым в этом процессе. Хозяйство есть выражение борьбы этих двух метафизических начал — жизни и смерти, свободы и необходимости, механизма и организма. В своем прогрессе оно есть победа организующих сил жизни над дезорганизующими силами смерти и делом ее, однако, над самой ли смертью в ее метафизическом существе? Хозяйство есть борьба со смертоносными силами князя мира сего, но способно ли оно поднять мятеж против самого этого князя? Способно ли хозяйство изгнать из мира смерть и победою над ней преодолеть то, что составляет его собственное условие? Или наоборот, хозяйственным путем не уврачевать сердца мира, отравленного смертью, и только новым творческим актом Божества, силою Того, Кто «смертию смерть поправ», «истребится последний враг — смерть»? Этот предельный вопрос мы ставим здесь лишь как логическую грань, его обсуждение относится уже к эсхатологии хозяйства.

Но если хозяйство есть форма борьбы жизни со смертью и орудие самоутверждающейся жизни, то с таким же основанием можно сказать, что хозяйство есть функция смерти, вызвано необходимостью самозащиты жизни. Оно в самом основном своем мотиве есть несвободная деятельность, этот мотив — страх смерти, свойственный всему живому. Как бы далеко ни зашел человек в своем хозяйственном прогрессе, он, оставаясь хозяином, не может снять с себя наручни раба, повинного смерти.

Определяя хозяйство как актуальное, оборонительно-наступательное отношение человека к природе мы раздвигаем его границы, очевидно, шире, нежели они устанавливаются в политической экономии, руководящейся при этом целями и возможностями специального изучения. Признаком, устанавливающим хозяйственную деятельность, является наличность

усилия, труда, направленного к определенной цели. Хозяйство есть трудовая деятельность. Труд, и притом подневольный, отличает хозяйство. В этом смысле хозяйство можно определить как трудовую борьбу за жизнь и ее расширение, труд есть основа жизни, рассматриваемой с хозяйственной точки зрения. Жизнь возникает в рождении естественно, то есть бессознательного приложения труда, дается даром, но в хозяйстве поддержание ее уже оплачивается трудом, она становится трудовой. Труд есть та ценность, которою приобретаются блага, поддерживающие жизнь. Эта истина как темное предчувствие лежит в основе т. наз. трудовых теорий ценности в политической экономии.

«Alle wirtschaftliche Güter sind Arbeitsproducte». Эта формула Родбертуса, прекрасно отражающая общее воззрение политической экономии, сохраняет верность и смысл и за ее пределами. В политической экономии, именно в «теории ценности», ей придается чрезмерно узкое, материалистическое и меркантильное истолкование, на ней лежит печать экономического материализма, а также и преднамеренной односторонности обусловленной научной специализацией. Уже с самого своего зарождения в меркантилизме, у физиократов, у Ад. Смита и других представителей классической школы, наконец, в социализме политическая экономия стремится точнее определить понятие «производительного», то есть хозяйственного труда, чтобы отмежевать при помощи его область своего специального исследования, которое иначе грозило бы расширяться безгранично и должно было бы включать в себя всю науку о культуре. В политической экономии эта преднамеренная узость ее понятий приводит к односторонности и грубости выводов, для философии же хозяйства это преднамеренное сужение кругозора было бы не только излишне, но и прямо вредно. Хозяйство, по существу, включает в себя человеческий труд во всех его приме-

нениях, от чернорабочего до Канта, от пахаря до звездочета. Признак хозяйства — трудовое, воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению. Это напряженная активность человеческой жизни во исполнение Божьего слова: в поте лица твоего снеси хлеб свой, и притом всякий хлеб, то есть не только материальную пищу, но и духовную: в поте лица, хозяйственным трудом не только производятся хозяйственные продукты, но создается и вся культура.

Мир как хозяйство — это мир как объект труда, а постольку и как продукт труда. Печать хозяйства кладется именно трудом, в этом права трудовая теория ценности, права политическая экономия, которая верно чувствует универсальное, космическое знание труда, хотя и не умеет его как следует выразить и до конца осмыслить.

Определим ли труд? Мы знаем попытки определений труда в политической экономии, но они преследуют специальные цели, имея в виду преимущественно теорию ценности, и неудачны даже с точки зрения последней, кроме того они не могут удовлетворить нас и по своей материалистичности. Труд есть затрата нервно-мускульной энергии — таково, напр., пользующееся большой распространенностью определение Маркса. Но не говоря уже о том, что признак этот нелегко установим для умственного труда, нетрудно видеть, что не только в этой затрате силы выражается и обнаруживается труд. Труд в своей внутренней, волевой основе, как чувство усилия, направленного вовне, не поддается никакому определению, хотя он известен из опыта и самонаблюдения каждому как актуальность, как действенная воля, как активный выход из себя. Способность к труду есть одно из свойств живого существа, в нем обнаруживается огонь и острота жизни. Только тот живет полной жизнью, кто способен к труду и действительно трудится. Трудовое начало жизни соотносительно и в известной мере противоположно

природному или даровому. Хозяйству как трудовому воспроизведению и расширению жизни противоположна природа как совокупность даровых (для человека) «естественных» сил жизни и ее роста. Не хозяйственным актом рождается человек, развивается в утробе матери и растет после рождения, укрепляясь в своих физических и духовных силах, осознавая в себе силы духа. Не хозяйством совершаются всевозможные процессы в природе, не хозяйством, наконец, создана эта вселенная. Напротив, лишь наличность ее и обуславливает как субъективную, так и объективную возможность хозяйства, и способность к труду, и возможность труда. Хозяйство в этом смысле лишь включено в жизнь вселенной, есть момент ее роста. Но в то же время это момент необходимый, включенный в план мироздания как актуальное проявление жизни, достигшей самосознания и остроты. Культура, то есть трудом или хозяйственно вызываемый или реализуемый рост жизни, предполагает природу (в смысле ее некультурного или, точнее, вне- и докультурного, дохозяйственного состояния), как свою основу. Природа без труда, без трудовой культуры, не может выявить всех своих сил, по крайней мере в человеке, выйти из полудремотного существования, но, с другой стороны, и культура не имеет иных творческих сил, кроме заложенных уже в природе. И «заботясь» (то есть всеми усилиями культуры), мы не можем прибавить себе даже локтя росту, по слову Спасителя. Природа есть поэтому естественная основа культуры, материал для хозяйственного воздействия, вне ее так же немыслимо и невозможно хозяйство, как вне жизни невозможен конкретный опыт.

ХРИСТИАНСКИЙ ИДЕАЛ ЭКОНОМИКИ

Эрн Владимир Францевич
1882 — 1917

Отцы Церкви видели великую несправедливость в том, что горсть людей присваивает себе все земные богатства мира и порабощает других, лишая их хлеба насущного. Они, однако, не требовали полного отказа от частной собственности, ибо никогда люди не дойдут до такой степени совершенства, чтобы презирать земное богатство. Все свои надежды в экономической жизни отцы Церкви возложили исключительно на применение нравственных начал христианства.

Безусловная справедливость. Христианский идеал народного хозяйства основан на почве безусловной справедливости. Ведь Богу угодно, чтобы все люди были равны, Он всем нам предопределил одинаковые условия жизни, всех призвал к мудрости, всем обещал бессмертие, никто не отлучен от Его милостей. Перед Богом нет раба и нет господина. Перед Ним беден лишь тот, кто беден благочестием, богат тот, кто богат добродетелями.

Св. Киприан пишет: «Все, что принадлежит Богу, находится в нашем общем пользовании и никто не лишается Его даров и милостей, дабы весь род человеческий в равной степени пользовался Его благостью и щедростью». Неравенство пошло с дележа земли. Бог дал людям землю для того, чтобы они жили на ней сообща и никто не нуждался бы в том, что растет для всех, а не для того, чтобы алчность немногих захватила себе все. «Кто хочет сделать людей равными, дол-

жен упразднить не браки и имущества, а дерзость, гордость и надменность, так чтобы власть имеющие признавали себя равными даже самим нищим».

Первоначальное равенство людей св. Григорий Назианзин развивает мыслью: «Что прекраснее воздуха, огня, воды, ветров, плодов благородных и диких, крова и одежды? Все это в общем владении: одно всецело, другое отчасти... Солнце восходит одинаково для всех, дождь падает для богатых и бедных, общее для всех чередование дня и ночи, общий дар здоровья, общий предел жизни, общая сила чувств... Итак, это общее, равное для всех и есть знак справедливости Божией. Золото же, и благородные камни, и помрачающие ум яства, и излишнее богатство — вся эта суета есть предмет тщеславия немногих имущих».

Св. Василий Великий говорит: «Захватывая общее добро, богатые делают его своей собственностью. Если бы каждый брал по мере своих потребностей и оставлял излишнее нуждающемуся, то никто не был бы богатым, никто бедным... Да не окажемся мы, одаренные разумом, более жестокими, чем неразумные животные. Ведь последние естественно пользуются сообща тем, что родит земля... Мы же прячем общее добро, владеем в одиночку достоянием многих».

Св. Амвросий рассуждает: «Природа дала все всем сообща. Бог велел всему родиться так, чтобы быть общей всем пищей и чтобы земля была, так сказать, общим владением всех. Значит, природа создала общее право, захват — частное... До каких пределов, богачи, вы простираете свои безумные вожделения? Отчего вы исключаете соучастника в пользовании природой и присваиваете себе владение ею? Земля — общее достояние всех, богатых и бедных; почему же вы, богатые, приписываете себе одним право собственности на нее?»

Ценность земного богатства. Отцы Церкви неизменно оценивают хозяйственные отношения по критерию служения людям, а не их личным интересам и их стихийной борь-

бе, и принципиально подчиняют эти отношения системе нравственных обязанностей. Они ответили нам на вопросы о ценности временных благ, о допустимых способах их приобретения и об их достойном употреблении. Рядом с богатством, в обычном смысле, существует богатство высшего порядка — это нравственная ценность в самом человеке. Отцы Церкви различают двоякого рода богатства — «слепое» и «зрячее»: истинное богатство открывает нам глаза, обогащает наш умственный взор, противоположность же его — пагубная нищета, которую напрасно называют богатством. Истинное богатство может быть дано как богатому, так и бедному, точно так же — богатство ложное.

Св. Иоанн Златоуст развивает мысль, что не во всяком богатстве и не во всякой нищете следует видеть перст Божий. Ведь есть богачи, скопившие себе богатство грабежом, кощунством и искусством скомороха; эти люди недостойны вообще жить на свете, а тем паче в роскоши и богатстве. Откуда у них это богатство? Не от Бога, а от греха. Или возьмем следующий случай: легкомысленный юноша растратил свое имущество или попал в руки мошенников; если он т.о. впадает в нищету, то эта нищета уже не от Бога, а результат его собственной расточительности.

Св. Киприан замечает, что богатство сопряжено с различными заботами, которых не знает бедный. Во всех успехах и наслаждениях жизни богатому не перестают мерещиться убийцы, он боится воров и грабителей, боится людской зависти, этого заклятого врага всех живущих в довольстве, боится злых наветов и клеветы, которые могут притянуть его к суду. Богатые воистину достойны сожаления, тем более что у них же под рукой средство избавиться от всех этих тревог, но в своем ослеплении они не видят его. Стоит им только раздать свои избытки, и они свободны. Однако они предпочитают дрожать над своим богатством, лелеять свое собственное несчастье.

Св. Василий Великий пишет: «Если к тебе со многих сторон и из неисчерпаемых источников притекают деньги, не полагайся на их обилие... Быстротечна природа богатства: быстрее потока оно проходит мимо имеющих его». Он же говорит, что богатые разоряют менее богатых и, в свою очередь, становятся жертвой других, еще более богатых.

Св. Григорий Нисский рисует разницу между истинным и ложным богатством: «Превозносится богатство добродетелью, презирается же брэнное, земное богатство — ибо одно есть приобретение души, другое же служит к обману чувств».

Согласно св. Иоанну Златоусту, истинное богатство заключается именно в отсутствии самого желания быть богатым. Когда же, восклицает он, перестанут, наконец, говорить о богатых и нищих в общепринятом смысле! «Нет, не тот беден, кто ничего не имеет, а тот, кто желает слишком многого; не тот богат, кто много имеет, а кто ни в чем не нуждается... Желания делают человека богатым и бедным, а не обилие или недостаток денег». Отцы Церкви подчеркивали, что богатство часто делает человека пленником мирской суеты и многие, хоть и веруют в душе, но по своему образу жизни стали совершенными язычниками. Они единодушно выводят положение: истинное богатство заключается в бедности желаний.

Приобретение земных благ. По тому как приобретает-ся имущество и как используется, оно становится добром или злом. Св. Иоанн Златоуст замечает, что, в сущности, ни богатство, ни бедность не являются сами по себе злом; богатство не есть зло, если приобретено без алчности, без хищений и насилия, бедность и подавно нет, т.к. она по меньшей мере мать здоровья.

Св. Василий Великий пишет: «Любящий ближнего, как самого себя, не приобретает ничего более, нежели ближний... Ведь поскольку ты прибавишь себе богатства, постольку же убавишь любви...»

В любви к ближнему, доведенной до полного отказа от своей собственности, св. Иоанн Златоуст видел нечто столь великое, что ожидал от торжества ее устранения всех недостатков нашей экономической жизни. Он, однако, не забывает, что такое самопожертвование требует от человека высоких нравственных достоинств, и советует это только избранным. Остальным же разрешает сохранить свое имущество и даже заботиться об увеличении его. Он лишь дает им следующий совет: «Давайте из вашего добра нуждающимся и вы увеличите свое имущество. Ибо дающий бедному, сказано, дает в рост Богу».

Пользование земными благами. Пользование земными богатствами определяет и их истинную ценность. Св. Василий Великий ни во что не ставит богатство, если не пользоваться им, как следует: только в таком случае оно становится действительным благом.

Блж. Августин говорит: «Если ты господин над золотом, ты делаешь из него то, что хорошо; если раб, оно делает из тебя то, что дурно».

Св. Киприан высказывает мысль, что кто не упражняется в правильном употреблении своих богатств, для того они могут стать крайне губительными; вместо того, чтоб искупить свои грехи, он лишь увеличит их своим богатством.

Мерилом дозволенных расходов св. Василий Великий считает действительные потребности. Все, что переходит эту границу, есть злоупотребление. Св. Амвросий различает двоякие траты денег: траты щедрости и расточительности. «Ибо есть два рода трат: один — щедрость, другой — расточительность. Щедро: оказывать гостеприимство, одевать нагого, помогать неимущим продовольствием... Расточительно: тратить на пышные пиры и на множество вина...»

Св. Иоанн Златоуст призывает быть бережливым, ибо, воздерживаясь от напрасных трат, получаешь возможность помогать другим.

Земные богатства также должны служить на пользу Церкви и Государства. Сам Спаситель признавал справедливым вносить подать на храм и платить дань кесарю.

Потеря земных благ. «Что бы ни случилось, отчего обыкновенно сокрушаются духом, например, потеря состояния... ты, будучи как бы выше этого, не обращай внимания» (св. Амвросий).

Климент Александрийский пишет: «Бедность, болезнь и подобные испытания часто посылаются для вразумления, для исправления прошедшего и предостережения на будущее».

Верующему следует переносить потерю своего имущества с таким же душевным спокойствием и безмятежностью, как и богатство. Христианина должны отличать как щедрость в подаяниях, так и терпение при потерях. Кто не в состоянии спокойно переносить утрату материальных благ, тот живет как язычник.

Ценность труда. Св. Григорий Назианзин ценит труд как таковой. Нарботаться до усталости, говорит он, уже сама по себе награда для того, чья душа не погрязла еще совсем в корыстолюбии.

«Делай какую-нибудь работу, чтобы дьявол всегда находил тебя занятым. И апостолы, имевшие власть жить от Евангелия, работали своими руками, чтобы не быть кому-нибудь в тягость... Пусть вскапывается земля, пусть разделяются равной межей гряды, пусть бесплодные деревья прививаются почками или ветками, для того, чтоб спустя немного времени ты собрал сладкие плоды труда своего. Устраивай ульи для пчел... и научись монастырскому порядку и царской дисциплине на малых тварях. Пусть плетутся сети для ловли рыб, пишутся книги, дабы и рука зарабатывала пищу, и душа насыщалась чтением. Дабы Дух не блуждал в пагубных помышлениях» (св. Иероним).

Св. Иоанн Златоуст объясняет: «Ведь и апостол Петр препоясывался, тянул сети и ловил рыбу после воскресения

Господа... А апостол Павел после бесчисленных путешествий и стольких чудес, стоя в мастерской шатров, сшивал шкуры... Итак, пусть не стыдится никто из занимающихся ремеслом, а стыдятся тунеядцы и праздные, которые имеют много слуг... Ибо кормиться постоянным трудом есть вид философии; у таких души чище, характеры сильнее».

Отцы Церкви призывали остерегаться тех, которые сами не работают, а, прикрываясь христианством, норовят жить за счет других. Для них христианство лишь выгодная сделка. Св. Василий Великий подтверждает: «Намерение благочестия не должно служить предлогом для лени и бегством от работы, а побуждением к еще большим трудам и работе... Не только потому, что подобный образ жизни полезен как умерщвление плоти, но также ради любви к ближнему... И нужно ли говорить, сколь великое зло — праздность, если апостол ясно возвестил: «Кто не работает, да не ест». Как для каждого необходима ежедневная пища, так необходим и труд по силам».

Творец тесно связал работу для собственной пользы и работу на пользу других. «Бог заставил нас нуждаться друг в друге, чтобы таким образом соединить нас вместе... Поэтому земледелец сеет не столько, сколько хватило бы для него, а работает на благо многих; и купец готовит не столько, сколько достаточно было для него одного, но и для многих других... Ибо, раз люди не в состоянии работать на благо ближнего, иначе как по принуждению, то Бог не допускает прийти к собственной выгоде иначе, как пройдя по пути принесения пользы другим» (св. Иоанн Златоуст).

«Можно слушать божественную мудрость, но можно также участвовать в управлении государством; не запрещено также и вести мирские дела добропорядочно, согласно Воле Божией» (Климент Александрийский). Он требует от живущих в мире и мирскими заработками умеренности во всем: «Воинам Господь возвещает через Иоанна Крестителя: до-

вольствоваться одним жалованьем; мытарям: не взыскивать больше того, что положено; судье говорит: не смотри на лицо на суде. Ибо дары ослепляют глаза смотрящих и опорочивают справедливые речи в защиту обиженных. А хозяевам: имущество, приобретенное беззаконием, уменьшается». Климент Александрийский указывает, что в каждом ремесле можно служить Богу. «Возделывай землю, если ты земледелец, но, возделывая ее, познавай Бога; любящий мореплавание, плавай, но призывай небесного Кормчего; осенило тебя божественное знамение в бытность воином, слушай вождя, приказывающего справедливое». Облаченные должностью начальника, говорит он, да берут пример с Моисея: «И если знающий когда-нибудь получит власть, то он, подобно Моисею, будет управлять ко благу управляемых и искоренит разнузданность и вероломство, воздавая почет лучшим и наказывая дурных по справедливости, в целях воспитания».

Ссуда денег под процент. Отцы Церкви единогласно считают ростовщический процент противоестественным, безнравственным и греховным. «Воистину, верх бесчеловечности, когда один, нуждаясь в необходимом, ищет ссуды для поддержания жизни, а другой, не довольствуясь капиталом, старается из несчастий бедного составить себе доходы и богатство» (св. Василий Великий).

Св. Киприан пишет: «Человек праведный другого не притеснит и залог должника возвратит, хищения не совершит, хлеб свой даст голодному и нагого оденет, и денег своих не отдаст в рост».

Климент Александрийский ссылается на закон Ветхого Завета: «Закон запрещает отдавать в рост брату (Втор. 23, 19); братом он называет не только рожденного от одних и тех же родителей, но также того, кто принадлежит к тому же народу и к той же вере и приобщен тому же Слову; он объявляет справедливым не брать проценты на деньги, но с открытыми руками и помышлениями благотворить нуждающимся».

Очень резко высказывается св. Григорий Нисский, называя несправедливый процент своего рода воровством и разбоем. Ведь, в конце концов, совершенно одно и то же: проломать ли воровским манером дыру в стене и похитить чужое имущество, убить ли странника на проезжей дороге и присвоить себе его добро, или же прийти к тому же результату путем ростовщичества. Св. Иоанн Златоуст высказывается в том же духе. Он лишь прибавляет, что ростовщик, в сущности, еще хуже вора и разбойника, т.к. действует более тиранически.

Св. Амвросий яркими красками описывает козни ростовщиков: «Таковы ваши благодеяния, богачи! Вы даете меньше и требуете больше. Таково ваше человеколюбие, что вы обираете, даже когда помогаете. И бедный для вас плодородная почва для наживы. Платит проценты тот, кто не имеет необходимого для жизни: разве есть что-нибудь более тяжкое? Он ищет лекарства, вы даете ему яд; он молит о хлебе, вы протягиваете ему меч; он просит свободы, вы налагаете на него рабство».

Св. Иоанн Златоуст говорит, что требовать от должника больше того, что дал ему займы, явно противоречит Слову Божьему. «Ибо что может быть печальнее, нежели богатый, ежедневно желающий, чтобы настал голод, дабы ему прибыло золото». Блж. Августин пишет: «Я не желаю, чтобы вы были ростовщиками, и не желаю потому, что Бог не желает этого. Откуда видно, что Бог этого не желает? Сказано: «Он не давал свои деньги в рост» (Пс. 4, 5). А как это презренно, ненавистно и проклято, думаю, знают и сами ростовщики».

Св. Василий Великий заключает, что при большем усердии к Слову Божьему, ростовщичество могло бы быть искоренено и богатые давали бы бедным ссуды за одну небесную награду.

Милостыня. Сам Спаситель в Евангелии говорит: «По-давайте милостыню из того, что у вас есть: тогда все будет

у вас чисто» (Лк. 11, 41) и «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7).

Отцы Церкви единодушно указывают, что все возражения и колебания должны умолкнуть, раз такова Воля Бога: Он требует благодетели, и потому долг человека — творить ее. «Голодному принадлежит хлеб, который ты удерживаешь, нагому — платье, которое ты сохраняешь в сундуках, босому — обувь, которая гниет у тебя, нуждающемуся — серебро, которое ты имеешь зарытым. Таким образом ты обижаешь всех тех, которым мог бы помочь» (св. Василий Великий).

А св. Иринея говорит: «Кто может в чем-нибудь творить добро ближним и не творит его, тот будет считаться чуждым любви Господней».

Св. Киприан увещевает христиан не отказывать в подавании под тем предлогом, что они должны беречь свое имущество для детей. Аналогично высказывается блж. Августин: «Не умножай имущество под видом отцовской любви... Скупость — дурная вещь: они хотят прикрыться и обелить себя именем отцовской любви, дабы казалось, что люди сохраняют ради сыновей то, что они берегут из-за скупости».

Среди различных дел милосердия Климент Александрийский ставит милостыню на первый план: «Хороша милостыня, как покаяние за грех: сильнее молитвы пост, а милостыня сильнее обоих».

Есть и такой род милостыни, который не имеет никакой цены для души. Это бывает тогда, когда человек видит суетность богатства и охотно раздает свои деньги, но душа его переполнена греховной гордыни, рассуждает блж. Августин.

Милостыня особо богоугодное дело, если исходит из духа смирения и всепрощения. Сам Спаситель в Евангелии говорит: «Прощайте и прощены будете. Давайте и дастся вам».

Любовь не в словах, а в деятельной помощи ближнему. Те, кто не проявляют милосердия, и судимы будут без милосердия; им не поможет и вера, ибо вера без дел мертва.

Только одна христианская истина способна дать мерилу экономике будущего.

Безграничная свобода и власть капитала, не знающего ни родины, ни нравственных законов, — идеал мира сего. Материализм, двинув вперед науки точные и создав великие успехи техники, овладел и душой человека, убил ее свободу, низложил в гордыне своей Творца. Дальше идти некуда. Для западной цивилизации уже начинается тьма, небытие.

Человечество с надеждой ожидает грядущее Царство Христа. Главная задача его — очистить и вознести душу человеческую. Человек из покорного раба экономических сил становится их господином, обращаясь в раба Господня. Согретая законом христианской свободы, православная экономика создаст и истинную государственность. Падет БИРЖА, ставшая церковью, и воссияет истинная Церковь Христова.

О ХОЗЯЙСТВЕ

БЕРДЯЕВ Николай Александрович
1874 — 1948

Хозяйственная задача, стоящая перед человеком, есть прежде всего задача овладения природой и регуляции ее стихийных разрушительных сил. Рост производительности, овладение стихийными силами природы есть необходимое условие победы над нуждой, бедностью и голодом в плане материальном. Неисполнение этого основного условия, этой заповеди производительности труда и ожидание социального благополучия есть требование социального чуда, есть вымогательство чуда. В этой настроенности всегда преобладают идеалы потребления над идеалами производства. Потребительское, а не производительное отношение к жизни отрицает долг труда и духовную дисциплину труда, представляет социальный рай как максимум потребления и минимум производства, совершенно уничтожает тот класс людей, который заинтересован в усилении производительности, в производственной инициативе и производственном плане. Потребительские идеалы разрушают хозяйство, мешают человеку овладеть силами природы.

Максимальное народное богатство и преодоление нужды достигаются тогда, когда целое ставится выше части, когда целью ставится не потребительское благо и удовлетворение людей, а благо и ценность государства, нации, культуры. Этим не исключается то, что интересами государства, нации и культуры могут лицемерно прикрываться интересы классов и отдельных людей. Но потребительский социальный идеал ведет к нищете.

Хозяйственная, материальная жизнь не может быть противоположаема жизни духовной, не может быть от нее совершенно отвлечена и оторвана. Дуалистическая социология, разрывающая дух и материю в жизни социальной, — ошибочна и иллюзорна. Вся материальная жизнь есть лишь внутреннее явление жизни духовной и в ней коренится. Частичная правда экономического материализма может быть перевернута и с более глубокой точки зрения, материальная жизнь может быть понята как производная от жизни духовной. Значение духовной дисциплины личности и народа для жизни хозяйственной огромно. Дисциплина труда, организация труда и производительность труда зависят от духовных факторов. В конце концов дух побеждает природу и овладевает стихийными силами природы. Хозяйство как претворение природных сил, как их организация и регуляция есть акт человеческого духа. И от качества духа зависит характер хозяйства. Хозяйство не есть явление мертвой, материальной природы, оно насквозь пропитано духовными энергиями человека и предполагает общение между человеком и природой, их взаимопроникновение. Труд есть явление духа, а не материи, он имеет духовные основы. Рост материальных производительных сил предполагает целесообразную энергию, творческую инициативу человека в отношении к природе. И материальное потребление не может быть единственной целью хозяйства. Им движет и созидательный инстинкт человека. Социальный организм не может быть дуалистически разорван, и нельзя в нем материальную сторону мыслить отвлеченно. Такое отвлечение материальной жизни и обездушивание ее порождает целый ряд болезненных явлений. На этой почве происходит и непомерное преувеличение значения народного хозяйства, господство экономики над всей жизнью и непомерное пренебрежение к хозяйству, третирование его как чего-то низменного и недостойного. И в том и в другом случае хозяйство делается давящей без-

душной силой. Забывают, что хозяйство есть обнаружение силы человеческого духа и что через него осуществляется миссия царственного призвания человека в природе. Хозяйственная жизнь не может быть ни господствующей, ни самодовлеющей. Она должна быть подчинена высшим началам жизни. Тогда лишь хозяйство осуществляет свою миссию регулирования стихийной природы. Хозяйство не допускает смертоносного торжества стихийных сил, оно ограничивает власть смерти в природном порядке. В хозяйственном акте есть мистериозная сторона, которая мало сознается в наш секуляризованный век. Добывание из природы хозяйственных благ есть духовное действие, в котором недра природы раскрываются для приходящего владеть ею мужа.

Но дух человеческий по-разному может быть в рабстве у материальной жизни и им же создаваемого хозяйства. Дух человеческий может быть в рабской зависимости не только от природной среды, но и от социальной среды. Капитализм и социализм представляют отвлеченные начала, которым не соответствует никакая простая действительность. В действительности не существует и не может существовать в чистом виде никакого капитализма и социализма. Но эти два начала можно мыслить как две формы рабства человеческого духа у экономики, у им же создаваемого хозяйства. В чудовищном капиталистическом хозяйстве дух человеческий вызывает и развивает силы, которые им же овладевают и порабащают его. Человек не может справиться не только со стихийными силами природы, но и со стихийными силами хозяйства, которые живут и действуют по собственному закону. Духовный центр утрачивается, и происходит смещение иерархических ступеней жизни. Тогда на смену капитализму приходит социализм со своими притязаниями урегулировать стихийные силы хозяйства, рационализировать хозяйственный хаос. И человеческий дух попадает в новую форму рабства. Мы уже видели, что несет с собой в мир со-

циализм. В пределе своем он окончательно должен истребить человека. Регуляцию стихийных сил хозяйства социализм хочет купить ценою обобществления человека без остатка, превращения его в экономическую категорию. Но процесс этот начался еще в капитализме. И противопоставить рабству капиталистическому и рабству социалистическому можно лишь внутреннюю свободу духа от гнета материальной жизни. Хозяйство изнутри полагается как явление и средство духовной жизни. И можно установить два духовных отношения к хозяйству: оно может быть основано на труде подзаконном и освещено правдой ветхозаветной и может быть основано на труде творческом и освещено новым религиозным светом.

Поистине революционный переворот, не в поверхностном, а в более глубоком смысле слова, произвела в хозяйстве машина. И проблема машины принадлежит к глубоким метафизическим проблемам. Многих благородных мыслителей XIX в. ужасало победное шествие машины, и они чувствовали глубокую противоположность между машиной и духом, видели в ее завоеваниях материализацию и механизацию духовной жизни, угашение духа. Так чувствовали и многие русские писатели и мыслители, из самых лучших. Машина есть как бы распятие природной жизни, она разрывает всякую органическую целостность. Машинизация жизни и есть прохождение через расщепление, выход из первоначальной целостности родовой жизни, в которой дух и материя связаны неразрывно, в которой дух пребывает еще в самых недрах органической материи. Хозяйственные победы человека над природой должны вести к отрыву человека от природы, к расщеплению целостности и раздвоению. Человек выходит из недр природы, из ее стихий и хочет быть господином природы, хочет владеть природными стихиями. И природа отходит от человека, она морщится и иссыхает вокруг него. Победное явление машины и есть самый важный момент борьбы че-

ловека с природой. Машина косит все живое в природе. Она несет смерть животным и растениям. Повсюду, где распространяется власть машины, отцветают цветы. Машина должна разрушить одно из самых совершенных явлений органической природы — человеческое тело, она должна заменить тело. В победном шествии своем машина несет гибель античной красоте. Это явственно видно на футуризме, который есть рабское отражение машинизации жизни. Гордая мечта человека о власти над природой ведет к уродству, к смерти красоты, к разрушению цветущей жизни.

Но ошибочно было бы думать, что машина убивает дух. Не дух, а органическую материю, плоть мира убивает машина. Она несет с собой смерть не духовной жизни, по существу истребляемой, а органическому жизненному укладу, родовому быту. Вхождение машины в жизнь вызывает у многих благородных душ романтическую тоску по утерянной цельности и органичности, по старому бытовому укладу. Но этой щемящей романтической тоской прошлого не вернешь. Духовная жизнь человека на иных путях должна искать цельности и красоты. Победа машины и произведенные ею опустошения вызывали вражду к цивилизации, изобличение ее лжи и неправды, идеализацию варварства, мучительные потуги вернуться к первобытной цельности. Но в этой направленности духа чувствуется бессилие и бесплодность. И для того чтобы дух почувствовал себя легче и свободнее, необходимо понять двойственный и анатомический характер появления машины в мире. Машина не только угнетает дух человеческий, но и освобождает его, она как бы железными клещами высвобождает его из органической материи, в которой он сначала дремал, а потом стал пробуждаться. Машина порождает расщепление и раздвоение, которые очень усложняют духовную жизнь и делают возможными тончайшие ее проявления. Первоначальная органическая целостность груба, утонченно лишь романтическое отношение к этой органической целост-

ности в эпоху, когда она разрушена. Первоначальная органическая целостность бедна познанием. Познание обостренно и углубленно, когда прошел уже человек через расщепление и раздвоение. И более глубокое отношение к машине не так прямолинейно и просто, как это представляется романтикам прошлого. Мир должен пройти через торжество машины, и дух человеческий должен устоять в этом процессе, должен окончательно освободиться и прийти к высшей целостности. Хозяйство не может развиваться без машины. Нельзя отрицать машину во имя более отсталых форм хозяйства. И отрицание машины есть отрицание хозяйственного процесса, есть возврат человека к первоначальной, рабской зависимости от стихийных сил природы. Народнический идеализм и утопизм в конце концов утверждают рабскую зависимость человеческого духа от материальной природной и социальной среды, т.к. отрицают, что дух может сохранить свободу и при переходе к более сложным формам хозяйства. Так, дух человеческий ставится в исключительную зависимость от бытового уклада, от отсталых форм хозяйствования. В машине есть и начало темной магии. За современной техникой скрыта та же психология, которая была у черных магов, та же корыстная жажда власти над природными силами с помощью внешних средств. Но через технику раскрывается возможность и более светлой магии, основанной на большей любви к внутреннему существу природы.

Цели и смысл хозяйственной жизни лежат глубже и дальше, чем это представляется обычному хозяйственному сознанию. Эти цели и этот смысл могут быть осознаны лишь в сознании, выходящем за пределы хозяйства. Хозяйственный акт должен победить тяжесть и скованность материального мира, должен овладеть хаотическими стихиями природы, и овладение человеком давящей его материальностью не может ограничиться небольшой частью природы, окружающей человека на земле. Хозяйство окружено со всех сторон

опасностями, оно подвержено воздействию космических сил. Агрикультура находится во власти космических сил, и мало еще сделано для регуляции тех стихийных сил, которыми она окружена. Перед человеком стоит задача создания космического хозяйства. Космическое хозяйство не есть утопия райского блаженства, перенесенная с нашей планеты на небесные пространства. Само задание космического хозяйства определяется истинно реалистическим, не отвлеченным отношением к природе. Человек все еще недостаточно сознает глубину своей связи с космической жизнью. Некогда он непосредственно чувствовал глубину этой связи и ощущал себя пребывающим в самых недрах космической жизни. Потом освобовился человек от власти демонов природы, ушел от Великого Пана и начал чувствовать природу далеким себе и давящим механизмом. Сознание же новой связи и общности человека с космосом было лишь достоянием немногих. Человек не вошел еще в глубь природы для того, чтобы владеть и управлять стихиями, а не быть в их власти и не управляться ими. Человек остался на поверхности природы и на поверхности ведет свое хозяйство. На поверхности много фикций представилось ему и много фикций им создано. Много фиктивного, не подлинно реального есть и в технической власти современного человека над природой. Техническое могущество, все социальные регуляции не идут в глубь природной жизни. Как жалко все техническое могущество и как умеренны все утопии по сравнению с «проектом» Н. Федорова, раскрываемым в его «Философии общего дела». Федоров ставит дерзновенную задачу космического хозяйства, регуляции всей природы, победы над смертоносными ее силами. Федоров выявляет пределы хозяйственной задачи человека. Хозяйство должно быть победой жизни над смертью, хозяйство должно победить смертоносные силы, в нем должна обнаружиться сила воскрешающая. Для того чтобы дело жизни победило дело смерти, необходим ключ к раскрытию

космической жизни, в которой все неразрывно связано и ничто не может быть отделено и изолировано без смертоносных последствий. Маги всех времен искали ключ к тайнам космической жизни и хотели насильственно вырвать у природы ее секреты, оставаясь далекими и чуждыми самой душе природы. Черные маги были насильниками и властолюбцами. Но некоторые секреты внутренней жизни природы им все-таки удалось узнать. Наука и техника имеют большую связь с магией. Техника и есть современная магия. Она хочет насильственно узнать секрет природы и властвовать над природой для корыстных человеческих целей, оставаясь чуждой внутренней жизни природы. И техника должна в конце концов переродиться в магию, обнаружить свою истинную природу. В технике есть элемент черной магии, и она освобождает силы, действие которых еще неизвестно и не так безопасно, как это кажется. Элемент черной магии есть и в современном капиталистическом хозяйстве. Так, власть денег над жизнью, поистине страшная власть, есть форма черной магии. Деньги оторвались от всякой онтологической основы, в них нет подлинного бытия, они ведут фиктивное, призрачное существование. И в них есть магия власти и могущества. Задача создания космического хозяйства, победы над смертоносными стихиями природы и регуляции этих стихий — магическая задача, она не может быть лишь задачей позитивно-технической. Но магия может быть также и светлой. Темная магия окончательно поработщает человека. Светлая магия, подчиненная началам религиозным, освободит человека. Расширение и углубление хозяйственной проблемы есть и в книге С. Булгакова «Философия хозяйства». В ней религиозно осмысливается хозяйство. Но сама религия получает слишком хозяйственный характер. Булгаков признает хозяйство софийным. Этим он хочет связать его с душой мира. Книга Булгакова — симптом углубления проблемы хозяйства, осознание его космического характера. Но есть опасность в таком

охожйствовании Софии — Премудрой Девы, не рождающей и не устрояющей. Все яснее и яснее становится, что победа над социальным злом и нуждой есть космическая задача, она невыполнима в пределах ограниченной земной ответственности. Прав Федоров, и ему принадлежит последнее слово в том, что называется «социальным вопросом»: корень зла не в бедности и нужде, а в смерти; бедность и нужда, — производное от смерти, «социальный вопрос» в мировом смысле разрешим лишь путем победы над смертоносными силами. Одни экономические средства тут не помогут. На поверхности жизни, в сдавленных перспективах разрешимы лишь социальные вопросы, а не мировой социальный вопрос. Социализм с его претензией разрешить мировой социальный вопрос, хочет лишь равномерно распределить власть материи над человеком. Потребительски-распределительный хозяйственный идеал социализма по существу не духовен и антирелигиозен, это рабий идеал. Совершенное питание с религиозной точки зрения — евхаристическое питание. В евхаристическом питании человек соединяется с космосом во Христе и через Христа. Тогда потребление и творчество совпадают, человек впитывает в себя космическую жизнь и из себя выделяет творческую энергию в космическую жизнь.

Хозяйство есть иерархическая система. Его нельзя мыслить себе атомистически. Оно не может быть ареной борьбы всех против всех. Всякое хозяйство есть организованный труд, есть регуляция стихийных сил. Хозяйство есть взаимодействие рациональных и иррациональных сил. Это верно и по отношению к тому капиталистическому хозяйству, которое социалисты любят называть анархическим. Анархическим капиталистическое хозяйство можно назвать лишь в очень условном и относительном смысле. Зло капиталистического хозяйства связано с духовной жизнью людей этой эпохи, с их религиозным и моральным падением, а не с экономической стороной капитализма самой по себе. Именно потому,

что хозяйство есть иерархическая система, а не механизм, слагающийся из атомов, в основе его лежит личность с ее качествами и способностями, с ее дисциплиной труда. Для хозяйства имеет значение аскетическая дисциплина личности, и известного рода аскетика необходима для хозяйственного труда. При полной распушенности личности разрушается и хозяйство. Революции неблагоприятны для хозяйства. И революционными путями нельзя реформировать и улучшить хозяйство. Не такова природа хозяйственного процесса. Восстания и бунты могут иметь лишь разрушительное влияние на хозяйство. Разрушение дисциплины труда отбрасывает хозяйство назад. Все опыты социальных революций уничтожают свободу лица в хозяйственной жизни. Лицо перестает быть вменяемым и ответственным, оно не имеет ни прав, ни обязанностей. Все хотят возложить на коллективы, образовавшиеся революционным путем из хаоса атомов. Но со свободой хозяйственной жизни, со свободой лица в хозяйственной жизни, с его свободной инициативой связана свобода человека. Утверждение значения личности в хозяйственной жизни не означает непременно экономического индивидуализма. В хозяйственной жизни возможны разные пути и совместимы разные начала. Но полное подчинение хозяйственной личности общественному коллективу или государству разрушает хозяйство и порабощает личность. Свободное существование личности в материальном мире предполагает свободу хозяйствования, свободные и ответственные акты человека в отношении к материальной природе. Вот почему «социализм» может быть лишь одним из методов организации хозяйственной жизни, и он должен быть лишь средством для обеспечения за лицом свободы хозяйствования. Каждое хозяйственное лицо принадлежит к хозяйственному организму, к хозяйственной иерархии. Но это и значит, что лицо свободно. Органический член иерархии свободен. Порабощен же член коллектива, который не есть иерархи-

ческий организм и имеет строение однородное, механически смешанное и уравненное, в котором есть лишь количество и нет качества. Хозяйство есть организм разнокачественного, иерархического строения, а не коллектив однокачественного, механически уравненного строения. Против этого невозможны никакие революции, желающие заменить организм и личность, сотворенные Богом, коллективом, созданным человеческим произволом. Углубление проблемы хозяйства должно связать хозяйственный организм с организмом космическим. Уже идеологи капитализма не хотели видеть в хозяйстве организма, и идеологи социализма лишь продолжали их дело разрушения идеи хозяйственного организма. Поэтому и те и др. враждебны человеческому лицу. Хозяйственный универсализм одинаково должен быть противоположен и капитализму, и социализму.

С принципом органической иерархичности в хозяйственной жизни неразрывно связан принцип частной собственности. Но принцип собственности давно уже обездушен и извращен. Социалисты лишь доканчивают то разрушение духовных основ собственности, которое началось давно. Буржуазно-капиталистическая эпоха уже оторвала собственность от онтологических ее корней. Превращение собственности в орудие корысти, наживы и угнетения ближних духовно разрушает собственность и готовит почву для социалистического ее отрицания. Социалистическое отношение к собственности и есть предел неодоухотворенного, морально неоправданного и исключительно потребительски-корыстного отношения к собственности и к предметам материального мира. Социализм обобществляет собственность и все предметы материального мира, потому что он не допускает духовной ценности и никакого нравственного смысла в индивидуальном отношении человеческого лица к предметам материального мира, к природе. Для социалистического сознания все хозяйственные акты совершенно бездушны,

не освящены, аморальны, определяются голыми интересами, и потому в них не может быть закреплено ничто духовно ценное и нравственно осмысленное. Социалисты помешаны на экономике и находятся в рабстве у экономической действительности, в сущности, они презируют хозяйство и видят в нем лишь предмет для расхищения и раздела. Они не знают Божественного хозяйства, не имеют религиозного оправдания хозяйственного акта. Для них не существует таинственной стороны хозяйственного действия человека на природу. Вот почему они с такой легкостью отрицают собственность. В этом они плоть от плоти и кровь от крови тех буржуа, которые давно отвергли все святыни и занялись расхищением природы для приятной и благоустроенной жизни. Они желают для всех совершить такое расхищение, для всех устроить приятную и благоустроенную жизнь, свободную от всякой тоски и печали по святыням. Хозяйственное отношение к природе без прав и обязанностей собственности для человеческого лица есть циническое отношение к хозяйству и к природе, есть превращение всего материального лишь во временное, быстротечное, корыстное средство и орудие. Это и есть исключительно потребительская идеология, взгляд на весь материальный мир как на средство удовлетворения потребностей.

Собственность по природе своей есть начало духовное, а не материальное. Она предполагает не только потребление материальных благ, но и более устойчивую и преемственную духовную жизнь личности в семье и роде. Начало собственности связано с метафизической природой личности, с ее внутренним правом совершать акты, преодолевающие быстротечное время. Собственность родилась в борьбе человеческой личности со стихийными силами природы. Свободный дух человека налагает свою волю на стихийную природу, и от этого акта рождаются неотъемлемые права и обязанности. Связь лица с собственностью одухот-

воряет его отношение к материальной природе, делает его не исключительно потребительским. Начало собственности связано с бессмертием человеческого лица, с правами его над материальной природой и после его смерти. Коллективизм, отрицающий всякое право собственности, есть рабство личности у стихийных сил природы. Поэтому он свойствен первым ступеням развития человеческого общества. Но он хочет и на вершинах этого развития подчинить человеческое лицо хозяйственной жизни. Он отрицает за человеческим лицом право совершать акты, свидетельствующие о его власти над материальной природой. Частная собственность на землю есть более одухотворенное отношение к земле, чем национализация и социализация земли. Частная собственность на землю делает возможной любовь к земле, к полю и лесу, вот к этому дереву, около которого сидели деды и прадеды, к дому, к воспоминаниям и преданиям, связанным с этой землей и ее прежними владельцами, она поддерживает связь времен и поколений. Национализация и социализация земли вызывает исключительно потребительски корыстное отношение к земле, грубо материалистическое, лишенное всякой душевной теплоты, она сделает невозможной интимную связь с прошлым, с предками, убьет предание и воспоминание. Отношение к материальным предметам сделается безличным, исключительно утилитарным. Это верно и по отношению ко всякому хозяйственному делу. Более одухотворенное и личное отношение к хозяйственной деятельности предполагает частную собственность, устойчивую перспективу, переходящую за пределы эмпирической жизни людей. Христианское же преодоление всякой собственности и всякого богатства есть уже явление духовной, а не хозяйственной жизни. Христос не отрицал частной собственности в плане материальном, когда он предлагал раздать имение свое бедным, он даже этим утвердил существование собственности. Если совершенно уничтожить собственность хозяйственно-

принудительным путем, то для христианского подвига отречения не останется места, он будет не нужен и невозможен. Култ бедности св. Франциска не был отрицанием собственности в объективно-хозяйственном порядке, он даже предполагал существование собственности. В коммунистическом строе св. Франциск невозможен и невозможен никакой култ бедности. Но начало собственности подвержено гниению и разложению. Великие злоупотребления возможны в связи с собственностью. И собственность не может быть признана абсолютным и высшим началом. Она должна быть ограничена и подчинена более высоким началам. Социальное реформирование общества и предполагает такое ограничение собственности и подчинение ее иным началам, связанным с космической жизнью. Власть человека над природными стихиями должна иметь онтологическую силу и основу. Обогащение собственности и злоупотребление ею в хозяйственной жизни извращает эту онтологическую основу, делает человека рабом призрачных благ и затрудняет подход к образу человека. Это такой же соблазн, как и соблазн коллективизма, который окончательно истребляет образ человека. И отношение человека к производственному хозяйственному процессу может принимать ложное направление в две противоположные стороны: или отрицается долг хозяйствования, императив производительности, или человек порабощается хозяйству, обогащает экономику. Духовное отношение к хозяйству предполагает аскетику, ограничение похоти жизни. Безграничный рост потребностей и рост народонаселения создал индустриально-капиталистическую цивилизацию, которая чревата великими потрясениями и катастрофами и обозначает убыль духа в европейском человечестве. И если народы хотят духовно возродиться, то им придется вступить на путь аскетического самоограничения и одухотворения хозяйственной жизни.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

ИЛЬИН Иван Александрович
1883 — 1954

Частная собственность соответствует тому индивидуальному способу бытия, который дан человеку от природы. Она идет навстречу инстинктивной и духовной жизни человека, удовлетворяя его естественному праву на самостоятельность и самостоятельность.

Частная собственность вызывает в человеке инстинктивные побуждения и духовные мотивы для напряженного труда, для того, чтобы не щадить своих сил и творить лучшее. Она развязывает хозяйственную предприимчивость и личную инициативу; и тем укрепляет характер.

Она дает собственнику чувство уверенности, доверие к людям, к вещам и к земле, желание вложить в хозяйственный процесс свой труд и свои ценности.

Частная собственность учит человека творчески любить труд и землю, свой очаг и родину. Она выражает и закрепляет его оседлость, без которой невозможна культура. Она единит семью, вовлекая ее в собственность. Она питает и напрягает государственный инстинкт человека. Она раскрывает ему художественную глубину хозяйственного процесса и научает его религиозному приятию природы и мира.

Частная собственность пробуждает и воспитывает в человеке правосознание, научая его строго различать «мое» и «твое», приучая его к правовой взаимности и к уважению чужих полномочий, возвращая в нем верное чувство гражданского порядка и гражданской самостоятельности, верный подход к политической свободе.

Частная собственность воспитывает человека к хозяйственной солидарности, не нарушающей хозяйственную свободу: ибо каждый собственник, богатея, обогащает и свое окружение, и самое народное хозяйство: и конкуренция собственников ведет не только к борьбе, но и к творческому напряжению, необходимому для народного хозяйства.

Частная собственность является тою формою обладания и труда, которая наиболее благоприятствует хозяйственно-творческим силам человека. И заменить ее нельзя ничем: ни приказом и принуждением (коммунизм), ни противоистинктивной «добродетелью» (христианский социализм). В течение некоторого времени возможно принуждать человека вопреки его инстинкту; есть также отдельные люди, способные усвоить себе противоистинктивную добродетель. Но противоестественное принуждение и противоестественная добродетель никогда не станут творческой формой массовой жизни.

Хозяйство без свободного внутреннего побуждения, без личной инициативы и частной собственности, бюрократически ведомое безразличными чиновниками, — не создает ни благосостояния, ни даже достаточного и сколько-нибудь доброкачественного продукта: оно общественно и государственно вредно. Исключить из хозяйственного процесса начало инстинктивной самостоятельности, начало личного интереса, начало духовной свободы и начало доверчивого самовложения в вещи — значит отдать все на волю формального и продажного бюрократизма, безразличной нерадивости, пустой притязательности, явной безответственности, тайного саботажа и самой жалкой бесхозяйственности.

Христос никогда не осуждал и не отвергал частной собственности, а говоря о «богатых», коим «трудно войти в Царство Божие» (Мф. 19, 23 — 24; Мк. 10, 23 — 25; Лк. 18, 24 — 25), Он имел в виду не размер их имущества, а их внутреннее отношение к богатству: они «надеются» на него (Мк. 10, 24); «служат ему, а не Богу» (Мф. 6, 24; Лк. 16, 13); «собирают

себе» земные сокровища и пребывают в них «сердцем» (Мф. 6, 19 — 21), — и потому «богатеют» «не в Бога» (Лк. 12, 21). Но изнутри Божия благодать уже посетила и преобразила души множества богатых людей, начиная с мытаря Закхея и Иосифа Аримафейского. Согласно этому и нищий, и зажиточный, и богач могут быть добрыми и злыми; и только апостолам («следуй за Мною» — Мф. 19, 21; «возьми крест свой» — Мф. 16 — 24; 10, 38; Мк. 8, 34) Христос советовал полное отречение от имущества (ср. Мф. 10, 8 — 10; Мк. 6, 8; Лк. 9, 3). Остальным же он заповедал милосердие (Мф. 9, 13; Лк. 10, 37, ср. Римл. 12, 8; Флп. 2, 1) и щедрость (Мф. 5, 42; Лк. 6, 30; ср. Ефес. 4, 28 и др.).

На этом пути следует искать разрешения проблем, возникающих в связи с частной собственностью, прежде всего через внутреннее воспитание и просветление человеческого существа; с тем, однако, чтобы постоянно отыскивать и проводить те духовно-верные и целесообразные государственные мероприятия, которые могли бы внешним образом исправить внешние последствия внутреннего несовершенства людей.

Задача не в том, чтобы на земле от праведности угасло хозяйство и с ним культура и человечество. Задача не состоит и в том, чтобы хозяйство стало самодовлеющей силой человеческой жизни, поработило людей и погасило — и справедливость, и нравственное существо человека. Разрешение проблемы состоит в том, чтобы сочетать строй частной собственности с «социальным» настроением души: свободное хозяйство с организованной братской справедливостью.

Чувствовать и действовать «социально» значит, прежде всего, признавать на деле начало христианской любви и братства; это значит, далее, руководиться не уравнивающей справедливостью («всем поровну»), а распределяющей («каждому свое, кто чего заслужил»); это значит — оберегать слабых, нуждающихся, больных и беспомощных; связывать благополучие целого с благоденствием личности; и, наконец,

будить и поощрять во всех слоях народа качественные творческие силы человеческого инстинкта и духа. Еще в н. XX в. сложился предрассудок, будто «социальный образ мыслей» составляет монополию социалистов, которые предлагают будто бы наилучшее, хотя и радикальное разрешение вопроса о социальной справедливости. Трагический опыт коммунизма показал, к каким мучительным и унижительным антисоциальным последствиям ведет водворение социализма на практике. Человечество будет искать новую социальную идею, новое социальное понимание собственности.

Это новое понимание будет исходить из древних христианских основ. Основы его можно сформулировать так:

Иметь частную собственность и простирающуюся из нее хозяйственную самостоятельность есть великое благо. Чем меньше людей лишено этого блага, тем лучше. Чем больше людей оторвано от собственности, тем несправедливее общественный строй, тем менее жизнеспособно государство.

Количественное поравнение имущества бесцельно и вредно: естественное неравенство человеческих сил, способностей и желаний все равно скоро опять приведет к имущественному неравенству. Имущественное неравенство преодолевается не переделом богатств, а освобождением души от зависти; естественным братским доброжелательством; искусством довольствоваться тем, что есть; помышлением не о тех, кто «богаче меня», а о тех, кто «беднее меня»; уверенностью, что богатство не определяет человеческого достоинства; и творческим трудолюбием. Воспитание должно давать людям уметь духовно переносить неравенство.

Существенно не владение человека, а его сердце и воля, а также дела, простирающиеся из его внутреннего мира. Есть люди, достойные всяческого богатства; и есть люди, не умеющие употребить во благо даже свою нищенскую сумму.

Важно не то, чтобы не было имущественного неравенства, а то, чтобы в стране не было хозяйственно беспочвен-

ных, бессильных, безработных, бесперспективных людей. Каждый такой человек должен испытываться всеми как национально-хозяйственная рана, вредная и опасная для всего народа. Важно, чтобы у каждого был хозяйственно-отправной пункт; чтобы подъем к благосостоянию не был искусственно затруднен; чтобы полезный и продуктивный труд реально обогащал трудящегося; чтобы масса живо чувствовала поощряющее влияние частной собственности, а также успешность и почетность честного труда.

Новые поколения должны воспитываться в убеждении, что частная собственность есть не просто «право», а нравственно обязывающее право. Собственность обязывает каждого к творческому использованию всех ее возможностей; к несению больших общественных тягот и государственных повинностей; к человеческому обхождению со всеми, кто так или иначе зависит от вещной власти собственника; к постоянной заботе о хозяйственно беспочвенных людях.

В частном хозяйстве заложена тяга к самодовлению и самосильности. Этой тяге должны быть противопоставлены поиски новых форм солидаризации и сотрудничества частных хозяйств («кооперация» в широком и тесном смысле слова). Каждый частный хозяин должен чувствовать себя связанным законами хозяйственного инстинкта (рынок) и законами хозяйствующего духа (родина) со всею системою частных хозяйств своей страны.

Три требования: изобилие, качество продукта и щедрость должны быть включены в нравы народа. Первые два требования приведут к строгой экономии, к дисциплинированности труда и к поднятию техники в производстве. Третье требование придаст распределению дохода и продукта характер мягкой социальности и доступности.

Особые меры необходимы для борьбы с противообщественным использованием собственности (эксплуатация, «потогонный труд», ростовщичество и сутяжничество). Должны быть

проведены законы, которые сделали бы социальное пользование собственностью — выгодным, а антисоциальное — невыгодным. Собственник, лишенный чувства ответственности и чувства сверхклассовой солидарности, распоряжающийся своим имуществом ко вреду других и поступающий антисоциально, — должен убедиться в том, что его образ действий предосудителен, что собственность его пользуется меньшей защитой, что такое ведение хозяйства оказывается экономически, юридически и нравственно невыгодным для него самого; так, чтобы он сам захотел вступить на др. путь; и т.д.

Все это вместе взятое может быть выражено так: частная собственность должна быть утверждена, но народ должен систематически воспитываться к верному пониманию ее идеи. Это воспитание должно связать внутреннее переживание частной собственности и внешнее распоряжение ею — с благородными мотивами и социальными побуждениями человеческой души, и соответственно вскрывать и обезвреживать дурные мотивы и побуждения. Частная собственность есть власть: непосредственно — над вещами, но опосредованно — и над людьми. Нельзя давать власть, не воспитывая к ней. Частная собственность есть свобода. Нельзя предоставлять свободу, не приучая к ее благоупотреблению. Частная собственность есть право: этому праву соответствуют не только юридические выговоренные обязанности, но и нравственно-социальные, и патриотические, — нигде не оформленные и не выговоренные обязательства. Частная собственность означает самостоятельность и самодеятельность человека: нельзя исходить от предположения, что каждый из нас «от природы» созрел к ней и умеет ее осуществлять в жизни.

Только сильный и духовно воспитанный дух сумеет верно разрешить проблему частной собственности и создать на ее основании цветущее хозяйство.

НА ЗАЩИТУ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОЯ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛОВ

М. АНТОНОВ

Учение славянофилов представляет собой нерасторжимую целостность, их экономические воззрения неразрывно связаны с исповедовавшимся ими Православием и идеалом государственного и общественного устройства. Это — самодержавие и Земский Собор, единство Царя и Народа, «власти» и «земщины», как это было характерно для допетровской Руси, жизнь которой, по убеждению части славянофилов, протекала гармонично и без потрясений. Славянофилы занимали особую позицию как по основным мировоззренческим и политическим вопросам, так и по проблемам «философии хозяйства». Они признавали официальную формулу «Православие, Самодержавие, Народность», но вкладывали в нее особое содержание.

Православие, говорили они, единственно возможная основа народной жизни. Но Православие — со свободной Церковью, освобожденной от гнета бюрократического аппарата, превратившего ее в часть своей машины управления.

Самодержавие необходимо, но русское, руководствующееся народными началами, опирающееся на сеть сельских и городских общин, а не на бюрократическую машину, построенную на западный образец. России обязательно нужен Царь, но не такой деспот, как Петр I.

Народность должна быть основана на тысячелетней жизни народа в рамках мира-общины, а не на навязанных сверху, списанных с западных кодексов. Это давало власти основания подозревать славянофилов в противогосударственных намерениях. Начальник штаба отдельного корпуса жандармов масон Л.В. Дубельт писал: «Выражаясь напыщенно и двусмысленно, славянофилы нередко заставляют сомневаться, не кроется ли под их патриотическими взглядами цели, противных правительству».

Из всей совокупности экономических воззрений славянофилов в литературе обычно рассматриваются преимущественно их высказывания по вопросам, связанным с подготовкой и проведением крестьянской реформы 1861. То, что славянофилы уделяли этим вопросам много внимания, совершенно естественно, ибо отмена крепостного права и решение крестьянского вопроса были главными событиями надвигавшейся новой эпохи в жизни России. Однако при этом остаются в тени или вовсе не замеченными суждения славянофилов о самой сущности экономики и экономической теории, подобных которым в Западной Европе не было вообще.

В работах советского периода (в БСЭ, в «Истории русской экономической мысли» и др.) подчеркивался реакционный характер их воззрений, защита славянофилами интересов класса помещиков. Славянофилы характеризовались как выразители устремлений той части российских землевладельцев, которые были готовы вписаться в рамки надвигающихся капиталистических отношений и выступали за развитие торговли и промышленности, акционерных обществ и банковского дела, строительства железных дорог, внедрения машин в сельскохозяйственное производство и т.д. Они настаивали на отмене крепостного права «сверху» с предоставлением крестьянским общинам земельных наделов за выкуп. Учение славянофилов считали противоречивым и эклектичным, говорили даже о его загадочности.

Такое объяснение позиции славянофилов несостоятельно. Объективный анализ показывает, что именно их проекты в наибольшей степени отвечали общенациональным и государственным интересам (если последние не отождествлять с интересами петербургской бюрократии). Славянофилы были единственной общественной силой, которая публично отвергала скопированное с западноевропейских образцов государственное устройство, призывая построить жизнь страны на исконных русских началах. А это, по их мнению, открывало перед Россией перспективу встать во главе европейской, а затем и мировой цивилизации и, возглавив семью славянских народов, повести за собой весь мир в светлое и счастливое будущее. Таких величественных перспектив возможного нашего будущего тогда никто больше не раскрывал. Не вставая в позу героев, не призывая к революции, славянофилы безбоязненно приняли на себя «подвиг освобождения нашей мысли от суеверного поклонения мысли других народов» (слова А. С. Хомякова).

Только в последнее время отмечена и другая историческая заслуга славянофилов: именно они впервые в истории русской общественной мысли подошли к проблеме «эмансипации», освобождения крестьян практически, были «в первых рядах эмансипаторов», и заговорили не о «лозунге» крестьянской свободы, а о ее конкретных аспектах.

Задолго до отмены крепостного права, до которой никто из «старших славянофилов» не дожил, А. С. Хомяков говорил о помещиках, господах крепостных соотечественников, что они — «враги России». К. С. Аксаков расценивал правительственные проекты освобождения крестьян как насилие «петербургской бюрократии» над «коренными началами русской народной жизни». По его мнению, в случае осуществления этого проекта крестьянин лишь из одной тюрьмы попадет в другую, возможно, даже в худшую. Крестьянину нужны не юридическое освобождение от помещичьей влас-

ти, а земля и свое общественное устройство («мир»). Реформа объявляет землю собственностью помещика и насильственно навязывает крестьянам порядки, основанные на чуждой ему западной системе.

Важно отметить, что главные деятели славянофильского движения сами были крупными землевладельцами. Однако они переходили к наиболее прогрессивным способам хозяйствования: переводили крестьян с барщины на оброк или давали им свободу, использовали труд вольнонаемных рабочих, заводили фабрики и заводы. Поэтому они находились в резкой оппозиции к наиболее близким к власти крепостникам и крупным бюрократам. Но и те из них, кто строил отношения с крестьянами по старинке, все же принимали все меры, чтобы крестьяне в результате реформы не попали в худшее положение. Когда освобождение крестьян от крепостной зависимости стало неизбежным, в стране развернулась острая идейная борьба по вопросу о путях и способах решения земельного вопроса.

Нигилисты призывали передать всю землю крестьянам без выкупа. Они понимали, что их проекты (если призывы можно назвать проектами) не имеют никаких шансов на осуществление и придерживались принципа «чем хуже, тем лучше», потому что ухудшение положения крестьян создаст в стране социальную напряженность, без чего невозможна революция. С другой стороны, сторонники фактического сохранения крепостного права, замаскированного под свободу для крестьянина, стояли за «освобождение» без земли или с предоставлением ему минимума земли за выкуп по непомерно дорогой цене. Позиция славянофилов в главном вопросе эпохи была наиболее разумной, а главное — осуществимой без революционных потрясений.

Имп. Александр II и его правительство не могли пойти на поводу у нигилистов, требовавших конфискации всей помещичьей земли и передачи ее крестьянам, т.е. мгновенной

«ликвидации помещиков, дворянства как класса», ибо это вызвало бы такое потрясение основ государства, масштаб которого невозможно себе представить.

Тогда речь могла идти только о наделении крестьян земель за выкуп. А из всех проектов такого рода наиболее радикальным был проект именно славянофила А. С. Хомякова, предлагавшего государству выкупить сразу всю землю у помещиков и раздать ее крестьянским общинам, с тем чтобы крестьяне в течение нескольких лет вернули ее стоимость казне. Правительство Александра II не приняло этот вариант реформы. Хомяков писал по этому поводу: «Прекрасный план отброшен: у правительства нет ни денег, чтобы совершить выкуп единовременно будущей крестьянской собственности, ни кредита, чтобы пополнить денежный недостаток».

А. И. Кошелев, основываясь на опыте своего более чем 20-летнего хозяйствования, доказывал, с одной стороны, выгодность применения вольнонаемного труда, а с другой — сохранения крестьянской общины. Он был решительным противником развития России по тому же пути, по которому прошла Западная Европа, пришедшая к расколу общества на антагонистические классы — имущую буржуазию и неимущий пролетариат.

Земля — главное богатство; кто ею владеет, тот и хозяин в стране. А потому весьма важно то, как она в обществе распределена. Кошелев решительно выступает против тех, кто проповедует опыт остзейских баронов, разделивших общество на хозяев (Wirthe) и батраков (Knechte), которые даже не живут в своих домах и не обедают с семьей.

Но не все славянофилы считали общину непременным атрибутом русской жизни. Ю. Ф. Самарин допускал, что при необходимости она может быть упразднена, и земля станет частной собственностью. Такая возможность предусматривалась и положением о земельной реформе. Надо сказать и о важном открытии Кошелева. Он установил важнейшую при-

чину отсталости российской системы управления государством и его экономикой: «Наше государственное хозяйство еще сохранило много сходства с прежним нашим помещичьим хозяйством». Недавние крепостники, оставшиеся вблизи верховной власти, смотрели на Россию как на свою вотчину и управляли страной и разными отраслями ее экономики так же, как помещик своими крепостными.

Кошелев и Самарин вынуждены были издавать свои книги за границей и нелегально, ввоз этих книг в Россию был запрещен. Настаивая на отмене крепостного права, славянофилы в то же время выступали противниками утвердившегося в Западной Европе капиталистического строя, царства мещанской бездуховности, состояния, по выражению И. Киреевского, «полускотского равнодушия ко всему, что выше чувственных интересов и торговых расчетов». Особенно опасной казалась им перспектива разделения общества на буржуазию и пролетариат, готовых вступить в смертельную борьбу между собой. Широко распространенные в советский период утверждения о реакционном, ретроградном характере учения славянофилов опровергаются фактами. Славянофилы приняли активнейшее участие и в проведении крестьянской реформы, и в работе новых земских учреждений, и в пропаганде новейших научно-технических достижений. Одни славянофилы занимались преимущественно теоретическими разработками, другие практически участвовали в выработке новых форм развития экономики. Славянофил Ф.В. Чижов (см.) и его сподвижники стояли у истоков новой экономической теории и практически закладывали основы современной им промышленности России.

Особую роль в этом деле сыграл журнал «Вестник промышленности», выходивший в 1858-60 и редактируемый Чижовым и имевший в качестве приложения газету «Акционер». На его страницах подчеркивалось, что «свободный труд — непременное условие каждого промышленного дела».

Славянофилы боролись против господствовавшей тогда точки зрения, будто Россия — страна земледельческая, и ее роль в мировой экономике — поставка хлеба в Западную Европу. Они утверждали, что нашей стране нужно всестороннее развитие производительных сил, в т.ч. современные промышленность и транспорт, доказывали необходимость государственного покровительства отечественному производителю и потому выступали против фритредерства (политики «свободной торговли»). Славянофилы внимательно изучали зарубежный опыт развития промышленности, обращая особое внимание на достижения США, потому что России, как и Америке, приходилось создавать промышленность заново. На примере Америки они показывали, что страна, отстающая в развитии промышленности, попадает на мировом рынке в условия неэквивалентного обмена, недополучая деньги за свое вывозимое сырье и переплачивая за ввозимые мануфактурные изделия. При этом подчеркивалось: «это неприменимый закон экономический». Т. о. славянофилы первыми обоснованно, со ссылкой на принципы экономической науки (хотя, в связи с суровыми цензурными ограничениями, и высказали это эзоповым языком), отметили грабительский характер экономической политики Запада в отношении России, которая будет оставаться такой до тех пор, пока наша страна остается экспортером хлеба и сырья.

У славянофилов уже можно встретить сообщения о кризисе, переживаемом экономикой Англии, и как бы предупреждение начинающим российским промышленникам об опасностях, какие таятся в стихийном развитии производства. Указывалось и на порочность практики, при которой российские заводчики и фабриканты стремились получить наибольшую прибыль и ради этого жестоко эксплуатировали рабочих, сводя их заработок к минимуму. Славянофилы настаивали на том, что заработная плата рабочего должна обеспечить его развитие как человека. Промышленникам,

стремящимся к высшим достижениям, нужен высококвалифицированный рабочий.

Чижов, И. С. Аксаков и др. славянофилы участвовали в учреждении акционерных обществ, банков, обществ по строительству железных дорог и морских пароходств и пр. Славянофилы не мирились с отставанием России от наиболее развитых стран Западной Европы в экономическом и технологическом отношении. В частности, они были сторонниками широкого железнодорожного строительства в России. При этом они рассматривали железные дороги и как инструмент для решения стратегических задач, и как мощное средство подъема экономики. Славянофилы считали, что России нельзя ориентироваться только на экспорт зерна, необходимо расширение внутреннего рынка, в частности, и зерно следует направлять в промышленные центры страны. Они полагали необходимым сначала выработать план железнодорожной сети страны на перспективу с центром в Москве и осуществлять этот план поэтапно. Это, по их мнению, позволит полностью удовлетворить потребности страны в перевозках и при этом избежать неоправданных затрат на сооружение случайных линий, которые служат лишь интересам отдельных кланов.

После отмены крепостного права и проведения либеральных реформ в российской экономике быстро укреплял свои позиции иностранный капитал. Славянофилы первыми выдвинули лозунг превращения России во всесторонне развитое государство, обеспечения ее экономической и технологической независимости, развития экономики силами отечественного капитала.

В частности, славянофилы не мирились с господством в Главном обществе российских железных дорог французского капитала, которому доставалась и львиная доля прибыли от их строительства и эксплуатации. Именно в их среде зародилась идея вытеснить иностранный капитал из этого

важнейшего сектора отечественной экономики и строить дороги на средства частных компаний, чтобы не обременять государственный бюджет... По инициативе Чижова на русские деньги и русскими инженерами была построена первая частная железная дорога Москва — Троице-Сергиева Лавра, впоследствии была продолжена до Ярославля, а затем и до Вологды и оказалась экономически очень эффективной. Славянофилы участвовали и в строительстве ряда др. железных дорог. Чтобы не закупать и подвижной состав, и рельсы за границей, славянофилы поставили вопрос о развитии соответствующих отраслей промышленности, включая металлургию, машиностроение и добычу каменного угля, и положили начало ряду др. отраслей экономики, чтобы избавить Россию от импорта некоторых видов продукции. Так, Чижев занимался шелководством.

Строительство железных дорог — дело настолько дорогостоящее, что оно оказывалось не по силам даже самым богатым предпринимателям. Чижев создает Московский купеческий банк и Московское общество взаимного кредита. Славянофилы были единственным в России идейным течением, которое понимало необходимость комплексного развития транспортной системы страны, включающей железнодорожный, шоссейный, морской и речной транспорт. Чижев учредил Архангельско-Мурманское срочное пароходство для освоения Русского Севера. Он совместно с Кошелевым выступил в Московской городской думе с идеей учреждения двух предприятий — общества водопроводов и общества газового освещения улиц. Т. о., именно славянофилы выражали коренные, долговременные интересы страны и отстаивали необходимость планового начала в развитии экономики, что является одной из основ русского понимания проблем развития общества и государства.

Славянофилам принадлежит первенствующая роль в пропаганде экономических и технических знаний в России. Осо-

бенно большую работу в этом отношении проводил уже упоминавшийся журнал «Вестник промышленности».

Именно славянофилы вскрыли механизм закабаления России Западом и показали пути освобождения ее от иноземного ига. В одной из статей А. Шипова (см.: «Вестник промышленности») было показано, каким мощным орудием закабаления Англией других стран служат огромные капиталы английских промышленников и агрессивная внешняя торговля, а по сути — война с целью принудить другие страны оставаться отсталыми, быть объектом эксплуатации со стороны Англии. «Спекулянту, возящему товары в чужую страну, не нужно просвещать ее народ и развивать ее промышленность».

И когда эта страшная сила английского, французского, немецкого и прочего иностранного капитала навалилась на Россию и стала завоевывать господствующие позиции в ее экономике, Шипов выступил с лозунгом: «Внутренняя торговля — ключ к нашим экономическим проблемам, самый существенный источник благосостояния», который нельзя даже и сравнивать с внешней торговлей», хотя правительство не обращает на него никакого внимания. Шипов высмеивает сторонников свободной торговли, показывает, что их политика ведет к разорению России. Для Англии принцип «свободной торговли» совершенно естественный. В России же лишь немногие местности могут сбывать свою продукцию за границу. Поэтому нужно развивать внутреннюю торговлю, наладить сбыт товаров в Азию, оберегать русские рынки для собственной внутренней торговли. Предупреждал он и об опасности, с которой связано привлечение иностранных инвестиций, за это ему приходится дорого платить. Представители высших классов на деньги, вырученные от вывоза сырья, приобретают предметы роскоши. А народ они держат в невежестве. Народ осужден на прикрепление к земле — уже не крепостным правом, а нуждой. Когда баланс внешней

торговли пассивен, производится она на иностранных судах и вообще находится в руках иностранцев, то она обогащает чужие страны. В итоге бедные страны становятся еще беднее, богатые — еще богаче. У России огромные природные богатства, писал Шипов, а мы не можем их освоить из-за неразвитости внутренней торговли.

Самым главным в экономическом учении славянофилов стало утверждение о невозможности политической экономии как самостоятельной науки, поскольку она рассматривает экономику как нечто самодовлеющее, оторванное от сторон жизни людей, в особенности от духовных основ и от нравственности. А подход к экономическим проблемам как к части общего, более широкого понимания хозяйства был заложен еще «отцами-основателями» славянофильства, в первую очередь И. В. Киреевским.

Понимание Киреевским сущности экономики вытекало из установленных им особенностей русского склада ума, отличающегося от склада ума европейца. По Киреевскому, «западный человек раздробляет свою жизнь на отдельные стремления и хотя связывает их рассудком в один общий план, однако же в каждую минуту жизни является как иной человек... Не так человек русский... **р а з д в о е н и е** и **ц е л о с т н о с т ь**, **р а с с у д о ч н о с т ь** и **р а з у м н о с т ь** будут последним выражением западноевропейской и древнерусской образованности». Именно вследствие разорванности западноевропейского сознания и стало возможным появление науки политической экономии. Чтобы по достоинству оценить вклад, внесенный основателями славянофильства в мировую экономическую науку, надо напомнить, что еще с глубокой древности существовали рядом одна с другой две коренным образом различающиеся науки о богатстве. Одна, в соответствии с достижениями научной мысли и религии, учила, как вести хозяйство, живя достойно высокого человеческого призвания, именно она в Древней Греции и получила

название «экономики» (сам этот термин введен Ксенофонтом и означает «умение вести дом»). А другая наука о богатстве, которую Аристотель назвал «хрематистика» (от «хрема» — имущество) учила, как обогащаться любыми путями, презируя мораль и даже закон, если это сулит большие барыши и позволяет надеяться на избежание суровой кары. Такую науку своекорыстия с давних пор бичевали лучшие умы человечества, но она дошла до наших дней под благородным названием политической экономии, т.е. как бы науки о всем народном хозяйстве, хотя в действительности ее назначение — оправдывать несправедливости в общественной жизни, представляя их как некие незыблемые законы природы. Она основана на индивидуализме и конкуренции, на преклонении перед капиталом и в конце концов вырождается в социал-дарвинизм, перенося на человеческое общество законы животного мира. Можно сказать, вся история человечества — это борьба двух способов хозяйствования: жажды богатства любой ценой, с одной стороны, и стремления очеловечить, облагородить хозяйственные отношения — с другой.

Русская теория хозяйствования (прежде называвшейся «домостроительством») в лучших трудах в главном всегда тяготела к экономике в ксенофоновско-аристотелевом духе, чем к хрематистике, и не принимала голого экономического подхода к процессам развития общества. Киреевский объяснял: политическая экономия не могла бы зародиться в России из-за того, что «Русский человек... не мог бы согласиться с цельностью своего воззрения на жизнь особой науки о богатстве... Он знал, что развитие богатства есть одно из второстепенных условий жизни общественной и должно поэтому находиться не только в тесной связи с другими высшими условиями бытия, но и в совершенной им подчиненности». Русская экономическая мысль не сводила хозяйственную деятельность только к деньгам, к подсчету прибылей и убытков, не отделяла финансовые итоги от духовно-нравственных цен-

ностей, а также от государственных интересов, от судеб своего Отечества, всегда имела перед собой высокий идеал. Такой подход абсолютно чужд западной политической экономии.

«Младшие славянофилы» изучали западную политическую экономию (Самарин, И. Аксаков, Кошелев, Чижев), но она служила им больше для расширения кругозора, чем для практического применения. Уже упоминавшийся А. Шипов, отмечая, что в России наблюдается некая враждебность между экономистами-теоретиками, претендовавшими на непогрешимость законов своей науки, и представителями делового мира, объяснял это незрелостью науки политической экономии (см. «Вестник промышленности») и некритическим заимствованием у нас ее постулатов.

В статье В. Ососова (в том же журнале) показано, что даже тогда, когда сальдо торгового баланса России оказывается положительным, правительство довольно (дескать, мы не данники чужеземцев), хотя оно лишь повторяет ошибку меркантилистов. На самом деле происходил отток капиталов из России, в особенности за счет покупок русской знати за границей: «Богатое дворянство... запасалось предметами роскоши за границею и, благодаря услужливости банкиров, пользовавшихся за свои труды оттерками проходивших через их руки денег, переводили свои капиталы на Запад, на пагубу России и радость «царей биржи», русской и иностранных... и русское богатство покидало свою отчизну, обогащая только наших заграничных кредиторов и, в особенности, тех, через кого эти деньги переходили в их руки».

Даже наиболее вовлеченные в коммерцию славянофилы (Кошелев, Чижев, И. Аксаков) стояли намного выше массы русского купечества и предпринимательства, и разочаровались в этом общественном слое, оказавшемся неспособным подняться над своими личными и корпоративными интересами и руководствоваться интересами государственными и общенародными. Не были они безоглядно увлечены и иде-

ями протекционизма, допуская его лишь на то время, когда русский капитал встанет на ноги, потому что видели его опасности для народного благосостояния, в особенности угрозу неоправданного роста цен.

Из «почвенников» наибольшее внимание экономике уделял Ф. М. Достоевский. Он имел свою концепцию экономического развития нашей страны и ее места в мировой экономике. Достоевский не соглашался со «старшими славянофилами» в идеализации допетровской России и в яростном неприятии западников. По его мнению, России нужны примирение этих двух лагерей и выработка синтеза традиционных русских воззрений с достижениями европейской мысли.

Способы решения экономических проблем России зависели в первую очередь от того, по какому пути она пойдет после отмены крепостного права — станет ли она капиталистической страной, как ведущие страны Западной Европы, или найдет собственный путь развития, основанный на ее традиционных ценностях. Состояние экономики пореформенной России удручало Достоевского видным повсюду обеднением, особенно крестьянства. Это было следствием нравственного падения экономических деятелей России, забвения ими судеб страны ради сиюминутной выгоды, что грозило стране новым рабством. Достоевский называет две главные причины неблагополучного хода жизни России. Во-первых, торгашество (термина «рыночная экономика» тогда еще не существовало) и его синоним «жидовство» (имея в виду жидов христианских и нехристианских, хотя он критикует и евреев, поставивших себя во всех странах в положение «государства в государстве»), и, во-вторых, низкопоклонство высших слоев российского общества перед Западом.

Писатель хотел, чтобы развитие производительных сил направлялось «в новую сторону, государственную, общественную, православную, «а не лично-жидовскую...» На деле же распространение торгашества в «верхах» вызывало

и удручавшие писателя неблагоприятные сдвиги в нравственном состоянии общества, в том числе и в «низах», породив «преклонение народа перед деньгами, пред властью золотого мешка», когда «нет ничего святого», «экономический принцип прежде всего». А это опасно и с экономической, и с нравственной, и с религиозной точек зрения, это — угроза для будущего человечества, вызов христианству.

Российские «верхи», проводившие политику, разрушительную для страны, по его словам, вели себя «точно варяги, пришедшие по приглашению». И делали они это не по злему умыслу, а потому, что были воспитаны на западноевропейских ценностях и представлениях и потому старались «подтянуть» «отсталую» Россию к нормам «передовой» Европы. Достоевский призывал образованное общество России слиться с народом, с почвой, чтобы поднять образованность народной массы и одновременно самим дворянам и интеллигентам проникнуться народным миропониманием. Но захочет ли дворянство стать интеллигентным н а р о д о м? «Не захочет ли это сословие стать над народом аристократией интеллигенции, его опекающей, и снова сковать народ?» — спрашивал он. А это было бы крайне опасным: «Недоделанная крестьянская реформа доведет до отчаяния, до бунта».

Большой вклад в разработку экономической концепции славянофилов внес Н. Я. Данилевский, которому принадлежит ряд глубоких работ по экономике. Данилевский раскрыл механизм закабаления России западным капиталом. Он показал подлинную причину падения курса нашей валюты — неблагоприятный для России торговый баланс. И пока Россия, будет оставаться обремененной громадным внешним долгом, курс ее валюты будет занижен, и это будет причинять ей колоссальные убытки. Государство не должно уподобляться купеческой конторе, выгодно продавать хлеб на мировом рынке, даже если в стране голод. И оно не может долго бла-

годенствовать, предлагая мировому рынку лишь один товар. Попытки правительства избежать этих последствий неравноправного положения России на мировом рынке переходом на золотую валюту Данилевский сравнивал с попыткой наполнить жидкостью сосуд с открытым краном.

Для избавления от экономического ига Запада Россия должна быть страной не только аграрной, но и индустриальной. Ей необходимо уничтожить дефицит внешнеэкономического баланса, больше продавать (но не хлеб), меньше покупать, удовлетворяя сколь возможно большему числу потребностей внутренним производством. «Девизом России должна быть экономическая независимость и самостоятельность, тогда как девиз Англии есть экономическая эксплуатация всех стран света». Данилевский намечает пути развития производительных сил страны, в особенности промышленности, которая в состоянии будет выпускать товары, пока еще импортируемые из-за границы, и делать это надо на средства правительства. Частному капиталу это не по силам, поскольку затраты понадобятся очень большие, а окупятся они только через много лет.

Продолжая линию «старших славянофилов», Данилевский утверждает, что «политическая экономия смотрит на государства... как на существа исключительно экономические, забывая все прочие». А разве можно забывать о таких «прочих» моментах, как независимость государства? Будучи сторонником протекционизма, Данилевский критикует российских фритредеров. Важный вклад в мировую науку Данилевский внес своим исследованием общинной организации жизни уральского казачества. Река Урал находилась в общей собственности всего Уральского казачьего войска. Казаки выработали такие правила ловли рыбы, которые обеспечивали ей возможность размножения без помех, и регламентировали ее добычу по участкам реки в соответствии с графиком хода рыбы вверх и вниз по реке. Этот порядок обеспечивал

справедливость в пользовании благами природы и в то же время не исключал предприимчивости отдельных членов общины. Это, наверное, был самый совершенный в мире, экологически обоснованный способ эксплуатации возобновляемых природных ресурсов.

Из славянофилов рубежа XIX — XX вв. наиболее глубоко разрабатывали проблемы экономики С. Ф. Шарапов и П. В. Оль. Шарапов, понимая, что Россия, ведомая либералами и подталкиваемая враждебными силами извне, стремительно неслась к катастрофе, не только предупреждал общество об опасности, но и сформулировал свою концепцию национального спасения.

Альтернативная национальная идея Шарапова заключалась в том, что есть путь мирного преобразования дворянско-буржуазной России в своего рода «народную монархию», — это было завершением концепции славянофилов в области державного строительства. При этом снимался вопрос о революции, которая неминуемо потребовала бы большой крови и великих материальных жертв. А его противниками выступали враждебные России силы разрушения: это финансовая и политическая элита Запада и ее пособники, «пятая колонна» внутри страны. Именно Шарапов первым разгадал механизм финансового и экономического удушения России международным финансовым капиталом.

Книга Шарапова «Бумажный рубль, его теория и практика» — яркое проявление самобытной русской экономической мысли и самое глубокое сочинение по теории финансов в мировой экономической литературе того времени. По мысли Шарапова, экономика должна быть основана на христианских началах и соответствовать законам нравственности.

Шарапов подверг критике западную политическую экономию и финансовую науку за их бездуховность, за пренебрежение нравственной стороной человеческой природы и хозяйственной деятельности.

Шарапов был первым мыслителем, который осознанно выступил против засилья «экономизма», этого главного идейного врага и важнейшей причины разрушительного характера современной экономики. Он показал, что ни одно крупное народнохозяйственное решение не является чисто экономическим, оно всегда учитывает политические, военные и нравственные факторы. По денежным затратам можно сравнивать лишь варианты решения одной и той же задачи, удовлетворяющие всему комплексу этих факторов. Но решать только по деньгам жизненно важные для страны вопросы, напр., начинать ли индустриализацию страны с развития легкой промышленности или прямо с тяжелой индустрии, немислимо. Напр., начнете с выпуска ситчика — денежные затраты быстро окупятся, но страна окажется безоружной перед агрессией извне.

То, что у А. Н. Энгельгардта и др. предшественников было лишь отдельными прозрениями, Шарапов привел в стройную систему и, разработав соответствующие методы, в ряде случаев довел до стадии конкретных расчетов. До такого понимания экономики современная российская (как и мировая) экономическая мысль не поднялись и по сей день.

Шарапов доказывал: вследствие того, что финансовая система ведущих стран Западной Европы основана на золоте, они попали в кабалу к международной бирже, к тем, кто от века служит «золотому тельцу» и держит в своих руках управление мировыми денежными потоками. Формально власть там находится в руках президента или короля, правительства и парламента. Но подлинная власть — у биржи (точнее, у ее хозяев), а государство выполняет лишь роль городского (или «ночного сторожа»), следящего за порядком. В итоге там наступила эпоха величайшего политического разврата и нравственного разложения, причем выхода из этого тупика нет.

Россия с ее самобытной хозяйственной системой и самодержавной властью оставалась единственной страной, кото-

рая могла бы не только вырваться из этой навязанной ей кабалы, но и показать остальному миру путь к освобождению. Для этого, утверждал автор, нужно было отказаться от навязанной России золотой валюты и перейти на бумажные деньги, но при соблюдении известных нравственных условий.

В частности, царская власть должна быть основанной на твердых нравственных началах, абсолютно бескорыстной, выражать интерес не господствующего класса, а всего народа, и проводить честную финансовую политику. Тогда Россия получила бы абсолютные деньги, покупательная способность которых не зависит от изменений конъюнктуры мирового рынка и которым население так же безусловно доверяло бы, как доверяет оно Царю. Самодержавная власть получила бы возможность, удерживая в гармонии капитал, знания и труд, сама иметь такое богатство, что это позволило бы не только избавиться от внешних займов, но и отказаться от взимания налогов с населения. Общественно-политическую сущность предлагаемой им системы Шарапов выразил крылатой фразой: «Капитализму, то есть господству капитала, здесь нет места, а потому нет места и его антитезе — социализму». Россия положила бы предел экспансии паразитического спекулятивного и ростовщического капитала, стремящегося к мировому господству. При условии проведения предлагаемой Шараповым реформы менялся бы «сам характер русского государственного строя, усиливая нравственную сторону бытия и доставляя возможность проведения свободной христианской политики».

Денежная система, вся совокупность финансовых отношений в стране по системе, предложенной Шараповым, была бы несравненно эффективнее той колониальной системы внешнего управления финансами, какую избрали современные ему либеральные правители России.

Шарапов показал, что сельское хозяйство России переживает глубокий кризис, умышленно созданный ради того, чтобы

на костях российского крестьянства и на руинах «дворянских гнезд» могли наживать бешеные деньги свои и чужеземные земельные и биржевые спекулянты. Создали кризис либералы «новой финансовой школы» во главе с С. Ю. Витте, руководствовавшиеся теориями, заимствованными на Западе.

В то время как печать восхваляла либеральные реформы времен Александра II, Шарапов показывал, что эти реформы бросили «освобожденного» крестьянина из-под гнета помещика под иго еще более жесткого эксплуататора-кулака, а господствующие позиции в экономике отдали в руки западных банков, инородцев и иноверцев. Там, где апологеты реформ видели процветание, он рисует картину всероссийского разорения. В государственном механизме нет органа, прямыми задачами которого являлись бы забота о народном хозяйстве.

Шарапов исходил из того, что «для России уже наступил момент перехода от роли хлебного поставщика Европы к совершеннейшей экономической независимости», тогда как доктринеры в правящих сферах проводили политику превращения России в поставщика хлеба и сырья в интересах Запада. При этом, считал Шарапов, можно было бы в относительно короткий срок поднять государство без привлечения капиталов извне и не пользуясь внешними займами, а только за счет внутренних ресурсов. Переход на золотую валюту ознаменовал важный этап развития мирового капитализма — установление главенства ростовщического, банковского, финансового капитала над капиталом промышленным, производственным. Шарапов расценил этот процесс с религиозной точки зрения — как победу нового культа Мамоны над старым христианским строем человечества. Последствия этой реформы для России были ужасными, и первым это показал Шарапов.

«Финансовые гении» обещали, что в страну потекут иностранные капиталы, Россия получит валюту всего ци-

вильзованного мира. Да, — возражал им Шарапов, иностранные капиталы полились к нам, да еще с такой стремительностью, что в самое короткое время Россия распродала иностранцам свои руды и каменноугольные копи, золотые прииски и нефтяные источники. В руках иностранного капитала оказалась значительная часть российской банковской системы. В России возникла острая нехватка наличных денег у хозяйствующих субъектов. Для удержания в стране золота пришлось дополнительно привлекать иностранный капитал. Россия уподобилась протекающей бочке: сколько бы золота она ни покупала, деньги в ней не задерживались, а транзитом уходили на Запад.

Шарапов вскрыл механизм ограбления России международным капиталом и выработал способы защиты национальных интересов. Он показал, что дело вовсе не в устойчивости курса российского рубля, а в его качестве. Самая замечательная золотая мировая валюта, писал он, может обогащать одну страну и разорять, уничтожать другую. Страна с сильной экономикой заинтересована в экспансии своей валюты, в проникновении в страну со слабой экономикой. Это позволяет более развитой державе подчинить себе слаборазвитую страну и поставить себе на службу ее ресурсы. Именно этого настойчиво добивался западный финансовый капитал, втягивая дореволюционную Россию в зону золотой валюты. Критику Шараповым перехода России на золотую валюту дополнили Г. В. Бутми, А. Д. Нечволодов и Ю. Г. Жуковский.

Шарапов, делавший ставку на сохранение общины и развитие ее на новых началах, был решительным противником П. А. Столыпина, разрушавшего общину. Он выступал за эволюционное развитие России, призванное предотвратить разрушительный социальный взрыв. Поэтому он был противником революции и критиковал теорию и практику социализма. Шарапов выступал против социализма, нацеленного на революцию. Принципы ведения хозяйства, кото-

рые он установил в своем имении, представляют собой одну из разновидностей кооперации. Шарапов, глубоко верующий человек, был одним из немногих экономистов, который оценивал экономический строй общества, как и все свои и чужие действия, с религиозных, точнее — православных христианских позиций. В Церкви он видел духовную опору государства и народа. Возрождение России, по мысли Шарапова, должно начаться с возрождения духовного, а в практическом плане — с возрождения прихода.

Шарапов первым выработал положительную программу возрождения России, наметив меры в области экономики, сельского хозяйства и в социальной области. При этом он не ограничился теорией, а в своем имении Сосновка воплотил ее в жизнь: он организовал своего рода кооператив во главе с помещиком. «К сожалению, — пишет он, — этот единственно плодотворный и верный русский путь до сих пор совершенно не был понят в России». А внедрение его системы по всей России сделало бы невозможной революцию, что обеспечило бы плавный переход страны на качественно новый уровень экономического развития.

П. В. Оль был в числе немногих экономистов, которые предсказывали губительные последствия перехода на золотую валюту, вследствие которого Россия вступила в полосу хронического финансового кризиса. Усиленный вывоз хлеба осенью, несмотря на неудовлетворительный урожай прошлого года и голод в приволжских губерниях, Оль сравнивает с принесением человеческих жертв. В исследовании «Русская нефть и ее государственное значение» Оль показал, что доходы от нефти шли не нашему народу, а иностранным фирмам, захватившим в свои руки реализацию российской нефти и нефтепродуктов на мировом рынке.

Развитие России пошло совсем не по тому пути, какой предлагали славянофилы. Они бы смогли победить при условии великого подвига самоотречения и любви всего на-

рода — от крестьянина до Царя, и именно в таком подвижном служении нуждалась тогда Россия. Такой подвиг не был совершен народом, и прежде всего — господствующими классами. Революция прервала разработку проблем экономики с позиций славянофилов. В наше время продолжателями идей славянофилов, в особенности принципа единства экономики и нравственности, выступают О. А. Платонов и М. Ф. Антонов и отчасти Д. С. Львов.

М. Антонов

ЭКОНОМИКА В РУССКОМ САМОДЕРЖАВНОМ ГОСУДАРСТВЕ

ШАРАПОВ Сергей Федорович
1855 — 1911

Экономические взгляды С. Ф. Шарапова были уже изложены мною в разделе «Экономика русской цивилизации». В этой же части хотелось отметить важные элементы его учения о самоуправлении, которое он считал необходимым условием реализации его экономической программы.

Политическое будущее России, по мнению Шарапова, связано с возрождением «национального, исторического русского земско-самодержавного строя». Шарапов справедливо отмечает, что в результате вестернизации русского правящего слоя и интеллигенции в обществе атрофировались навыки самоуправления, которые всегда были присущи вековому строю русской общины и русской трудовой демократии. Вместо национальных форм самоуправления внедряется заимствованное с Запада авторитарно-бюрократическое управление.

Самоуправление, особенно городское и земское, деградирует, приобретает западноевропейский характер полного отстранения от власти простого человека с заменой ее властью денежного мешка.

Шарапов становится во главе движения за возрождение приходского самоуправления, которое должно было заменить собой «власть толпы» — городское и земское управление.

Приход, бывший в допетровские времена одной из главных форм общественного самоуправления, позднее превратился в чисто административную единицу духовного ведомства, место соединения населения для молитвы и регистрации гражданского состояния. Шарапов предлагает вернуть приходам, прежде всего в городах, их прежнее всеобъемлющее значение. Одним из главных органов, в которых обсуждались идеи возрождения приходского самоуправления, стали газеты «Русское дело» и «Русский труд», выпускаемые С. Ф. Шараповым, ставшим одним из ведущих идеологов этого движения. Основной городской территориальной единицей, считал Шарапов, должен быть поставлен приход, и это должна быть единица не только вероисповедная, но и административная, судебная, полицейская, финансовая, учебная, почтовая и т.п. Всякий постоянный житель прихода, не опороченный судом и достигший определенного возраста, должен быть полноправным членом прихода, избирателем и избираемым. Под сенью Церкви, справедливо полагал Сергей Федорович, не может быть вопроса о сословности, имущественном неравенстве или каком-либо цензе, кроме чисто нравственного в виде доверия и уважения соседей, основанного на долгом и тесном знакомстве с человеком. Только при этих условиях и возможен правильный выбор истинных представителей местных интересов.

Во главе прихода должен стоять выборный приходской голова, который будет управлять приходом вместе с другими приходскими властями: священником, приходским судьей, приходским полицейским приставом, приходским сборщиком податей, заведующим приходскими школами, приходским врачом, все вместе составляющими приходской совет. Деятельность его должна направляться и проверяться приходским собранием уполномоченных, избираемых всем населением прихода. Это же собрание будет выбирать и гласных в городскую думу.

Приход должен иметь права юридического лица — иметь свое имущество, свои учреждения и предприятия, то есть быть полноправной юридической и хозяйственной единицей в составе государства. «Вне прихода ни государство, ни город, ни земство не должны иметь дела с отдельным человеком, ибо только при этом будет гарантировано внутреннее единство и целость нашего национального единства, столь угрожаемого в последнее время наплывом и бесконтрольным хозяйничаньем всякой иностранщины, которая тихо и незаметно затопляет Россию».

Шарапов справедливо отмечает, что приходское самоуправление позволит прекратить «такое страшное явление, как постепенное вытеснение и замещение русского элемента иностранцами и инородцами, идущее теперь полным ходом и, по-видимому, никем не замечаемое, обратило бы на себя внимание. В приходе все на виду, приход сразу заметил бы неестественный прилив чужеродного элемента и поднял бы тревогу».

Экономика в самодержавном государстве

Настоящее исследование представляет первую попытку связать славянофильское учение с данными экономической науки, осветить, с одной стороны, экономические явления с точки зрения свободы человеческого духа, с другой — найти реальную опору славянофильским нравственным и политическим воззрениям.

Я избрал предметом исследования вопрос о бумажных деньгах потому, что он является, так сказать, средоточием всей экономической науки. Мне хотелось показать, что, оставаясь на почве механических законов необходимости, экономика ни к чему не придет и не может прийти, разве к удостовере-

нию, что у человечества нет иной будущности, кроме рабства слабого у сильного или гибели всего современного строя путем бунта слабых.

Деньги — вот орудие экономических отношений лиц, групп и стран. Господствующая на Западе денежная система выражает непосредственно бессилие нынешней экономической науки. При всем относительном совершенстве денежного обращения на Западе, при бесчисленном множестве всяких организаций, форм, гарантий, союзов и соглашений, довольно немного углубиться в сущность западных денежных условий, чтобы увидеть в них неизбежный зародыш того же страшного разложения, которое снедает западную науку, искусство, религию, философию, право, государственность, словом, всю западную цивилизацию во всем ее объеме и проявлениях.

Зародыш этот — начало *бездушиного формализма*, заменившего мало-помалу всюду идеальное начало *веры*; начало условного и относительного, заменившее мало-помалу начало абсолютного, высшего и вечного, высоко вознесшее и разнуздавшее хищное человеческое *я* и обратившее все стороны жизни цивилизованного человечества в огромную арену бесконечной борьбы эгоизмов. Эгоизмы эти то топят безжалостно друг друга, то, устав в борьбе и впадая в отчаяние, селятся путем холодной рассудочной спекуляции придумать такие нормы и рамки, при которых было бы возможно *кое-как жить*.

Но не удастся это Западу ни в какой области. Куда ни взглянешь, повсюду человеческая мысль упирается в отчаяние и небытие. Религия выродилась в материалистический атеизм, философия — в пессимизм, государственность — в анархизм, этика — в проповедь чистейшего эгоизма, экономика — в формальное торжество хитрости и силы, с одной стороны, рабства, нищеты и неугасимой ненависти — с другой.

Бессилие Запада в области мысли до того поразительно за последнее время, что кроме опошленных, износившихся и полных внутренних противоречий нескольких модных мировоззрений не является ничего на смену, не блещет нигде ни луча надежды. Да и неоткуда ему там взяться!..

Славянофильство, скромно стоявшее особняком, в стороне от старых великих очагов человеческой мысли, теперь оказывается единственным мировоззрением, единственной философией, полной жизни и *веры в жизнь*. Оклеветанное, осмеянное, оно вдруг начинает привлекать к себе взоры и умы. К нему начинают прислушиваться, его начинают изучать.

Настоящее исследование представляет слабую попытку пополнить и развить основные воззрения славянофильства в той области, до которой оно почти не касалось ранее. Это область экономическая. Думаю, что мне посчастливилось, исходя из основ этого учения, данных Киреевским, Хомяковым, Аксаковым, Самариным, Данилевским и пользуясь строго научными приемами школы, посильно пополнить это учение. Я хотел показать, что и в экономической области достаточно отвергнуть некоторые условности и победить застарелые предрассудки, чтобы жизнь тотчас предъявила свои права и показала возможность органического творчества тем, где до сих пор видели лишь стихийную игру слепых сил. Государство как условность, как мертвенная форма, олицетворяющая внешний порядок, не смеет и мечтать ни о каком экономическом творчестве. Наоборот, государство как живое выражение мирского, соборного начала, олицетворенное в живом полномочном Государе, оказывается чрезвычайно творческим и могущественным. Деньги — золото, деньги — власть, деньги — темная сила и орудие рабства слабого у сильного, обращаются в расчетную бумажку, беспритязательного объективного счетчика, в орудие христианской помощи народному труду, предприимчивости и сбережению. Выясняется возмож-

ность полного примирения, и не условного только, а прочного, истинного, враждующих человеческих эгоизмов путем отнятия незаконной *власти* у одного и возвращения законной *свободы* другому. Там, где на Западе раздается как последнее слово — слово отчаяния, славянофильство смело поднимает свой голос надежды и оправданной, уясненной, раскрытой веры в лучшее будущее человеческого изобретения, труда и скромного стяжания. Сущность экономических процессов остается та же, от века предоставленная Провидением, как законы движения и равновесия, света и электричества, но человек освобождается от власти слепых сил, становится не бездушной пешкой в экономической борьбе, каким силилась утвердить его западная наука, а живым, свободным деятелем, применяющим эти законы сознательно, а не только им пассивно подчиняющимся. Если будет справедливо на весь мир экономических явлений смотреть как на «систему человеческих деятельностей, обусловливаемых и направляемых пользою», то разница между западными и славянофильскими взглядами немедленно обнаруживается. Идея «пользы» там есть самостоятельная, самодовлеющая сила, ничего выше себя не знающая. Здесь ее истинное место лишь как *служебного начала* другому высшему нравственному и бессмертному началу. Понятия совершенно перестанавливаются, и человек из покорного раба экономических сил становится их господином, обращаясь из рабов Ротшильда в «рабы Господни», единственное сладкое рабство, с коим сознательно мирится и в коем воистину освобождается бессмертный дух человека.

И в этом признании, в этой перестановке понятий тотчас же раскрывается и истинно великая сила нравственного начала, поставленного как высшая власть. Экономическое начало пользы злое и бессмысленное, как признанное божество нового Запада, становится творческим орудием и послушной силой в руках государства, построенного не на эгоистическом начале *договора*, а на нравственном — *доверия*.

С этой точки зрения я и прошу читателя взглянуть на изложенные в этой книге законы творчества мнимых капиталов, регуляторов денежного обращения в государстве, зависимость постоянства денежной единицы от обстановки главного народного труда, образование государственных запасных капиталов и пр., и пр. Все эти законы раскрыты только посредством исследования той денежной формы, которая по существу своему *нравственна* и, как таковая, не поддается западной игре эгоизмов и западной наукой отвергается.

Важность этих законов, независимо от их верности и научного значения, лежит, по-моему мнению, еще в том, что, уясняя вопрос о правильном устройении экономической жизни в государстве, они раскрывают неизмеримо далекие перспективы, указывая на второстепенное значение экономического мира явлений и вознося перед государством высшие и величайшие цели бытия. Указывая, что вопрос о «пользе» и ее проявлениях в общежитии разрешается к полному удовлетворению и благополучию трудящихся, сберегающих и умствующих, не говорят ли повелительно эти же самые законы, что и трудиться, и сберегать, и умствовать возможно лишь во имя иных, вечных и высоких целей, возносящихся тем ярче и виднее, чем лучше, понятнее и достижимее справедливость и спокойствие обстановки временной, материальной человека?

Вот с этой точки зрения я и позволю себе надеяться, что мой труд имеет значение в целом составе славянофильского мировоззрения. При всей неполноте, неясности, сбивчивости и плохом расположении частей моего исследования, я думаю, что мне удалось выяснить и отметить по крайней мере важнейшее, и что те, кому по душе придется мой труд, не затруднятся его пополнить и исправить, не теряя общей руководящей нити.

Но кроме этого принципиального значения, я хотел бы надеяться, что мой труд не останется без некоторой прямой доли пользы. В русском обществе не имеется никаких ус-

тановившихся взглядов на финансовые вопросы. Западные теории, так дорого стоившие нашему государственному и народному хозяйству, потеряли кредит и в общественном обиходе держатся лишь по недоразумению. Между тем, русской теории, русских взглядов не выработалось, и потому господствует необычайная путаница, прямо отражающаяся и на нашей финансовой практике. Наряду с мероприятиями, указывающими на некоторое приближение к пониманию смысла и значения абсолютных знаков в самодержавном государстве, возникают и осуществляются проекты и предложения прямо противоположного характера, наносящие нашему бумажно-денежному обращению серьезный ущерб. Ни с того, ни с сего весь газетный хор начинает, например, вдруг славословить золотую валюту, абсолютные деньги называть «сладким ядом» и плакать о прекратившемся полвека назад металлическом у нас обращении.

Вслед за славословием является неожиданно мера, которая никогда бы не могла получить своего существования, будь в нашем обществе и у специалистов установившиеся финансовые воззрения. Между тем разрешение сделок на золотую валюту, исходя из того взгляда, что золото деньги лучшие, деньги более верные, чем «сладкий яд» — кредитные билеты, — поражает в самый корень наш абсолютный знак, выдвигает вновь вопросы, по-видимому, историей уже порешенные...

Теоретическая постановка вопроса об абсолютных (бумажных) деньгах

I

В ряду так называемых гуманитарных наук наука о финансах занимает положение совершенно исключительное. У нее существует обширная литература, представляющая

очень подробное и остроумное исследование фактов, накопившихся целыми столетиями. Из анализа этих фактов выведены обобщения, законы и правила, складывающиеся в стройные системы. Самая наука имеет предметом явления, в значительной степени подлежащие опыту и учету и выражающиеся в цифрах. И именно эта-то наука, как оказывается, разошлась с живой жизнью до такой степени, что становится возможным не в шутку, а совершенно серьезно поставить такой вопрос: кто кому должен подчиняться — жизнь финансовой науке или эта наука жизни?

Как ни странен этот вопрос, но раз он поставлен, он обличает крупное внутреннее недоразумение, в котором необходимо разобраться. До сих пор мы понимали науку вообще, как исследование и уяснение тех законов, по которым движется жизнь в ее разнообразнейших областях и проявлениях. Каким бы методом ни было сделано известное обобщение, оно, чтобы стать научным законом, должно непременно не только выяснить и систематизировать явления, но и упорядочивать ими, предвидеть и предсказывать их.

Если мы с этой точки зрения подойдем к так называемой финансовой науке, то наша вера в нее (если предположить, что таковая была) непременно посрамится. Финансовая наука выдвигает свои законы, а жизнь им совершенно противоречит. Финансовая наука на основании своих умозрений рекомендует те или другие меры, жизнь их отвергает. Наконец, финансовая наука предсказывает явления, вычисляет их и соображает, а в действительности получается совсем другое, иногда прямо противоположное.

Про какое-нибудь сравнение с точными науками и речи быть не может. Астрономия, например, предсказывает затмение на тысячу лет вперед, и оно совершается минута в минуту. Механика вычисляет смелую арку моста, и мост выдерживает как раз ту тяжесть, какая от него требуется. Химия на основании известных умозаключений предска-

зывает, что должно быть открыто какое-то простое тело с такой-то плотностью пара и атомным сродством, и тело открывается именно такое. Даже медицина, в общем представляющая совершенно невозделанное поле, и та в своем экспериментальном запасе имеет несколько бесспорных правил и указаний: дайте пациенту в таком-то случае то-то, и произойдет то-то.

Ничего подобного так называемая финансовая наука не имеет и не знает, и все ее построения по меньшей мере спорны, а практические советы в большей части никуда не годны.

Если мы попытаемся анализировать происхождение и развитие западной финансовой науки, мы легко убедимся, что, собственно говоря, наука эта там еще и не зарождалась. Для нее не было вовсе почвы. Финансовая наука — законное дитя политической экономии. А что представляет эта наука? Она, начиная с Адама Смита, своего основателя, продолжая Жаном Баптистом Сэем и Рикардо и кончая социалистами, дала целый ряд школ и остроумных писателей. Текущие явления экономической жизни были изучены в подробностях и подведены под известные законы, довольно верно выражающие внешние признаки явлений. Адольф Вагнер посвятил специально России огромный труд, долгое время считавшийся чем-то вроде финансового у нас Евангелия. Внутренняя, психологическая сущность экономических процессов была, однако, исследователями оставлена в стороне, и на основании простой, чисто механической повторяемости, а в духовном отношении на основании одной идеи *пользы* было признано, что экономическим миром явлений управляют такие же слепые законы необходимости, какие управляют неодушевленной природой. Всякая борьба с этими законами или всякое стеснение их свободного проявления является, по воззрениям экономистов, нарушением основного принципа *пользы*, который в своем свободном виде заключает все

элементы технического и культурного совершенствования, достаточного для человечества.

Совершенно в стороне от мирового научного движения стоит гениальный изобретатель бумаго-денежной системы и великий финансист-практик Джон Ло со своими плохо прочтенными и теперь позабытыми сочинениями. В стороне же стоит группа так называемых утопистов, пытавшихся посредством крайне остроумных, но рассудочных комбинаций обойти законы органического творчества в мире экономии и *сочинить* новые финансовые системы, оказавшиеся сплошь неудачными. Наконец, виднеется Фридрих Лист, впервые признавший великую роль нравственного начала в экономическом мире и совершенно развенчавший материалистическое учение Адама Смита и Сэя. Но этот замечательный экономист высказывает лишь самые общие идеи и почти совсем не говорит и финансах. Из всей серьезной литературы по этому вопросу, не исключая и творений Адольфа Вагнера, одно только имя и приходится на Западе произнести с глубоким уважением, это имя Родбертуса, к сожалению, только наметившего истинные законы денежного обращения в своей знаменитой книге «Исследования в области национальной экономии классической древности», но отнюдь их не разрешившего.

И сейчас, как и тридцать лет назад, финансовая наука в лице ее наиболее выдающихся представителей на Западе стоит все на том же *золотом* основании. И сейчас еще она насквозь материалистична, и это лишает ее всякой глубины и всякой основательности. Как ни чудовищны практические выводы из теоретических псевдонаучных построений, у Запада словно не хватает мужества взглянуть им прямо в глаза.

Управляемый *пользой*, экономический мир, по воззрениям западных экономистов, имеет могучим орудием борьбу индивидуальных эгоизмов между собой. В этой борьбе, носящей техническое название *конкуренции*, люди сами собой

изошряются и придумывают все более и более совершенные орудия борьбы. Для большего успеха в деле люди сплавиваются в группы и союзы, удесятеряют этим свои разрозненные силы и начинают бороться уже не человек с человеком, а группа с группой, общественный класс с классом, наконец, народ с народом. Положенный таким образом в основании политической экономии элемент борьбы явился в сущности совсем не случайно. Если признавать действие данной духовной и исторической среды на формулирование и формирование господствующих мировоззрений, то нельзя не усмотреть, что *борьба* лежит на Западе в основе всего, окрашивает и одухотворяет собой все. В области веры — борьбы авторитета и свободы. В области права — борьба индивидуума и общества. В области государства — борьба власти и автономии. Наконец, даже в области природы — борьба за существование, знаменитая *struggle for life*, увенчивающая и как бы оправдывающая весь цикл борьбы.

Ясно, что ум мыслителей, окруженный в жизни, в вере и в науке одной борьбой, не мог не перенести ее и в область экономики, где борьба совершается вполне открыто на глазах зрителя, где сильный рвет у слабого что может, торжествуя и радуясь, что непосредственные, ближайшие по крайней мере, формы борьбы облечены в совершенно приличную оболочку, что нет ни грубого насилия, ни стонов, как в те времена, когда сильные брали слабого за горло. Теперь та же или, может быть, еще более ужаснейшая борьба совершается без воплей и стонов. Утром заглянули в газету, в полдень написали на бумажке несколько цифр — к вечеру часть имущества, а иногда и все имущество одного самым несправедливым, по существу, образом перешло к другому. Жаловаться некому и не на кого. Вас ограбил не Петр, не Иван, не разбойник рыцарь, вас ограбила биржа, ограбил неизвестно кто, вас раздавила невидимая рука, одетая в мягкую перчатку «правового порядка».

В экономике, основанной на борьбе, часть ее, финансовая наука, явилась совершенно последовательно орудием борьбы. Подобно тому, как военные техники с величайшей быстротой изобретали за последнее время все ужаснейшие орудия разрушения, западная финансовая наука, развиваясь неумолимо последовательно в одну сторону, выковывала наиболее совершенное орудие для экономической борьбы, переводила эту борьбу с маленького единоборства какого-нибудь сапожника с потребителем или ростовщика с должником на борьбу Ротшильда с целым человечеством, на борьбу мира англо-саксонского с германским из-за рынков для мануфактур или на борьбу Америки с Россией из-за золота и пшеницы.

Финансовая наука Запада шла рука об руку и росла с успехами так называемой цивилизации, то есть пара и электричества. Не больше чем в какие-нибудь полвека тихое когда-то и почти невидимое в массе прочного и спокойного труда биржевое царство разрослось до необъятных размеров и совершенно подчинило себе, задавило собой общества, государства и народы. Иметь столько-то десятков миллионов золота в фонде — вопрос жизни и смерти для современных государств. Оружие так остро, борьба так быстра и удары так глубоки, что одна неудачная финансовая операция может бросить, по-видимому, хорошо вооруженного и здорового противника к ногам его врага. И чем утонченнее финансовая система, чем сложнее и огромнее финансовые обороты в стране, тем опаснее всякий кризис. Кто-то сказал совершенно справедливо, что современная морская артиллерия гораздо опаснее для стреляющих из нее, чем для ее противников. Совершенно то же и в финансовой области.

Фридрих Лист, излагавший свои замечательные воззрения на связь мануфактур с земледелием, на промышленный рост и культуру народов и столь симпатично рисовавший картину будущего братства наций, развивавших параллельно друг другу свои силы, по-видимому, и не подозревал,

до какой степени ненормальная финансовая система, основанная в конституционно-парламентарных странах на золоте и власти биржи, изуродует и перевернет это естественное движение и во что обратит так называемый «прогресс цивилизации» человечества. Живи этот замечательный писатель не в первой, а во второй половине кончающегося столетия, он, наверно, не собственно трудовое, промышленное соперничество народов выставлял бы в качестве главной подлежащей разрешению задачи, а тот печальный биржевой ритм, который в наши дни парализовал собой все не только в экономической, но и в политической, правовой и нравственной областях. Если европейское человечество без особого труда справилось с промышленной гегемонией Англии, если Германия, Австрия, Италия и даже Россия (про Францию и Соединенные Штаты нечего и говорить) освободились от мануфактурного и денежного верховенства Англии, создали свою промышленность и завоевали самостоятельные внешние рынки, то та же Европа попала в полном составе в кабалу еще горшую, допустив развиться международной биржевой спекуляции и возрадив неведомых истории ранее биржевых царей и первосвященников, изображающих в данную эпоху силу неизмеримо более грозную и могущественную, чем любое из европейских правительств, ни одно из которых, за исключением русского, не смеет и думать о какой-либо самостоятельной роли среди своего государства и народа.

Основным и наиболее характерным признаком окончания какого-либо исторического периода служит обыкновенно то обстоятельство, что главная, центральная, так сказать, историческая идея, отмечавшая собой весь период, приходит к очевидному уродству, изживает сама себя. Такой основной идеей европейской цивилизации последних столетий в области экономической является, несомненно, *золотая идея*, то есть идея, что золото — единственные и истинные деньги. Идея эта легла в основание всей банковской и финансовой сис-

темы современных государств, породила фонды, фондовую биржу и ее спекуляции, опутала государства сетью неоплатных долгов, создала капиталу политическую власть и преобладание в государствах, выдвинула к международному господству финансовых израильских царей и кончает великим политическим развратом, совершенно одинаковые симптомы коего так резко проявились в последние годы одновременно во Франции, Италии и Германии, что отдельные случаи «хищений» складываются мимовольно в великую и печальную картину политического разложения современной Европы. Продолжать жить таким образом невозможно, выхода тоже не оказывается никакого. Перепуганная биржа спешит потушить одинаково и Панаму и Панамину, зажать рот Альвардту, но она не в силах ни вдохнуть веру в себя, ни поднять дух изнемогающих под биржевой кабалой народов.

Среди этого хаоса мелкая и жалкая финансовая наука Запада едва лепечет свои старые формулы; мы вторим ей по старой привычке идти за европейской ученостью, по-видимому, и не подозревая, что наступает новый исторический период, который в противность материалистическим воззрениям, борьбе как главной движущей силе природы и человечества и философскому пессимизму как конечному выводу вознесет перед ними совсем иные знамена и идеи.

Мы не имеем в виду раздвигать настолько широко программу нашего исследования. Мы хотели указать лишь, что основной чертой этого нового периода должно явиться преобладание духовного и нравственного начала во всех областях человеческого мышления и делания, ибо только нравственное начало и способно вывести заблудившийся цивилизованный мир из дебрей материализма и бессмысленной животной борьбы. И кто знает, в этом новом движении не очутится ли наша тихая и наименее «цивилизованная» по-западному Русь впереди других племен и народов как сохранившая в своей непосредственности чистые нравствен-

ные начала и донесшая их до момента оказавшегося в них всеобщего оскудения?

В области финансов, по крайней мере, нам это кажется несомненным, ибо только одна Россия не допустила биржу создать своих Ротшильдов и Блейхредов, ибо только у нас биржа начинает отцветать, не успев как следует зацвести, и ярко определяется некоторое новое течение.

II

Мы уже говорили, что в западной умственной атмосфере чувствовался особый специфический недостаток, словно не позволявший умам мыслителей ориентироваться и найти верный путь для построения истинной финансовой науки. Этот своеобразный дальтонизм сбивал с дороги даже таких выдающихся мыслителей, как Прудон и Фулье. Про умы меньшего полета ничего и говорить.

Сделав десять шагов в области чистой науки, ученый на одиннадцатом шаге спотыкался и уходил в условности, не будучи в состоянии, именно вследствие этого дальтонизма, ярко, последовательно поднимать финансовые вопросы в их истинно научном виде: он уклонялся в мелкие практические рассуждения, разрабатывал такие частности, как моно- и биметаллизм, а общую теорию усиливался окургузить и обосновать не на бесспорных логических выводах, а на золотом предрассудке да на *существующем* запасе фактов, освященном данным экономическим строем эпохи. Получалось нечто поистине жалкое.

Чтобы уяснить эту мысль, возьмем частный случай с бумажными деньгами. У некоторых западных финансистов, пока они рассуждали отвлеченно, логика оказалась достаточно сильной, чтоб охарактеризовать эти деньги как идеальные по своему совершенству (не в смысле суррогата золота,

не в смысле кредитных денег, а именно в смысле денег абсолютных). Но их умы не справились и не могли справиться с первым же поставленным экономической практикой вопросом: ну а что, если государственная власть напечатает этих денег излишнее количество? С точки зрения западного человека даже нельзя себе представить государственной власти, которая *не могла бы* напечатать лишних бумажек. Всякая напечатает, одна по нужде, другая по легкомыслию; гарантий никаких быть *не может*, а потому — прочь самая идея об абсолютных знаках! Все рассуждения о них праздны. Будем держаться за золото и допустим бумажки только в качестве его заместителей. Тут будто бы еще возможны некоторые гарантии и контроль.

Читатель чувствует полную ненаучность подобного приема, чувствует, что здесь, с этого именно шага, наука кончилась и пошли совсем произвольные построения. Вот почему и финансовой науки, годной для всех времен и народов, устанавливающей точные законы *денежного обращения* (ибо это и есть в строгом смысле предмет финансовой науки как части политической экономии), нет и не было.

Вот, по нашему мнению, каков должен бы быть истинно научный прием и как могла идти дальше финансовая наука.

Идеальная, наилучшая форма денег — абсолютный знак, единица меры отвлеченная, как метр, аршин, ведро. Это уже высказано, теоретически обосновано и можно считать бесспорным.

Но мы не знаем (на Западе) такой формы государственной власти, которая могла бы оперировать с такими деньгами, или по Родбертусу, не имеем соответственных политических и общественных учреждений. *Предположим*, однако же, что такая форма возможна. Предположим, что государство будет выпускать и снимать с рынка как раз необходимое для жизни количество знаков. Рассмотрим и изучим функции этого абсолютного знака.

В математике не остановились перед такой логической бессмыслицей, как мнимая величина. Ввели ее, *предположили, допустили* и построили великую науку. В финансах того не сделали, и потому никакой финансовой науки не получилось.

Создание финансовой науки на Западе было затруднено, между прочим, и известной историей Джона Ло с грандиозным государственным банком и не менее грандиозными государственными спекуляциями. Это была очень грустная история, оставившая неизгладимое впечатление, во вред истинной науке. Джон Ло был бесспорно гениальный человек, и за два с половиной века до нашей поры создал и осуществил такую денежную систему, которая для нас сейчас еще является почти недостижимым идеалом. Не формулируя научно законов денежного обращения, он угадал их вдохновением гения и безошибочно понял их основание в *нравственном начале*¹. Но, во-первых, тогдашняя французская абсолютная государственная власть уже находилась на пути полного разложения; она растеряла все свои идеалы и притом была настолько безнравственна, что пустилась на открытый грабеж, а, во-вторых, и сам Ло вместо того, чтобы удержаться на чистой идее абсолютных знаков, впутал свой банк в неистовую биржевую игру акциями своей злосчастной компании и, перейдя все границы благоразумия, чуть не разорил окончательно Францию. Нравственное начало и государственное творчество в финансовых вопросах были скомпрометированы больше чем на двести лет, а похоронившая французскую легитимную монархию революция положила поистине надгробный камень над нравственным началом. Даже серьезные и глубокие умы не могли отделаться от силы нового потока, увлекшего Запад в рационализм, давшего торжество грубому материализму, извратившего и задержавшего и истинную культуру, и развитие финансовой науки.

¹ Знаменитое его изречение: «Государь не нуждается в кредите, он его создает...» — *Азм.*

Когда возникнет, да и возникнет ли на Западе настоящая финансовая наука, неизвестно; наше горе в том, что нам приходится или изучать совершенно неподходящие для нас системы, чувствуя, как их положения не сходятся с русской жизнью, или самим создавать настоящую финансовую науку, или, наконец, вести государственное хозяйство без всякой науки, на основании простого здравого смысла, цифр и опыта.

Попробуем рассмотреть все три случая.

Финансовые теории Запада (мы говорим о господствующей школе финансистов) пора, наконец, бросить; это-то уже, по крайней мере, бесспорно. Если мы бедны, если русский народ осужден полгода сидеть без дела, если мы по уши в долгах, если наше земледелие гибнет, а мануфактурная и иная промышленность развивается безобразно, то винить за это надо исключительно нашу финансовую учительницу — Европу, благодаря которой наша финансовая политика второй половины XIX века представляла то чистые западные образцы, то робкие компромиссы между указаниями западных финансистов и требованиями русской жизни. Об этих теориях теперь и говорить уже как-то стыдно.

Хозяйничать без всякой теории, как хозяйничали Кольбер, Канкрин, бесспорно лучше. Если мы представим себе очень крупное имение с огромным и разветвленным земледельческим и фабричным производством, с многочисленным персоналом служащих, с широко развитым кредитом, то это будет государство в миниатюре. Хозяйничать следует так, чтобы дела шли прочно, хорошо, чтобы все отрасли преуспевали, чтобы имение развивало свои силы. Нужен заем, делать заем. Можно платить проценты меньше, делать конверсию долга. Постройка затеяна — производить ее подрядным или хозяйственным способом, что окажется выгоднее...

Да, но так может хозяйничать частное имение, крупный завод или, наконец, маленькое, несамостоятельное экономически государство, как Сербия. У всех трех меновое средс-

тво, деньги, не свое, а чужое. Все в тесной зависимости от соседей, а частное предприятие, кроме того, от государства. Разумеется, хороший хозяин, здравомыслящий министр финансов, поведет этим путем русское хозяйство недурно, исполнив высказанное противниками финансовых теорий желание «знать свою страну и уметь вовремя проявлять смелость и толковость этого знания».

Но этого все же будет недостаточно. Помещик может быть великолепным хозяином, но без земледельческой химии ему никак не обойтись. Смелый здесь наделает огромных ошибок, робкий будет вечно сомневаться. А со знанием земледельческой химии и смелый, и робкий в смысле результатов до известной степени сравняются. Как ни будь я смел, но если я знаю, что на этом участке не хватает фосфорной кислоты, я пшеницы сеять не буду. Как ни будь я робок, но если я знаю, что урожай клевера утраивается каинитом, я не побоюсь затратить деньги на его покупку, если это обещает выгоду.

Следует ли говорить, что в области финансовых мероприятий мало смелости, мало также и знания народной жизни, а прежде и важнее всего ясное *предвидение результатов* данной комбинации? Нам приходится строить железную дорогу. Средства для ее постройки могут быть добыты: новым налогом, внутренним займом или выпуском бумажек. Чтобы выбрать тот или другой способ, мало знания народной жизни и смелости. Рассуждение министра финансов будет примерно таково: «Налогов новых вводить нельзя, бумажек, *кажется*, довольно: капиталы на рынке, *кажется*, есть свободные. Сделаем заем».

Шаткость этого рассуждения бросается в глаза. Западная доктрина здесь только запутывает человека. Но и без здоровой, ясной теории дело плохо. «Кажется» — критериум весьма плохой, а при смелости и совсем нехороший. Но что же тогда делать?

Теория, безусловно, нужна. Нужна истинная финансовая наука, широкая, верная, позволяющая *точно* определить, *за*ем ли делать или бумажки печатать и *почему именно?*

Но этой теории нет. Финансовая наука еще не родилась, если не считать робких намеков, да таких теорий, *не дошедших* до выяснения истины, как рентовые билеты Цешковского или долговая теория Маклеода. На Западе, повторяем, финансовой науки нет, есть местные правила, есть финансовые системы для Франции, Англии, Германии до известной степени пригодные. У нас тоже финансовой науки не создали наши экономисты, ибо до сих пор шли в хвосте западной мысли. Но в русской экономической литературе были, по крайней мере, ясные попытки осветить если не научные законы, то практику совершенно иного денежного обращения, чем на Западе.

III

Если бы кто-нибудь вздумал попробовать действительно научным образом изложить и осветить западные финансовые теории, он убедился бы с первого шага, что на Западе денежной теории *вовсе нет*, а есть теоретические рассуждения *о золоте как деньгах и о заменяющих его суррогатах*.

В самом деле, любопытно посмотреть, как золото стало деньгами и как воздействовало на построение этих своеобразных теорий.

Как определяет понятие «деньги» финансовая наука? Она говорит: деньги — единица измерения ценностей, как метр — измеритель длины, грамм — веса, литр — объема. Определение очень точное и научное.

Между парой сапог и четвертью ржи для определения их взаимной ценности необходимо вставить некоторую *уловную* и непременно *постоянную* единицу. Мы говорим:

пара сапог стоит десять рублей, четверть ржи — восемь. Единица для сравнения — рубль. Совершенно так же говорим мы: от Москвы до Петербурга шестьсот верст, от Петербурга до Колпина восемнадцать. Единица сравнения — верста.

Казалось бы, роль и значение этих единиц приблизительно одинаковы. Единица меры ценностей должна бы, научно говоря, иметь столь же отвлеченный характер, как и всякая другая единица меры. Если угодно придать этим единицам взаимную связь и постоянный характер, достаточно приурочить одну из них к какой-нибудь неизменной величине, а остальные приурочить к первой.

Метрическая система так и сделала. За основание взяла земной меридиан и одну сорокамиллионную часть его назвала метром. Объем кубического дециметра назвала литром и получила точную объемную единицу; вес кубического сантиметра чистой воды при известной температуре назвала граммом и получила точную весовую единицу.

А вот на единице ценностей наука споткнулась. Отвлеченную единицу ценностей установить оказалось невозможным по тем психическим элементам, о которых мы говорили выше. Потребовались гарантии против злоупотреблений; нормальный метр можно всегда проверить. Но удостоверению правительства в том, что все метры, выпускаемые с казенным клеймом, точны и сверены с нормальным, проверить было можно, какой-нибудь нормальный франк или рубль, если это кусочки металла, — тоже, но самое измерительное их качество, *идею ценности*, в них заключающуюся, проверять оказалось невозможным, и наука так на этом и остановилась.

С самых отдаленных времен, после перехода античного мира с его натуральным хозяйством к хозяйству денежному, лучшими и почти единственными деньгами считалось золото. Оно действительно с большим удобством исполняло роль денег. Но в сущности это были не деньги, а был «всем нуж-

ный товар», разделенный на точные весовые количества. Понятие о деньгах, совершенно отвлеченное, было привязано, воплощено в металлическом кружке такого-то веса. Таким оно осталось и в наши дни: отвязать, освободить его не пыталась вовсе западная финансовая наука.

При всех неудобствах золота, при явной кабале, в которую *только ради золота* впадают иногда целые государства, оно давало единственную, но очень важную гарантию: прибавить по произволу золота было почти нельзя, в природе его немного, наличное все размещено в чью-либо собственность, следовательно, никакое злоумышление правительства не может нарушить естественного уровня цен; накопивший золото всегда богат, ибо невероятно, чтобы вдруг были открыты слишком обширные залежи золота, и оно, сразу прибавившись в количестве, упало бы в цене.

Все это соображения очень веские, но с наукой ничего общего не имеющие.

Когда наступили новые века, жизнь и промышленность на Западе усложнились и золота как менового средства оказалось слишком мало, чтоб удовлетворить всем потребностям; и вот появилась финансовая наука, точнее говоря, были изобретены приемы, посредством коих из частного кредита, известного еще в древности, выросли последовательно кредит банковый и государственный.

Писать историю финансов не наша задача, а потому, опуская все длинные рассуждения о том, как все это постепенно складывалось, довольно сказать, что для замещения крайне недостаточного золота были изобретены его суррогаты в виде банковых билетов, которые — указывалось на это с особым ударением — *с бумажными деньгами, с деньгами абсолютными*, ни к какому металлу, ни к какой реальной стоимости не прикрепленными, *ничего общего не имеют*.

Получилась следующая общепринятая в Европе комбинация: счет ведется по-прежнему на золото (не упоминаем о се-

ребряной валюте в некоторых государствах и вовсе не касаясь моно- и биметаллизма, ибо это только бы усложнило и затемнило вопрос), у правительств по-прежнему связаны руки, но в большинстве государств, рядом с правительством, под его контролем, хотя в полной от него независимости, учрежден национальный банк, ведающий денежным обращением. Этому банку предоставлено *в помощь и в замену курсирующего золота* выпускать под его обеспечение *в строго определенном количестве* банковые билеты, разменные на золото во всякую минуту.

Эту комбинацию придумала западная практика и вполне одобряет западная наука. Но как ни старается она связать руки государству и оградить карманы публики от финансовых колебаний, в жизни получается следующее явление: для государственного хозяйства или войны нужны деньги; правительство решается сделать внутренний заем и, стягивая в свои кассы известное количество золота, выпускает беспроцентные обязательства, свои или банковые, а чтобы не выпустить из своей казны золота, объявляет их неразменными и устанавливает принудительный курс. Получается как бы долг государства народу; в неблагоприятных случаях курс этих бумажек на золото падает, устанавливается лаж, и финансовая публика начинает кричать, что она обкрадена, что у нее взяли франк, а дают лишь 60 сантимов и т.д.

Основной характерной чертой этого строя является неизбежное экономическое господство одного народа или государства над другим во внешних сношениях и неизбежное господство денежной биржи внутри государства.

Взглянем на отношения Турции, Египта, какой-нибудь Аргентины или Сербии с их европейскими кредиторами. Разве это не формальная кабала?

А если заглянуть в царство биржи, то достаточно припомнить историю различных крупных спекуляций и крахов. Деятельность господ Ротшильдов, Блейхредов и всего евро-

пейского еврейства выясняется во всем ее величии. Царство золота последовательно и логически убило истинную финансовую науку, связало все народы и государства мира одной огромной цепью и, словно рабов, повергло их к стопам всемогущего Израиля.

Достаточно развернуть и прочесть в русской книге Кауфмана о банках удивительный, невероятный, хотя по-своему и поэтический, гимн золоту. С первых же строк станет ясно, что никто, кроме еврея, ничего подобного написать не мог. Гимн этот настолько характерен и откровенен, что мы решаемся сделать небольшую выписку. Вот как определяет господин Кауфман драгоценные металлы:

«Богатство, принявшее форму золота и серебра, воплотившееся в драгоценно-металлическом теле, может всего более сохраняться, всего менее бояться разрушительного влияния времени, всего менее ему подчиняться и, напротив, само всего более над ним господствовать. Но золотое и серебряное тело сверх того имеет то преимущество, что оно одинаково предлагает свои услуги большому и малому богатству: золото и серебро почти до бесконечности делимы и потому могут в себе воплощать богатства самых разнообразных размеров. Они как бы представляют цель, которая может сокращаться и расширяться, *смотря по силам тех, кто к ней стремится*. И большая, и малая сила одинаково могут ее достигнуть. Вследствие того, что драгоценные металлы в малом объеме могут содержать большую ценность сравнительно с другими ценностями, они преимущественно перед другими годятся, когда имущество должно принять такую форму, в которой его удобнее *скрывать от чужих взоров, от чужого нападения и похищения*. Золотое и серебряное тело представляет таким образом наилучшую крепость, *за стенами которой имущество чувствует себя всего безопаснее*. Но золото и серебро не только лучше всего оберегают имущество в данном месте. С ним легче всего совершенно *избавить имуще-*

во от опасностей, которыми ему угрожает данное место. Переодеваясь в золото и серебро, имуществу всего легче убежать из опасной страны: драгоценные металлы служат как бы шапкой-невидимкой имуществу. И куда бы с ними ни явился их обладатель, повсюду он встречает спрос на них, повсюду он их может обменять на необходимое. Драгоценные металлы освобождают его от прикрепленности к данному месту и повсюду ему дают свободу, пропорциональную их собственному количеству.

Какой бы мы ни взяли вид капитала, кроме драгоценно-металлического, всякий представляется нам с совокупностью особенностей, свойств и качеств, отличающих его от других видов капитала, делающих его годным на удовлетворение известной, определенной потребности, приносящих его к достижению одной какой-либо частной цели. Он представляет собой материал или орудие, нужные для заготовления того или иного вида вещи, простой ли необходимости или характеризующей роскошь; он представляет собой материал или орудие, нужные при заготовлении платья, жилища и т.д. Вообще всякий другой вид капитала, кроме драгоценно-металлического, представляет всегда какую-либо специальную и специфическую полезность. Золото и серебро вследствие универсальной общепризнанности их полезности составляют исключение. И они только одни составляют это исключение. Сами по себе взятые, они непосредственно весьма на многое годятся, но их можно обменять *на что угодно, где угодно и когда угодно*. Кто ими обладает, обладает поэтому *каким ему угодно капиталом, в какое ему угодно время и в каком ему угодно месте*. То есть когда капитал принимает форму золота и серебра, он освобождается от всех тех ограничений, которыми его полезность стесняют качество, пространство и время. От всего, что стесняет имущество, что *суживает силу богатства*, что прикрепляет его к определенному назначению, времени или месту, от все-

го этого драгоценно-металлическое тело его освобождает. *В драгоценно-металлическом теле капитал получает полную и безграничную свободу.* Неудивительно, что многие утверждали, что *в этом теле капитал получает душу*: он ведь свободно может подвигаться куда ему угодно, а *прочность золота и серебра дает ему бессмертие*, каким не может похвалиться человеческое тело. Англичане это выражают иначе. Они говорят, что всякий другой вид капитала представляет только один вид богатства; золото и серебро, напротив, представляют отвлеченное богатство (*abstract wealth*). Драгоценные металлы представляют собой то, что сосредоточивает на себе весь экономический мир, но не в бестелесной, а в осязательной форме. Это — *оживленная отвлеченность*. Несомненно, что самая высокая (во всяком смысле) абстракция, какую знает история прогресса человечества, представляется той, которая обобщает все проявления полезной (культурной) человеческой деятельности, что она ни создавала бы — хлеб, платье, обувь, жилище, *песню, военную победу, политический порядок* и т.д., какому бы времени, какой бы национальности она ни принадлежала, все, словом, проявления деятельности обобщает, как проявление общечеловеческого единства. Эта-то наивысшая абстракция имеет практическое реальное значение в той мере, в какой она воплощается в золоте и серебре, представляющих *все ценности, выработанные культурой. За золото и серебро отдаются все эти ценности.*

«Абстрактное богатство» обладает покупательной силой, подобно всякому другому богатству. Но его покупательная сила отличается своей *чистотой* или, вернее, своей очищенностью от всяких иных примесей (например, от нравственного закона. — *Авт.*). Это значит, что насколько драгоценные металлы служат не для удовлетворения одной какой-либо надобности из той совокупности их, которая входит в круг экономической жизни и в ней обособляется в особую группу, насколько, напротив, драгоценные металлы представляют

общую возможность добывать какую угодно из отдельных вещей и услуг, нужных для удовлетворения вообще означенных надобностей, — настолько они выделяются из общей массы имуществ и всей массе *противопоставляются*, как сила противопоставляется разнообразным результатам, которые она в состоянии произвести, как центр противопоставляется периферическим пунктам окружности, к которым ведут радиусы от него. Пока кто-либо имеет драгоценные металлы, он обладает *силой, которая его может повести к какому угодно из этих пунктов и по самому кратчайшему направлению*. Драгоценные металлы ставят обладателя ими в центральное положение, равно удаленное от всех тех пунктов, к которым ведет экономическое движение, и, стало быть, дающее возможность достигнуть с наибольшей скоростью. Вот почему покупательная сила драгоценных металлов дает возможность производить обмены с наибольшей скоростью. Всякий, кто обменивает свои товары или оказываемые им услуги на драгоценные металлы, становится через то в центр самого обширного круга, в котором он всего скорее может достигнуть каждого из его периферических пунктов».

Если мы припомним историю еврейского народа после его рассеяния, его психологию с основной чертой грубой *утилитарности* и стремления к грубому же материальному владычеству над всем остальным человечеством, мы поймем своеобразную поэзию этих великолепных строк.

Вот оно, уже не только деловое, но чисто философское выяснение роли и значения золота. Безграничная свобода и, прибавим, безграничная власть капитала — капитала, не знающего ни родины, ни нравственных законов, — таков еврейский миродержавный идеал. И этот идеал, эта власть путем основанной на золоте денежной системы открыто провозглашены и могущественно легли над миром.

Какие усилия были употреблены, чтоб и Россию захлестнуть той же цепью! Но Бог, видимо, хранит нас. Мы только

ослаблены и разорены, но не закабалены никому, да и не случится этого никогда. Нас спасет то, во-первых, что Россия не государство только, а мир, вполне самодовлеющий и экономически независимый, во-вторых, спасет сохранившееся именно в русском племени отвращение к грубой материальной силе в качестве идеала, спасет, наконец, истинная финансовая наука, которая должна же когда-нибудь явиться.

IV

Первым шагом на пути создания истинной финансовой науки должна быть победа именно над этим золотым пред-
рассудком, полное отрешение от того взгляда, по которому драгоценные металлы отождествляются с деньгами.

Как только этот шаг сделан, и хотя бы только в нашем представлении, явились деньги, лишенные всякого вещного, товарного значения, деньги — знаки, деньги — измеритель и орудие расчета и учета, деньги, наконец, — представитель не реальной ценности, а некоторой идеи; уже мы будем в состоянии тотчас же приступить к изучению работы этих знаков и их роли в народной и государственной экономии.

Это, повторяем, единственно научный путь, и для его освещения у нас есть наша собственная долголетняя финансовая практика. Многие и не подозревают у нас, что в действительности Россия с перерывами, но уже второе столетие живет на совершенно абсолютных деньгах, что золото и серебро давно перестали быть русскими деньгами и то, что считается какой-то экономической болезнью, каким-то несчастьем, есть, в сущности, исторический хозяйственный процесс, далеко выдвигающий нашу Родину впереди других цивилизованных народов.

Став на эту точку зрения, мы попытаемся уяснить законы денежного обращения, пока только по русским данным

и применительно к России, обладающей, если не вполне реально, то, несомненно, потенциально, теми государственными и общественными условиями, необходимость коих чувствовал Родбертус. Расширить рамки нашего исследования и применить к этим законам данные и явления чужой жизни будет всегда возможно.

В наших предыдущих сочинениях мы уже обрисовали приблизительно эти законы, вытекающие из данных русской практики. Поэтому теперь мы выставим их в качестве ряда положений, которые и попытаемся посильно выяснить и доказать.

Положения эти следующие.

- 1) Меновой, денежной единицей в России есть и должен быть рубль, представляющий собой постоянную, совершенно отвлеченную ценность.
- 2) Эта единица на практике изображается бумажным знаком, выпуск и истребление коего принадлежат государственной власти.
- 3) Золото есть товар такой же, как и все остальные металлы, но ввиду того, что этот товар системой соседних государств принят за монетную, денежную единицу, нам в нашей международной торговле и сделанных ранее государственных долгах счета приходится вести на него.
- 4) Бумажный рубль, не зависящий от золота и выпускаемый по мере необходимости, позволяет при правильной организации кредитных учреждений оживлять и оплодотворять народный труд и его производительность как раз до предела, до которого в данное время достигает трудолюбие народа, его предприимчивость и технические познания. Он является *мнимым капиталом* и действует совершенно так же, как и капитал реальный.
- 5) Существует весьма простой регулятор, указывающий во всякую минуту центральному кредитному учреждению, много или мало денег в стране, и позволяющий

с величайшей точностью сжимать и расширять наличное количество знаков.

- 6) При системе финансов, основанной на абсолютных деньгах, находящихся вполне в распоряжении центрального *государственного* учреждения, господство биржи в стране становится совершенно невозможным и безвозвратно гибнет всякая спекуляция и ростовщичество.
- 7) Место хищных биржевых инстинктов занимает государственная экономическая политика, сама становящаяся добросовестным и бескорыстным посредником между трудом, знанием и капиталом.
- 8) При бумажных абсолютных деньгах является возможность истинного государственного творчества и образования всенародных, мирских или государственных запасных капиталов.
- 9) При бумажных абсолютных деньгах роль частного капитала изменяется в смысле отнятия у него захватываемой им в биржево-золотых государствах власти.
- 10) При государственном творчестве и запасах является совершенно иной взгляд как на налоги, так и на систему таможенную.

Наконец.

- 11) Осуществление в полном виде системы финансов, основанной на абсолютных знаках, изменить самый характер современного русского государственного строя, совершенно освободив от посторонних влияний, усилив его нравственную сторону бытия и дав возможность проведения свободной христианской политики.

Если бы нам удалось доказать эти положения и обратить их в законы, их, надеемся, было бы достаточно, чтобы предлагаемой теории придать истинно научный характер.

Думаем, что это совершенно возможно. Доказательства наши могут быть, конечно, только исторические и логические, и они облегчаются тем, что в зародыше все это у нас уже есть или было и что все наши экономические и финансовые

затруднения только тем и обуславливаются, что мы даже практически *уже почти придя к прекрасной денежной системе*, все еще не решаемся открыто ее признать, все еще оглядываемся на старые учебники.

История наших финансов, начиная с графа Канкрина, полна оправдания самого ясного всему изложенному выше. К ней мы обратимся позднее, а пока рассмотрим выставленные тезисы.

V

Наше первое положение, то есть, что *денежная единица* должна представлять некоторую *постоянную, совершенно отвлеченную меру ценностей* (у нас в России бумажный рубль), доказывать теоретически едва ли нужно. Западная наука и некоторые из выдающихся ее представителей у нас, как, например, Н. Х. Бунге, не отвергают, что эта форма денег теоретически наилучшая, но она, по мнению правоверных финансистов, неосуществима.

А между тем, наша русская практика показывает, что она не только осуществима, но и практически существует. Неужели же серьезно можно сказать, что наш бумажный рубль соответствует такому-то количеству золота и серебра, если тридцать или сорок лет подряд за этот рубль дают не то количество металла, которое на нем прописано, а то, которое устанавливает на каждый курсовой день биржа? Мало того, за эти сорок лет два раза правительство пыталось восстановить размен, то есть привести бумажки в точное соответствие с металлом, и что же? Дело кончалось каждый раз огромными убытками, рубль шел своей дорогой, а золото своей.

Нам говорят: рубль бумажный есть долг казны предъявителю. Казна *взяла в долг* золото и дала бумажку — вексель, по которому в любую минуту можно получить золото

обратно. Рубль ходит как деньги *только потому* будто бы, что на осуществление рано или поздно этого обещания все надеются. Но как же надеяться на это обещание, если тридцать или сорок лет подряд казна совсем не платит по этим мнимым своим векселям и, уверены, никогда платить не будет? Если бы бумажные рубли ходили только в силу подобных надежд и простого торгового доверия, ясное дело, что после первой же приостановки размена доверие к ним совершенно исчезло бы и за них никто не дал бы ни копейки. Не правильное ли заключение, вытекающее отсюда, что рубли внутри страны ходят только потому, что это настоящие абсолютные деньги, а не гарантии их каким-то золотом, которого никому не выдают? Не ясно ли также, что и для иностранцев, торгующих с нами, это обеспечение не имеет никакого значения, а важна покупная ценность рубля внутри России?

Иностранцу нужен, положим, лен. В России пуд его стоит пять рублей, заплатить за него иностранец может на золото, допустим, десять марок. Ясно, что эти десять марок обмениваются на пять рублей. Это наиболее простой случай, который мы приводим, собственно, затем, чтобы показать, что золотое обеспечение, или эта магическая надпись на рубле, никакого практического значения ни для нас, ни для иностранцев не имеет. Чтобы совершенно уяснить абсолютный характер русских бумажек, достаточно себе представить, что завтра, например, правительство выпустит нового образца билеты, на которых вместо обычной надписи будет стоять: «Государственный денежный знак. Разменивается по предъявлению в каждом казначействе на знаки меньшего достоинства или на мелкую монету». Полагают ли господа финансисты, что русская публика и иностранцы, прочтя подобную надпись, придут в ужас и перестанут брать новые бумажки? Не думаем! Иностранцу это будет решительно все равно, лишь бы рубль сохранил в России свою покупательную силу, а русская публика, наверно, будет довольна, ибо

не может русский человек мириться даже с таким наивным самообманом, жутко, неловко ему...

Когда граф Каркрин выпустил вместо прежних ассигнаций новые «кредитные билеты», он, в сущности, совершенно произвольно приурочил наш рубль к французским четырем франкам. Тогда Россия обменивалась с иностранцами правильно, в долги не залезала, путешественники не везли русского достояния проматывать за границу, тогда в заключение международного обмена почти каждый год приходилось не нам добавлять золота в пользу иностранцев, а обратно: золото это накапливалось в России и ходило в публике не только рядом с бумажками, но было часто даже несколько дешевле их, курс внешний был очень устойчив и благоприятен. После Крымской войны наш международный расчет совершенно изменился. Золото из России ушло, приплачивать иностранцам стали мы, а потому залезли в долги и обесценили на внешних рынках наши бумажки; но внутри России рубль остался все теми же царскими деньгами, хотя за него иностранные купцы и перестали выдавать четыре золотых франка.

Не ясно ли, что как ни хлопотать, а рубль стремится в России занять положение, независимое от золота? Не ясно ли, что к золоту его не привяжешь? Да и незачем привязывать. Это деньги совершенно абсолютные, ставшие таковыми уже в силу простой давности, и сокрушаться об этом нет никаких резонов.

Некоторый, небольшой правда, лаж на бумажки — лучшее доказательство того, что бумажный и металлический рубль величины всегда несоизмеримые. Когда у нас скопилось иностранное золото и серебро и выпускалось правительством в публику, как русская монета она не дешевела значительно только потому, что имела, в сущности, такой же принудительный курс, как и бумажки, то есть служила законным платежным средством. Небольшой лаж выражал лишь сравнительное удобство бумажных денег. Но если бы

правительство раз навсегда признало единственным законным платежным средством внутри страны бумажки и отказалось бы от чеканки монеты, цена на золото и при большом его изобилии в стране установилась бы только как на товар. Право чеканки монеты потому и есть правительственная реглация, что дает казне всю разницу от удешевления металла. Наглядное тому доказательство — медь, из пуда коей, стоящего 14 — 17 рублей, бьются монеты на 50 рублей. Как только товарная стоимость меди превысит эту цифру, обязательный курс падет сам собой, медь переплавят в изделия, и медная монета исчезнет из обращения.

Сокрушаясь о низком курсе, упрекая правительство в том, что за наш рубль дают всего 65 копеек золотом, мы высказываем положительную неблагодарность нашим прекрасным абсолютным деньгам. В книге «Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве» мы старались доказать, что этот низкий курс был для России поистине благодетелен, отстояв в самую критическую минуту ее экономическую независимость, а теперь позволяем себе думать, что первое положение совершенно доказано: *мы уже имеем в бумажном рубле ценовую единицу, совершенно отделившуюся от металлической своей валюты и ставшую абсолютными деньгами. Мы сжились с ними, и нам остается лишь их открыто признать и провозгласить.*

Второй закон сам собой заключается в первом и доказательств не требует, а потому переходим к третьему, который был нами сформулирован так:

«Золото есть товар, такой же, как и все остальные металлы, но, ввиду того, что этот товар системой соседних государств принят за монетную единицу, нам в нашей международной торговле и сделанных ранее государственных долгах счета приходится вести на него».

И это положение требует для своего доказательства только справки с текущей действительностью, так как прямо

вытекает из принятого определения бумажного рубля. Если этот рубль — деньги абсолютные, то золото ничем иным, кроме товара, быть не может.

Справка в области нашей финансовой практики укажет с полной очевидностью, что золото у нас именно есть товар.

Мы выпускаем монету, на которой написано «пять рублей», но эта монета вовсе не обращается внутри страны.^{99/100} русского населения ни разу в жизни не произвели на нее ни одной сделки, а $\frac{9}{10}$, наверно, ни разу в жизни и не выдали. Видят ее только заграничные путешественники, да и то редко, а главным образом, столичные жители на выставках меняльных лавок. И вот до какой степени это не деньги для России, что правительство особую русскую золотую монету даже *вовсе уничтожило*. Наш прежний полуимпериал был несколько больше 20 франков. Недавно введен новый, совершенно равноценный 20-единичной монете, принятой латинским монетным союзом, равный 20 франкам, левам, динарам, драхам и пр. Это настоящая латинская монета, снабженная лишь профилем Русского Государя и надписью «пять рублей».

Впрочем, эта надпись так же мало соответствует пяти рублям, как и надпись на кредитных билетах: «предъявитель сего...» и т.д. И вот наши новые полуимпериалы прекрасно обращаются как монета, как деньги, за границей, а у нас в России, если б у кого и оказались, то прежде чем их употреблять, было бы необходимо *продать* их, разменять их *по курсу* на русские деньги совершенно так же, как золото в слитке или любую иностранную монету.

И здесь факт налицо, и его требуется лишь узаконить, провозгласить. Для этого достаточно было бы не писать на полуимпериале «5 рублей», а поставить вразумительно: «Российская для внешних платежей монета. Двадцать...» сущительное подберите, какое угодно, ни никак не «рублей», чтобы не было путаницы.

Но какая же надобность выпускать эту особую монету? Не гораздо ли проще расплачиваться готовой монетой латинского союза?

Ответ на это самый простой: добываемое у нас золото при обращении в монету дает казне известный доход. Доход этот небольшой, но зачем же им пренебрегать?

Нам могут возразить, что по закону у нас валюта не золотая, а серебряная и что наша монетная единица не золотой, а серебряный рубль. Да, мы пытались это сделать, и одно время серебряные рубли у нас ходили. Но когда последовало перемещение относительных ценностей золота и серебра, последнее вовсе вышло из употребления и осталось лишь в качестве мелкой разменной монеты, да и то низкопробной, чтобы не было выгодно переплавлять. Рубли бьются на нашем монетном дворе и сейчас, но идут, как кажется, исключительно на Восток, в Турцию, Персию и проч. В России они совсем не ходят, и сделки на серебряную валюту вовсе не совершаются ни во внутренних, ни в международных сношениях.

А если мы пишем «сто рублей серебром», то пишем это по старой памяти, подразумевая в действительности «сто рублей бумажных». Никому в голову не придет требовать уплаты серебряными рублями, ибо и на них есть особый курс, и «сто рублей серебром» вовсе не равноценны ста серебряным рублям.

Наша низкопробная разменная монета — лучшее доказательство. Раньше была у нас монета полноценная, строго соответствовавшая принятой единице — серебряному рублю. Когда бумажный рубль отделился от металлического и золото потекло за границу, потекло за ним и серебро. Мы рисковали совсем остаться без билонного (разменного) средства, и волей-неволей пришлось выпустить серебряные деньги с большим количеством лигатуры, переплавлять которые на серебро не было бы выгодно.

Полагаем, что после всего сказанного не может быть сомнений в том, что золото и серебро в нашем внутреннем хозяйстве *не деньги, а товар*, в торговле же нашей с иностранцами — *чужие деньги*, хотя частью и заготовленные на нашем монетном дворе, но *приравненные не к русским, а к латинским деньгам*.

Переходим к четвертому и пятому положениям. Здесь приходится ради их научного обоснования предпослать несколько слов о внутренней ценности или, точнее, покупательной силе бумажного рубля сравнительно с таковой же силой золота.

Чем обуславливается покупательная сила золота, мы уже видели. Золото никогда заметно не подешевеет, ибо его не может появиться вдруг слишком много. Покупательная сила золота, его внутренняя ценность пропадает лишь при совершенно исключительных условиях, например на корабле, на котором среди открытого океана кончилась провизия, или в осажденном городе, отрезанном от сообщения со страной. В остальных случаях в зависимости от внешних обстоятельств могут быть колебания в ту или другую сторону. Но большого обесценивания золота при сколько-нибудь нормальном порядке быть не может.

Суррогат золота — банковые билеты гарантируются от обесценивания положительными установками банков, обуславливающими постоянную их разменность и невозможность их выпуска в количествах произвольных. Злоупотребления здесь крайне опасны и приводят прямо к государственному банкротству; страны же, правительства коих не в силах восстановить правильных международных расчетов, запутываются в долгах и фактически теряют свою самостоятельность (Египет, Турция).

Чем же обуславливается внутренняя ценность, или покупательная сила, абсолютных денег, не имеющих никакого отношения ни к какому металлу и выпускаемых государственной властью в России вполне свободно?

VI

Мы видим в жизни явление с точки зрения западных финансистов почти необъяснимое: русский рубль, величина совершенно отвлеченная, на деле изображаемая бумажкой, не имеющей сама по себе никакой ценности, ибо потребовать законной валюты за прекращением размена нельзя и не у кого, отлично ходит и обладает замечательной внутренней устойчивостью. Экспедиция Заготовления Государственных Бумаг тут же в распоряжении министра финансов. Печь — клетка во дворе Государственного Банка. Никаких точных приемов для исчисления количества потребных в каждую минуту для страны кредитных билетов действующая система не знает, а потому выпуск и уничтожение знаков вполне произвольны. Завтра может быть подписан указ министру финансов о выпуске хотя бы двух или трех миллиардов знаков. Послезавтра может быть подписан противоположный указ, по которому Верховная Власть, согласившись на представление следующего министра финансов, что знаков слишком много, прикажет консолидировать их в процентные бумаги, то есть выпустить государственные облигации, а «лишние» бумажки снимет с рынка и истребит. Никаких формальных гарантий нет и быть не может. Между тем даже незначительные колебания менового средства производят огромные перемещения в экономической области, отражаются на всех ценах, на всякой работе, на всех предприятиях. Выпуск или уничтожение бумажек, производимые искусственно, а не по законам денежного обращения, могут совершенно изменить расположение производительных сил страны. По западному взгляду, в такой стране жить нельзя, как нельзя жить в стране, где не обеспечены жизнь, честь, собственность.

А мы живем, и если нам приходится иногда плохо, то по причинам совершенно противоположным, чем на Западе. Запад все ищет гарантий против возможных злоупот-

реблений верховной власти, находит эти гарантии в золоте и акционерных национальных банках и попадает в безысходную кабалу к бирже и ее царям. Россия добивается только одного: полной и настоящей свободы для своей единоличной верховной власти, твердо веруя, что эта власть абсолютно нравственна и доброжелательна и что все экономические бедствия и неурядицы проистекают от недоразумений или злоупотреблений исполнителей царской воли, умевших так или иначе уйти от контроля и вызвать верховную власть на несвободное решение.

Поясним это на примере выпуска денежных знаков.

Огромность и разносторонность государственной работы в такой колоссальной стране, как Россия, таковы, что Русскому Государю нет ни малейшей возможности быть специалистом ни в какой области государственного управления. Его специальность — видеть перед собой беспрерывно общую картину России в самых магистральных ее линиях, смотреть на русскую жизнь с самой возвышенной точки зрения. Детали если ему и доступны, то не иначе, как в виде частных примеров, объясняющих направление магистралей.

От самодержавного Государя поэтому мы можем ожидать личной инициативы лишь постольку, поскольку это касается образа целой России, например в делах политических. Во всех же остальных случаях ему достаточно дать свое свободное и окончательное решение по заслушивании по меньшей мере двух противоположных мнений, подготовляющих и освещающих для него тот или другой вопрос.

Министр финансов находит, что для потребностей промышленности и торговли наличного количества денежных знаков мало и необходим их новый выпуск. На Западе ничего не стоит подготовить в желательном смысле парламентское голосование, а потому там спешат оградить страну от самой возможности выпуска, вырывая у правительства Национальный банк — экономическое сердце страны, создавая послед-

нему независимое положение и обуславливая золотое обеспечение для банковых билетов.

В России, наоборот, все убеждены, что Государь никогда не подпишет указа о новом выпуске денег, пока не будет совершенно убежден в целесообразности этой меры, и все жаждут только того, чтобы Государю была полная возможность не *довериться* лишь той или другой личности, но действительно *убедиться*, сверив доводы за и против мероприятия.

Таков русский народный идеал, столь глубоко укоренившийся в русских умах и сердцах, что Россия безропотно переживает тяжелую и долгую полосу финансовой политики, явно нарушающей этот идеал в надежде, что рано или поздно установится у нас настоящая, ясная и всем понятная финансовая система, при которой Государь, подписывая тот или иной указ, не будет болеть сердцем от неуверенности и сомнений, прав или не прав его министр, автор данного мероприятия.

И вот пока в области денежного обращения господствуют западные воззрения, пока искусство министра финансов является чем-то таинственным, наподобие колдовства или чернокнижия, мы видели пока одно явление: целый ряд русских Самодержцев, считая выпуски денежных знаков вообще делом весьма рискованным, прибегал к ним лишь в самых крайних случаях, охотно конвертируя, или уничтожая, денежные знаки и с крайней осторожностью разрешая выпускать новые.

Если бы существовала истинная финансовая наука, если бы государям, начиная с Александра II, не приходилось доверяться искусству выдвинутых общественным мнением или случаем лиц, призванных к заведованию государственным хозяйством, можно бы смело быть уверенным, что такая же мудрая осторожность была бы проявлена и в остальных отраслях финансового дела. Не было бы произведено ни бесполезной ломки старых кредитных учреждений, были бы найдены иные финансовые основания для великой реформы 1861 года, иначе были бы выстроены русские же-

лезные дороги, не было бы сделано столько угнетающих Россию внешних и внутренних займов. Но финансовой науки не было, были теоретики-доктринеры, рядившиеся в западную ученость. Верховная власть волей-неволей санкционировала *на веру* ряд мероприятий, объема и сущности коих не понимали даже сами их авторы, один за другим сходявшие со сцены, натворя бед России.

Вот почему здоровая и ясная финансовая теория, не чужая, не заимствованная, а своя, оригинальная, построенная на тех же началах, на коих зиждется и наша государственность, — так необходима для нас. До сих пор разработке этой теории, возникновению истинной финансовой науки мешал наш бессознательный европеизм, отвергавший самые ее начала. Но его пора проходит.

Эти начала, утраченные Западом, но без коих вся западная культура лишается своего фундамента и вырождается в нечто постепенно теряющее даже образ человеческий, — *любовь и доверие*, составляющие в своем целом единое *нравственное начало*, западной финансовой наукой совершенно игнорируемое. Наша верховная власть есть порождение и представитель именно нравственного начала, начала полного доверия и любви и полной свободы действий. Да, верховная власть без всякого протеста и противодействия, без всякого парламентского вотума *вправе* завтра же выпустить или сжечь сколько угодно знаков, мало того, вправе объявить самую печальную войну, заключить самый невыгодный для России трактат... Но то, что она *вправе*, еще не значит, что она *сделает*, а если случайно и *сделает*, то не иначе, как по недоразумению, с самым искренним желанием добра стране или поддавшись ловко проведенному обману, предупреждать и охранять Государя от которого есть первый и священной долг верноподданного. Наша сила, наши гарантии лежат в том, что история создала и поставила нашу самодержавную государственную власть в положение ежеминутной ответс-

твенности перед Богом и собой, создала ей условия полнейшего бескорыстия и беспристрастия, окружила ее народной совестью и живым же народным мнением. При правильном действии указанных условий, при самодержавии истинном и свободном, без всяких формальных ограничений, не может не получить самого осторожного, самого консервативного правительства в мире. Нравственная сила — такая великая сила, что наша верховная власть, даже среди обстановки, сильно уклонившейся от идеалов старой допетровской Руси, в вопросах экономических чаще ошибается в смысле чрезмерной осторожности, чем риска. Вечный недостаток у нас свободных бумажных знаков лучшее тому доказательство.

Эту аргументацию мы считаем совершенно научной, ибо нравственное начало есть вполне положительная величина, долженствующая иметь в финансовой науке строго определенное значение. Введя ее в рассуждение, мы можем точно, *научно* определить внутреннюю стоимость бумажного рубля.

Внутренняя стоимость, покупная сила бумажного рубля основывается на нравственном начале всенародного доверия к единой, сильной и свободной верховной власти, в руках которой находится управление денежным обращением.

Это нравственное начало действует в том направлении, что все несовершенства существующей денежной системы сводит к простым ошибкам и недоразумениям, совершенно устраняя всякие иные дурные элементы, коль скоро определилось убеждение верховной власти в их вредности.

Это совсем не то, что на Западе, где добывающаяся власти партия или даже династия жертвует сознательно великими интересами родины ради своего господства и где сама власть бесцельно борется с колоссальными хищными эгоизмами биржевых владык, в руках коих находится экономическое сердце страны. Ниже эта разница будет указана в более полном виде.

В противоположность истории Запада вся наша история с глубокой древности, с призвания варягов, основана на до-

верии, и вот почему, между прочим, именно нам суждено было изобрести первые в мире государственные абсолютные деньги (Рошер). Как жаль, что наши историки совсем почти не касались экономических отправлений Древней Руси и едва-едва исследовали княжеские кожаные деньги. Нет никакого сомнения, что эти деньги (кусочки кожи с княжеской печатью) имели характер настоящих абсолютных знаков (а не банковых билетов). Они оказали могущественное содействие русской культуре и вышли из употребления (при Дмитрие Донском), когда благодаря выгодной торговле с иностранцами в России стало в больших количествах накапливаться золото и серебро. Правительственная власть начала чеканить монету, и в России явилось металлическое денежное обращение. Тогда оно было совершенно естественно, ибо если в стране накапливается золото, то оно само собой стремится обратиться в деньги и заместить другие знаки. Но когда наличное количество золота в мире перестало соответствовать потребности в нем, когда выковалось острое оружие международной борьбы в виде западных банковых систем и когда, вследствие этого, удержание металлического обращения в стране с плохим международным балансом или отставшей в своем промышленном развитии равносильно ее разорению и кабале у евреев — королей биржи, счастлива та страна, которая, опираясь на свое государственное устройство, на силу и свободу своей верховной власти, порожденной нравственным началом, имеет возможность перейти к деньгам абсолютным и отречься от золота!

VII

Ниже мы надеемся с полной убедительностью доказать, что полноценность во внутреннем обращении денежного абсолютного знака находится в прямом соотношении с весьма

несложными законами денежного обращения, стоящими, в свою очередь, в непосредственной и тесной зависимости от нравственного начала, положенного в основание государственного строя. Пока укажем лишь, что поскольку это нравственное начало чисто и действительно, оно почти бессознательно приводит государственную власть к соблюдению законов денежного обращения. Как ни парадоксальным может показаться подобное утверждение, но в нем заключается глубокий смысл.

Если взглянуть на бумажный рубль как на простое расчетное средство, как на учетную квитанцию, выдаваемую третьим лицом, посредником между двумя лицами или группами, вступающими в сделку, тотчас же станет ясно, что свобода, обеспеченность и верность учета сделки станет в прямую зависимость от степени доверия контрагентов к их посреднику, от веры в его бескорыстие и беспристрастие. С другой стороны, именно на этих принципах полного бескорыстия и беспристрастия и стоит русская верховная власть.

Поясним это на частном примере. Для выяснения сложных и запутанных расчетов между двумя взаимно кредитующими друг друга предприятиями, владельцы коих сами расчесться не могут, приглашается бухгалтер; проверить его расчетов контрагенты не могут, но ввиду его заведомого беспристрастия и добросовестности заранее принимают его учет как верный и справедливый.

Бумажный рубль есть этот бухгалтер, непрерывно учитывающий сделки. Точность расчетов его зависит от его беспристрастия или от постоянства его внутренней ценности. Это постоянство, эта верность его как единица меры является вполне элементом нравственным, ибо зависит прежде всего от нравственных побуждений выпускающей рубли в обращение власти. А так как нравственные побуждения самодержавной власти заранее принимаются нами как безусловные, то совершенство или несовершенство бумажного

рубля как счетчика зависит только от тех ошибок, которые могут быть допущены при выпуске и изъятии знаков, которые во всяком человеческом деле неизбежны и которые будут необходимо устраняться по мере обоснования и развития истинной финансовой науки, то есть по мере раскрытия законов работы абсолютных знаков.

Если мы спросим себя: что же такое бумажный рубль? Наша практика ответит нам: это отвлеченная денежная единица, которую когда-то хотели прикрепить к известному количеству металла, но которую жизнь с этим металлом бесповоротно раскрепил. Это *идейная единица меры ценностей*, выражающая собой *только акт посредничества* верховной государственной власти в наших хозяйственных сделках. Посредничество это абсолютно беспристрастно, нравственно и благожелательно, но ввиду невыясненности законов денежного обращения и несовершенства денежной нашей системы грешит *чрезмерной осторожностью в выпуске знаков* и потому пока *придает рублю большую внутреннюю стоимость, чем была бы его истинная*. Другими словами, во имя этой осторожности у нас денег в обращении мало, и потому деньги дороги.

Еще пятьдесят лет назад Цешковский давал следующую характеристику, что такое золото? Самое верное *обеспечение* ценности, но весьма плохой ее *измеритель*. Что такое бумажные деньги? Самый лучший *измеритель* и самое плохое *обеспечение*. Необходимо, следовательно, отыскать такую денежную систему, которая бы имела монетную единицу, совмещающую в полной степени как *обеспеченность* золота, так и *измерительную способность* бумажки.

Разумеется, эта задача Цешковского разрешима вполне только при принятом нами условии обеспечения в виде нравственного начала, лежащего в основе самодержавного государства. Это есть наилучшее *обеспечение* как постоянства денежной единицы, так и ее обращаемости, так, следо-

вательно, и ее внутренней полноценности для граждан данной страны.

Определив, таким образом, внутреннюю стоимость, внутреннюю покупательную силу бумажного рубля, рассмотрим теперь, чем же обуславливается его внешняя покупательная сила, его постоянно колебательное отношение к международным деньгам, золоту? Что такое бумажный рубль для иностранцев?

Абсолютные деньги чужой страны, нечего и говорить, не представляют для иностранца никакой ценности. Для немца, не имеющего дела с Россией, русский рубль есть пестрая бумажка и только. Она *что-то* стоит, потому что за нее дадут в меняльной лавке некоторое количество золота те, кому она нужна. Кому же она нужна? Людям, которым приходится платить за русский товар. Но как эта бумажка попала в Германию? Эти бумажки привезены из России, где их применяли на золото. Зачем их меняли? Потому что русским нужно золото: платить за иностранный товар, платить свои металлические долги, проживать за границей.

Проследим этот круг, и мы увидим, что бумажка зарождается в России, попадает к русскому А. Тот меняет ее на золото у банкира Б. для закупки заграничного товара. Банкир Б. еще раз меняет ее на золото и передает иностранцу В., которому нужно платить за русский товар. Бумажка вернулась в Россию, золото вернулось за границу. Товар поменялся на товар. Деньги вернулись в каждую область свои. Ценность русской бумажки для иностранца, таким образом, определяется тем, что за эту бумажку можно купить в России. Если эта бумажка полноценна и, так сказать, *полноверна* внутри России, то и для него она полноценна и *полноверна*, *поскольку ему нужен русский товар*.

Представим себе, что между нами и иностранцами навсегда прервались всякие торговые сношения. Никакого обмена, никаких расчетов нет. Золота за оставшуюся за границей случайно русскую бумажку никто не даст, ибо за нее *нигде*

нечего купить. Ясно, что ее курс, ее внешняя ценность равна нулю, хотя внутри страны, в России, эта же бумажка будет вполне полноценна.

Невольно улыбаешься, когда говорят: кредитные билеты обеспечиваются таким-то фондом и серьезно несут этот фонд из одной кладовой в другую. Говорят, это нужно для иностранцев, а то курс упадет, доверия не будет. Но неужели же иностранец так наивен, что пойдет менять бумажку в этот фонд? Он ведь знает не хуже нас, что там ему ни рубля не разменяют. Он купил эту бумажку за 2 $\frac{1}{4}$ или за 2,5 франка и будет ждать, что ему дадут из фонда 4? Совсем не потому он дал *только* 2,5 франка, что на остальные 1,5 *пошатнулось его доверие* к русским финансам. Он им верит не хуже нашего. Он знает, что русский рубль не потеряет ничуть своей стоимости *в России*, пока он, иностранец, закончит хотя бы и долгую торговую операцию. Он дал 2 $\frac{1}{2}$ франка потому, что для него, для иностранца, на золото бумажка *больше не стоит*, потому что такая цена строго *определилась на международном рынке* в зависимости от нашего торгового обмена с иностранцами (не упоминаем про биржевые махинации и жульничество понижателей и повышателей, которое только усложняет, *несколько* изменяет здоровую, нормальную торговую цену рубля на золото и золота на рубли).

Когда золото и серебро перестали быть русскими деньгами (а они перестали ими быть, когда ушли из России и на них установился курс как на товар), наш международный курс стал простым обменом товара на товар. Будем вести счет на бумажную нашу валюту или на золото, результат будет один и тот же.

Вот образчик.

Платежи наши иностранцам, скажем, в таком-то году (за все, что мы от них берем, считая здесь и проценты по нашим им долгам)	100 руб. (золотом)
Платежи иностранцев нам (за все ими у нас взятое)	90
Разница	10

Эти десять рублей (так называемых рублей) золотом мы должны в таком-то году приплатить, без чего баланс не сойдется. Мы не доплачиваем. Представим себе, что при начале года золото и бумажки стояли *al pari*, то есть 100 рублей золотом равнялись 100 рублям бумажным. Что поучилось? Или мы задолжали 10 рублей золотом и выдали на себя металлическое обязательство, или за границей очутились лишние 10 рублей бумажных, не имеющих ровно никакой цены, потому что за них не то что нельзя, а *не нужно* ничего покупать. Что сделалось с этими бумажками? Их вернули в Россию вместе с прочими 90 рублями, сочтя 100 рублей за 90, то есть понизив наш курс, или стоимость нашего рубля на золото на 10 процентов.

Бумажный рубль уже не равен рублю золотому, как было в начале года, а стоит всего 90 копеек, или не 4 франка, а 3 франка 60 сантимов.

Но здесь вмешивается государство. Ему кажется это «падение рубля» опасным. Оно хочет удержать *пари*. Оно выдает металлическое обязательство на 10 рублей и платит за него проценты. На потомство ложится долг, но зато курс держится твердо.

Но вот наши платежи за границу растут против платежей нам *непомерно*. Проценты все увеличиваются. Наконец, правительство видит, что поддерживать искусственно курс — значит разоряться. Оно предоставляет дело рынку. Рубль бумажный, конечно, сразу падает. Курс начинает колебаться и, наконец, устанавливается на каждый срок как раз в соответствии с международными нашими расчетами и следует за ними шаг за шагом. Уменьшается иностранный ввоз, увеличивается наш вывоз — курс повышается. Обратно — понижается.

Вот другой образчик расчета на бумажную валюту в другом году. Для простоты возьмем в начале года курс рубля в 2 марки.

Платеж наш иностранцам:	
За все взятое	100 руб. = 200 мар.
Проценты по долгам	50 = 100
Итого	150 = 300
Платеж иностранцев нам	150 = 300

Баланс сведен, товары и долги покрыты нашими товарами; ясно, что рубль как был, так и остался на курсе 2 марок.

Представим себе теперь, что мы уплатили иностранцам по расчету на 150 бумажных рублей, а не 200, а у них взяли столько же, сколько сказано, то есть на 150 рублей (300 марок), курс упадет, и вычислить это падение нетрудно. Те же 300 марок будут равны 200 рублям, или рубль вместо 2 всего 1,5 маркам.

Обратно, предположим, что иностранцы уплатили нам на 100 марок больше. Ясно, что те же 150 рублей будут теперь не 300, а 400 марок, то есть рубль будет стоить не 2 марки, а $400/150 = 2^{2/3}$.

Эта простейшая схема так ясна, что позволяет употребить чисто математический прием доказательства для установки настоящего закона, определяющего взаимный курс золота и абсолютных знаков.

Внутренняя стоимость рубля, его покупательная сила обуславливается только его постоянством как единицы меры, то есть благонадежностью его выпусков верховной властью, только в меру действительной потребности народа в расчетном и платежном средстве.

Внешняя его стоимость обуславливается его покупательной силой внутри России и состоянием международного рынка, то есть нашими денежными расчетами с иностранцами.

Исключая постоянный элемент, то есть благонадежность внутри России и, следовательно, неизменную внутреннюю покупательную силу рубля, его внешняя стоимость, или курс, выразится в виде следующего финансово-научного закона (частного, для России, конечно).

Курс рубля или отношение его к золоту находится в зависимости исключительно от международного баланса. Количество знаков, обращающихся в России, никакой здесь роли не играет.

VIII

Этот ясный и простой закон был превосходно освещен покойным Н. Я. Данилевским в его статьях, озаглавленных: «Несколько мыслей по поводу упадка ценности кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности», помещенных в *Торговом сборнике* за 1867 год.

Приводимый им пример представляет чисто научное упрощение нашего международного обмена и значения бумажных и металлических денег. Мы приводим в извлечении эту художественную и правдивую фантазию о деньгах Атлантиды:

«Предположим, — говорит Данилевский, — что среди океана существует остров, назовем его хоть Атлантидой, — который не имеет никаких сношений с остальным миром, и жители которого думают о себе, что они единственные разумные существа во Вселенной. Благоприятствуемые климатом, почвой и природными способностями, атлантидцы собственным трудом вышли из состояния грубости и достигли известной степени цивилизации. Условия жизни их до того усложнились, что они не могут более довольствоваться простой меной своих произведений. Скот, соль, раковины не удовлетворяют уже потребности их в том средстве, которое мы называем деньгами. Драгоценные металлы на острове есть, но островитяне еще не открыли их. Мудрец, живший в то время между атлантидцами, стал рассуждать, как помочь их горю, и вот, приблизительно, ход его рассуждений. Искомое средство должно иметь такие свойства, чтобы его можно было променивать на каждый товар и на каждое коли-

чество товара. Так как все товары делимы, то и наше искомое должно иметь соответственную делимость. Бараны и быки для этого не годятся. Соль и раковины, пожалуй, удовлетворяют этому требованию, потому что, назначив, что раковина соответствует самому малому количеству самого дешевого вещества, можно достигнуть того же, как если бы они были делимы. Далее, необходимо, чтобы средство всеобщей мены долго сохранялось, не уничтожаясь и не портясь. Соль для этого решительно не годится, раковины же, хотя с грехом пополам, удовлетворяют этому требованию. Но и этого еще мало: надо, чтобы нельзя было или, по крайней мере, очень трудно было подделывать наше общеменовое средство; а то все, вместо того, чтобы настоящее дело делать, станут заниматься его подделкой, и никогда нельзя будет быть уверенным, что его не слишком много наделали. Раковины и в этом отношении, пожалуй, годятся. Надо, наконец, чтобы вещество, которое употребим на общеменовое средство, было достаточно редко, для того чтобы каждый не мог увеличивать по произволу количества его. Мудрец пришел к тому заключению, что ни одно из известных ему произведений острова не годилось для желаемой цели. Но почему бы, подумал он, не придать требуемых качеств какому-либо веществу искусственно? Возьмем, например, хоть кусок бумаги. Разной величиной или формой кусков можем удовлетворить требованию делимости; трудным рисунком, секрет которого будет известным лишь правительству, предупредим подделку; променом старых, износившихся бумажек на новые придадим ему неуничтожимость; наконец, ограничив количество их выпуска единственно потребностью торговли и промышленности, предупредим излишнее их накопление. Конечно, думал он, странно, каким образом вещь, сама собой ни на что не пригодная, будет вымениваться на всякий действительно полезный предмет; но ведь ценность вещи основывается на ее пригодности для какого-либо употребле-

ния; быть же орудием мены есть употребление весьма важное, и как только мои бумажки станут на это употребляться, то тем самым приобретут они и ценность. Не то ли же самое со всяким предметом, пока не придумают ему употребления? Белая глина, которой у нас так много, не имела никакой цены, пока не придумали делать из нее фарфоровых сосудов, и с тех пор глина стала ценна; почему же и бумажки, когда они применяются к своему назначению посредством известного приготовления, а главное, посредством строго соблюдаемых условий их выпуска, так же точно не получают ценности, весьма хорошо удовлетворяя своему назначению? Проект был приведен в исполнение. Сначала определили условно, что бумажная единица соответствует такому-то количеству необходимейшего вещества, например хлеба, и в таком лишь случае прибавляли число денежных знаков, когда постоянный лаж удостоверял, что оно недостаточно для нужд промышленности и торговли. Таким образом утвердилась в Атлантиде полная доверенность к искусственному средству облегчения мены. Это был *первый период денежного обращения* в Атлантиде.

Через несколько столетий остров был открыт и вступил в торговые и иные сношения с иностранцами. Конечно, иностранцы не захотели принимать атлантических бумажных денег, но из этого затруднения вывернулись случайным открытием на острове золота и серебра. Атланtidцы так привыкли к своим деньгам, что не хотели переменить их на золотые и серебряные, а согласились на следующую сделку. Золото и серебро было собрано в особое хранилище и установлены ответственность бумажной денежной единицы известному весу этих металлов. Торговля стала производиться следующим образом. Атланtidцы приезжали в иностранные земли и покупали на свои бумажные деньги тамошние продукты. Иностранцы с этим деньгами приезжали в Атлантиду, выменивали их на золото в разменной палате и потом за это поку-

пали анлантиские товары. Получившие золото атлантисцы спешили в разменную палату и возвращали себе за золото свои любимые бумажки. Это был *второй период атлантиской торговли*, совершавшейся посредством размена билетов на золото и золота на билеты.

Вскоре обе торгующие стороны заметили, что совершенно напрасно затрудняют себя излишней процедурой двукратного размена и стали поступать так: иностранцы, поучив атлантиские билеты, прямо покупали на них атлантиские товары. Разменная палата опустела и чуть не была совершенно забыта. Своих товаров атлантисцы отпускали как раз на столько, на сколько покупали иностранных, и потому иностранные купцы брали бумажки, как если б они были чистым золотом, зная, что ведь нужно же будет им покупать атлантиские товары, а на них и уйдут бумажки; разве ценили их немного дешевле за то, что в промежуток времени между получением бумажек и покупкой на них товаров они не имели для них употребления; но так как торговля шла непрерывно, то эта причина не могла оказывать сильного действия. Это был *третий период в развитии атлантиской торговли*, в который размен на драгоценные металлы подразумевался и, вместо прямого, существовал, так сказать, косвенный размен. Цена бумажек и тут не падала, и невозможно вообразить никакой причины, почему бы ей было пасть.

Но вот атлантисцы развратились, забыли староотеческие обычаи и предания, пристрастились к различным удобствам жизни, приняли разные чужеземные привычки, которым могли удовлетворять лишь иностранными продуктами, и стали их закупать в гораздо большем количестве, чем отпускали своих собственных товаров. Очевидно, что при таком порядке вещей некоторое количество атлантиских бумажек должно было оставаться в руках иностранцев, и когда их порядочно накопилось, иностранцы, конечно, не знали, что с ними делать. К счастью, вспомнили про разменную палату. Она сно-

ва была открыта, и золото потекло из нее рекой за границу. Атланtidцы вовсе об этом не беспокоились, так как не были заражены меркантилизмом. Таков был *четвертый период в ходе торговли и в судьбе бумажных атланtidских денег.*

Период этот, конечно, не мог быть продолжителен, и однажды иностранные купцы, явившись променивать оставшийся у них излишек бумажек, услышали горестную весть, что променивать их не на что. То, что они считали деньгами и что было таковым в течение долгих лет, обратилось в простые бумажки. Они было хотели прекратить всякие сношения с атланtidцами, но те стали их успокаивать: «Чего вы опасаетесь? Ведь не нынче мы начали, не нынче и перестанем торговать с вами. Мы признаем за бумажками полезную их цену; отдайте их нам, а мы доставим вам на следующий год товаров на всю их стоимость, да еще проценты за то, что вы нам раньше срока деньги в руки дадите». «Хорошо, — отвечали иностранцы, — но вы не берете в расчет, что на будущий год опять приедете к нам закупать наши товары в таком же количестве, как и за прошлый, а, пожалуй, и еще того больше, и захотите платить теми же бумажками, тогда как значительную долю наших товаров должны вы будете отпустить нам за те же уже бумажки, которые мы вам теперь отдадим, да проценты за них: таким образом, вы, наконец, должны будете отпускать все потребное для нас количество ваших товаров за старые долги, а на что вы будете вновь покупать? Так нельзя, а послушайте вот что. Вы покупали у нас в последние годы товаров на 150 миллионов, мы же ваших — только на 100 миллионов; следовательно, 100 миллионов ваших билетов имеют и для нас полную ценность, остальные же 50 с тех пор, как нельзя променять их на золото, все равно, что клочки тряпья. Так как, однако, на ваших билетах не написано, которые из них принадлежат к первой сотне и которые ко второй полусотне миллионов, то мы можем и будем принимать их вообще лишь за две трети их цены, а там

что будет, то будет». Так и решили, что внутри Атлантиды билеты будут по-прежнему в полной их цене, а во внешней торговле будут приниматься лишь в две трети их номинальной стоимости. Но на деле вышло не так. Всякий торговец туземными произведениями внутри острова стал рассуждать, что может ведь случиться, что на вырученные деньги придется ему покупать иностранные товары, по отношению к которым бумажки стоят всего $\frac{2}{3}$ своей цены, да если не придется этого ему самому, то, пожалуй, вздумает рассуждать таким образом тот продавец, у которого он будет покупать внутренние продукты; следовательно, против такого риска надо себя обеспечить, и нельзя принимать билетов в полной их цене. Наоборот, иностранные купцы стали думать каждый со своей стороны: положим, атлантические билеты стоят у нас лишь $\frac{2}{3}$ их номинальной цены; но ведь атлантические товары остались в прежней своей цене, и я смело могу рассчитывать, что сколь бы ни закупил их, все сбуду. Если, поэтому, буду принимать билеты не в $\frac{2}{3}$, а в $\frac{3}{4}$ или $\frac{4}{5}$ их цены, то мне охотнее будут продавать, я закуплю больше, чем другие, и увеличу свои обороты. Таким образом убедились, что билеты или вообще деньги имеют характер жидкости, то есть что цена их стремится прийти к одному уровню. Однако же, как и жидкости, вполне этого не достигают, если из двух действующих причин одна стремится возвысить или удерживать жидкость на известной высоте, а другая стремится ее понизить, — убедились, что и тут по мере удаления действующей причины действие ее ослабляется в некоторой степени, почему резкие и крутые разности в цене, как полноценность на внутреннем и $\frac{2}{3}$ цены на внешнем рынке, рядом существовать не могут; и что, хотя на внутреннем рынке ценность билетов будет стоять выше, чем на внешнем, переход между этими двумя уровнями будет, однако же, постепенен и разница между ними не так велика. Тем не менее понижение цены билетов всех изумило; говорили: «Кажется, условия,

предписанные древним мудрецом, исполняли мы в точности, лишних билетов не выпускали, были мы в этом отношении скорее скупы, чем щедры, и однако же билеты упали». Имя виновника стольких бедствий готовы были предать проклятию, пока следующие соображения не привели атлантидцев к более справедливому образу мыслей: «Ведь мудрец, рекомендовавший употребление бумажных денег под единственным условием благоразумного и умеренного выпуска их, жил в то время, когда мы думали, что, кроме нас, на свете никого нет; когда, следовательно, атлантидская ценность и всемирная ценность были выражениями тождественными. Он говорил, что бумажные деньги могут служить, при известных условиях, представителями атлантидских ценностей, и они служили ими вполне; мало того, дальнейшая судьба их показала, что посредством косвенного размена они могут служить отчасти и представителями иностранных ценностей, именно такой доли их, которая равняется ценности нашего отпуска. Его ли вина, если мы захотели, чтобы наши билеты сделались представителями не только наших, но и вообще всемирных ценностей, без всякого ограничения?»

Какова была дальнейшая судьба атлантидских денег, мне неизвестно. Но из участи их доселе оказывается несомненным, *что ценность бумажных денег не зависит исключительно от того, соответствует ли их количество внутренней потребности в этих деньгах, а зависит также и от хода внешней торговли.* Конечно, в действительности торговые сношения происходят не так, как в нашем примере; но все различия в этом отношении усложняют только процесс, нисколько не изменяя его сущности; и так как, думаю я, нельзя указать на какую-либо ошибку в изложенном ходе торговых сношений и их влияния на ценность билетов, то и должно признать, что торговый баланс может оказать влияние на ценность бумажных денег».

IX

Когда, таким образом, установлен закон *независимости нашего внешнего курса ни от фонда, ни от количества рублей внутри России*, при условии их в ней полноценности и полновсерности (а это, в свою очередь, обусловлено всенародным доверием к верховной власти), необходимо для обоснования и доказательства следующих двух законов поставить и исследовать вопрос: *сколько же должно быть в обращении у нас знаков?* В чем выражается их недостаток? Где предел потребности в них? Начиная с какого момента знаки становятся излишними и их покупная сила, их внутренняя стоимость ослабевает?

Если мы из огромного окружающего нас моря экономических явлений возьмем наиболее типичные для характеристики недостатка в знаках, то увидим следующее.

Я землевладелец. Чувствую, что мое хозяйство идет очень плохо. Исполная система никуда не годится. Рядом хозяйство многопольное, с винокуренным заводом, с клевером, с хорошим скотом. Пора бы перейти и мне на такое же. Но я не могу. Денег нет. Чтобы завести такое хозяйство при моей поверхности землевладения, у меня должен оборачиваться капитал в 10 — 15 тысяч рублей. Имение мое стоит 30 тысяч по банковской оценке; 60 процентов, то есть 18 тысяч рублей, я получил и уплатил старые долги. Под вторую закладную мне дадут 8 тысяч, но возьмут с меня в год минимум 960 рублей процентов. Этого мне не хватит, и подобного процента я платить не могу. Соло-векселя? В отделении Государственного Банка рассмотрели мое нынешнее хозяйство и посулили мне только 1800 рублей, ибо мой нынешний оборот 3000. Есть возможность получить кредит от 3 до 5 тысяч рублей в местном взаимном кредите за 9 — 10 процентов годовых. Наконец, есть возможность учесть векселек-другой в частных руках за копейку в месяц. Нет уж, придется оставаться

при старом положении. Получаю в год 1200 рублей дохода, мог бы получать тысяч 5, ничего не поделаешь!

Мы должны согласиться, что для России это не средний, а много «выше среднего» случай. Сидит этот землевладелец прочно, не должает и жалуется *только* на то, что вместо 5 000 вырабатывает 1200 рублей. Нечего и говорить, что огромное большинство не имеют и этого и бьются, нуждаются и смотрят на подобного счастливец с завистью.

Поищем определенного признака недостатка знаков, так как ясно, что *самый недостаток* налицо.

Соло-векселя оставим в стороне. Это кредит, во-первых, почти филантропический, а во-вторых, совершенно недостаточный (ибо дается не на будущий *большой* оборот, а на настоящий *малый*). И при этом, кажется, сделано недавно распоряжение (секретное) не давать никому полной нормы; по крайней мере, кому следует 1000 рублей, тому открывать кредит только на 500.

Рассмотрим обыкновенный, нормальный кредит.

Заметим, что *лично* земледельческого кредита почти нет, а есть лишь под обеспечение свободной стоимостью имения. Землевладелец может получить деньги:

- под вторую закладную за 10 — 12 процентов;
- из местного общества взаимного кредита за 9 — 10 процентов;
- под вексель от частного лица за 12 — 18 процентов.

При этом во всех случаях кредит крайне ограниченный. Большой суммы денег достать невозможно. Ограничивают потому, что свободных денег нет.

В лучшем случае хозяйство может дать 6 — 7 процентов при огромном личном труде и при большом риске или жизни впроголодь. Спрашивается: можно ли брать деньги при этих условиях? Ясно, что хозяйство будет вестись по-прежнему, и вместо полной продуктивности таковая будет в $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{4}$ нормальной или будет расхищаться капитал, то есть опустошаться земля.

Нужно ли говорить про крестьянина? Хороший, зажиточный мужик для покупки, например, лошади вместо павшей или для уплаты податей (не вовремя) закладывает семенной хлеб, холсты, инструменты, одежду за 5 копеек процентов в месяц. В уездных городах целые улицы застроены амбарами, исключительно ростовщическими, где хранятся полушубки, шерсть, кудель, нитки, сарафаны и пр., и пр. *Пять* копеек в месяц, или 60 процентов в год это еще *сносно*. Бедняки без залога и за этот процент не получают ссуды. Для тех существует такой кредит.

В апреле берется в долг четверть ржи ценой в 7 рублей. За процент убирает в июне $\frac{3}{4}$ десятины луга — 4 рубля. В августе отдает четверть ржи — 6 рублей. Или же за взятые на 4 месяца 7 рублей платит $\frac{3}{4}$ рубля процентов, то есть в год 12 рублей, или 158 процентов.

И эти оба вида кредита не самые плохие, а только средние или, пожалуй, выше среднего. А например, такой случай, лично виденный нами. Приходит баба просить почтовую марку. Денег нет. Письмо нужно отправить экстренно. За одолжение 7 копеек на неделю баба полола $\frac{3}{4}$ дня, и была очень довольна. Знаете, из каких это процентов получился кредит? Считайте день бабы только в 35 копеек (летний), и окажется, что за неделю она заплатит 250 процентов, или в год *тринадцать тысяч на сто*.

Это, разумеется, курьез, хотя и математически точный.

Фабрикант платит: крупный, имеющий учет в Государственном и больших банках, 6 — 8 процентов, маленький, кредитующийся кое-где, 9 и 10 процентов. За ограниченностью банковского кредита все, даже очень крупные фирмы, при хороших делах тихонько бегают к дисконтерам и платят 10 и 12 процентов.

Полагаем, распространяться дальше не стоит. *Признаки* недостатка знаков налицо:

- 1) высота процента за наем денег,
- 2) обесценивание труда.

Оба эти признака теснейшим образом связаны между собой: вследствие недостатка денег процент или плата за их наем становится непомерным, и параллельно с этим труд, постепенно дешеветь, совершенно обесценивается.

Баба, очевидно, ровно ни во что считавшая свой полудневный труд, — пример очень яркий. Но не менее яркий пример и такой: очень добросовестный арендатор дает за имение 1000 рублей аренды. Владелец не соглашается и, начав работать сам, вырабатывает 1200 рублей. Другими словами, за свой годовой поистине каторжный труд он выработал 200 рублей или, откинув проценты на (мысленное) страхование от рисков, например 100 рублей, получил всего 100 рублей, то есть меньше, чем жалованье самого убогого волостного писаря. Положим, что в этом труде было наслаждение, то есть некоторый нравственный элемент. Но ведь *денежно*-то этот труд вполне обесценен.

Политическая экономия определяет капитал как концентрированный прежний труд, являющийся орудием новому труду. *Недостаток денежных знаков, возвышая плату за наем капитала, отделяет, отрезывает его от труда* будущего, *обесценивает, парализует этот труд, отдает его в кабалу и ставит элементы праздные — в положение, господствующее в стране, элементы трудовые — в рабство им.*

Примеряя эти соображения к жизни, легко понять, что это не про Америку говорится, а про матушку Россию, где только благодаря западной финансовой доктрине, отводившей глаза русскому финансовому ведомству за последнюю четверть века, вместо старого добродушного крепостного права юридического создано новое, в тысячу раз тягчайшее, — крепостное право экономическое.

Господа: биржевики, дисконтеры, спекулянты, рантьеры, чиновники.

Рабы: землевладельцы, земледельцы, промышленники, рабочие.

Вот прямые последствия *недостатка денежных знаков* и вместе с тем его точные признаки.

Но возвращаемся к основному рассуждению и ставим второй вопрос: где предел потребности жизни в денежных знаках? Есть ли такой предел?

Несомненно, есть, и его можно выразить в форме следующего закона, который мы и постараемся доказать.

Увеличение числа знаков необходимо и полезно до тех пор, пока новые, добавочно выпускаемые их количества вызывают новый, не производившийся дотоле труд или возвышают производительность и результаты труда прежнего.

Что такое отпечатанная в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг бумажка до момента ее выпуска в публику? Это не что иное, как *ассигновка на труд*, расчетный знак, ожидающий сделки, которую он учтет. Пока этот труд не произведен, пока сделка не совершена, знак этот никакой цены не имеет. Это не та засаленная и пропотелая бумажка, которая вернулась в казначейство и только удобства ради меняется на чистенькую, свеженькую бумажку. То деньги настоящие, полноценные деньги, уже работающие, уже государству как бы не принадлежащие. Мы говорим про новенькую, новорожденную бумажку, идущую не в обмен на другую, а вполне независимую, самостоятельную.

Представим себе простейшую схему: сидит в деревне уволенный в запас солдат Иван Сидоров. Выучился он в крепости, скажем, кирпич обжигать. Завел бы маленький кирпичный заводик и работал бы сам, да с ним односельцы в свободное время — нельзя; нужно 300 рублей на дрова, на постройку, на расплату за сырец, за инструмент. Заложить нечего, кредита даже и за 60 процентов в год нет. Ну, значит, и сиди, празднуй, или ходи на поденщину за 30 копеек, да и то, когда экономия позовет, потому что и там, по безденежью,

все работы сокращены. Ни труда, ни производства нет, люди просидели праздно, Иван Сидоров от скуки только пьянствовал. Заработает что-нибудь урывком — не стоит беречь, не скопишь 300 рублей, взял и пропил.

Представьте, что каким-нибудь чудом Иван Сидоров получил вот эти 300 новорожденных бумажек на десять лет, в рассрочку из 5 процентов. Он построил заводик и начал работать. Платит свои взносы очень аккуратно, так как дело идет хорошо и платеж льготный. 45 рублей вернулись в казначейство в первый же год. Они состоят из двух величин: 30 рублей возврата ссуды и 15 рублей чистого дохода казны, потому что операция не стоила ей ничего. Что такое эти 30 рублей? Теперь это уже не бумажка, а измеритель действительных ценностей, необходимый для обращения, ибо где-то в Церевококшайске или под Сызранью идет новое дело, кипит новый, *ранее спавший* труд, и вокруг кирпича совершается бесчисленное количество новых оборотов. Сидоров сшил себе полушубок (а то бы еще год ходил в старом). Матрена-работница купила два платка и скормила своей семье семь пудов лишней ржи (без работы ели меньше). Кроме того, пили чай. Все заработали, все *увеличили потребление*, все поправились, и эта поправка, в микроскопической, правда, доле, но отразилась и на доставке чая добровольным флотом, и на киевском сахарном рынке, и на ивановской набивной фабрике. Увеличились все обороты, 300 рублей влились, словно керосин, в гаснувшую лампу. Спрашивается, что должно сделать правительство с возвращенными ему 30 рублями? Сжечь их как свободные или ненужные? Нельзя, это явно стеснит промышленность, ибо обороты расширились, а меновое средство не увеличилось. Нельзя их сжечь — их пускать, немедленно дальше пускать надо! Бесчисленное множество этих Сидоровых протягивают руки за ним. И они сидят без работы, и они могли бы работать, да нечем, инструмента нет...

Х

Мысль о прямой творческой способности бумажных знаков, правда, не в виде знаков абсолютных, а только заместителей золота, высказывалась, хотя и туманно, западными финансистами и составляет часть известной теории кредита. Но из всех западных построений нет никакой возможности прийти к *теории мнимых капиталов*, которую я изложу ниже и которая ближайшим образом истекает из существа абсолютных денег. На это их свойство намекал покойный Н. Я. Данилевский в своих, к сожалению, немногочисленных экономических работах. Яснее говорили об этом русские практики и представители здравой русской мысли, покойные Шипов и Кокорев. Она ярко просвечивает в посмертном труде Н. П. Гилярова-Платонова «Основы экономии». Затем по этому поводу впервые были высказаны нами в «Русском деле» следующие соображения по вопросу о постройке Сибирской железной дороги, соображения, сполна принятые и осуществленные правительством позднее.

Вот что говорится в передовой статье 3 «Русского Дела» за 1888 год:

«Неужели нужно для постройки железной дороги средствами государства непременно занимать деньги, отыскивать чужой капитал и только обращать его в недвижимость, рискуя доплачивать огромные суммы, если эта недвижимость не даст условленных четырех или пяти процентов владельцу капитала? Не проще ли создать эту недвижимость из непроизвольно лежащих: труда и естественных богатств?

Предположим, что государство решает строить Сибирскую дорогу по частям, расходуя в год, например, 50 миллионов рублей, и производит специально для этого соответственный выпуск кредитных билетов. Эта сумма при денежном обращении в 1100 миллионов не повлияет заметным образом на наш денежный рынок и тем более не уронит нашего

курса. Она вся целиком распределяется среди рабочего люда и промышленников, которые получают заработок на дороге. Каждый из участников этой работы исполнит труд, которого он иначе бы не сделал, и вследствие этого увеличит свое потребление: крестьянин купит больше хлеба и мануфактурного товара. Инженер, администратор, писец, бухгалтер, сторож — все увеличат свое потребление; заводы и их рабочие, увеличив свою работу, увеличат потребление в равной мере. Вся сумма в 50 миллионов пока чисто фиктивных знаков, каковыми несомненно будут выпущенные бумажки, пойдет в народное обращение и при каждой сделке, при каждой передаче вызовет некоторый новый труд, *который иначе не был бы совершен.*

Увеличение труда, сбыта, потребления почувствует немедленно вся без исключения промышленность. За границу из всей этой массы труда не будет уступлено ничего, ибо все нужное может и должно быть сделано дома.

Таков первый момент. Результата труда мы еще не касались. Отметим пока это оживление и припомним, что совершенно таковое же и тем же путем было достигнуто во время последней войны. Вся Россия усиленно работала на выпущенные бумажки. Прилив средств чувствовала вся промышленность, и в это время она сделала громадные успехи.

Но отсюда начинается разница. В результате войны получился: в материальном отношении — даром затраченный труд (вся сумма его пропала), в нравственном... позор! Усиленная работа кончилась, спрос и труд сократились, дух поник. Доктринеры признали, хотя к тому не было никаких оснований, избыток кредитных билетов и конвертировали его в бумагу-товар. Начался ряд кризисов, продолжающихся до сегодняшнего дня.

Результатом выпуска 50 миллионов бумажных рублей для постройки железной дороги будет то, что увеличившаяся во время постройки покупная и потребительная сила наро-

да увеличится еще по ее окончании. Такая железная дорога, как Сибирская, по достройке хотя бы только первого участка уже вызовет целый ряд новых, до сих пор не производящихся оборотов и промышленных предприятий. Выпущенные совершенно фиктивно поначалу знаки не только не окажутся лишними, но вызовут потребность в еще новых количествах знаков, ибо если от 50 миллионов лишних рублей наше денежное обращение увеличится на $\frac{1}{22}$, то от постройки первого участка Сибирской дороги и при самой этой постройке количество сделок и оборотов в России возрастет на величину еще большую.

Если посмотреть на вопрос с другой стороны, то окажется, что государство сделало следующее: оно выдало вперед ассигновку на труд. Этот труд совершился, дорога создавалась, так сказать, из ничего (так как без этой ассигновки труд этот не был бы совершенен и пропал бы даром), ассигновка обратилась в нечто реальное, в недвижимость, изображаемую новой железной дорогой, а главное, в новый ряд непрерывно идущих сделок. И вместе с тем государство получило ее даром, так как выпущенные знаки брать назад не приходится. Это уже не те фиктивные знаки, которые были выпущены, это уже оплодотворенные народным трудом совершенно реальные *деньги*, орудие известных торговых и промышленных оборотов, которых бы без этой новой дороги не было».

Это и есть в своем первоначальном виде *теория мнимого капитала*, совершенно заменяющего капитал реальный, заключающийся в выраженных золотом или иными ценностями сбережениях. Разумеется, эти мнимые капиталы работают с полной силой только в руках центральной государственной власти (Мальцовские деньги показывают, что то же возможно и в частных руках, но это государство в государстве), оживляют и вызывают народный труд только тогда, когда вызвать этот труд возможно, то есть когда его элементы уже есть налично в виде материалов, рабочих рук и умственных сил.

XI

Чтобы уяснить себе практические условия приложения к жизни теории мнимых капиталов, необходимо рассмотреть ее пределы, то есть условия, определяющие *излишек* и *недостаток* денежных знаков в государстве.

Признаки недостатка в знаках совершенно, думается нам, могут быть уяснены на приведенных двух примерах.

Эти же примеры в обратном виде могут отлично послужить для уяснения признаков как нормального количества менового средства, так и *избытка в знаках*.

Представим себе, что правительство, следуя этой системе, начнет пускать в оборот все большие и большие количества денежных знаков. Предположим далее, что ни одного из них не употребляется на текущие государственные расходы, а все идет только на оживление труда. Строятся железные дороги, элеваторы, порты, производятся обширные работы по орошению, лесоразведению. Расширяется помощь фабрикам, заводам, сельским хозяевам. Щедрой рукой кредитуются Иваны Сидоровы через посредство ли земств или артельным порядком, за круговой ответственностью. Труд растет гигантскими шагами. Оживляется потребление, а следовательно, множество побочных промыслов. Трудящийся человек поднимается в цене, ибо ему не только создается работа *вообще, какая-нибудь*, но у него является уже *выбор работы*. На фабрике платят дорого, в экономиях тоже, сам затеет что-нибудь — заработает еще больше. Навстречу этому росту вознаграждения труда понижаются постепенно цены на предметы жизни, вследствие большего и выгоднейшего их производства, ростовщик и тунядец хиреют. Что делать дисконтеру, когда благодаря обилию денежного средства в стране торговля деньгами становится совсем безвыгодной? Процент за наем капитала понижается, ростовщики и рантьееры сами начинают бегать, искать помещения для своих

денег. Основывают акционерные общества, придумывают новые предприятия и сами *работают в них*.

Наконец, наступает момент *насыщения*. Новых знаков не нужно, употреблять их производительно *некуда*. Можно бы и еще построить железных дорог, необходимо подождать: инженеры, землекопы все заняты, а так как рвут в разные места, то они слишком подняли цены на свои услуги. Можно бы заняться с выгодой каменными постройками — опять надо обождать: все каменщики заняты, потому что постройка идет повсюду. Можно бы расширить запашки, заменив человека машинами? Трудно, хлеб подешевел. Основать еще фабрики? Трудно, подешевели сукна, ситцы, машины, мебель, *подешевело все, где человек играет роль второстепенную, вздорожало все, где нужен личный труд, личное искусство человека*.

А главное, за деньгами никто не бежит, никто их не ищет, никто из-за них не кланяется. Процент, получаемый лежа на боку, так низок, что *деньги бегут за человеком*, деньги служат человеку. У нас изобретатель — синоним человека голодающего. При тех условиях изобретатель — владыка. Да так и быть должно, ибо изобретатель изображает цвет лучшей формы человеческого труда — труда умственного.

Итак, вот признаки надлежащего количества знаков.

Удешевление денег как предыдущего капитала производства.

Удешевление денег как знаков, как оборотного средства, то есть понижение процентов.

Удешевление всех машинных производств.

Удешевление жизненных припасов и обстановки жизни.

Вздорожание личного труда.

Торжество и огромная оплата труда творческого и вообще умственного.

Читатель чувствует, что это уже не про матушку Россию идет речь? Это уже Америка живьем, представляющая нали-

цо большую часть указанных элементов. Тут и рабочий, два раза в неделю меняющий белье и спящий на пружинном матрасе. Тут и деньги, которых девать некуда. Тут и Эдиссон, полубог промышленности, и двадцатипятиэтажные дома, и все чудеса Нового Света.

Нам могут возразить, однако, что в Америке металлическое обращение. В Америке золотые деньги. Америка задыхается от изобилия золота.

Совершенно верно. Все это возможно и при золоте как деньгах. Разница будет лишь та, что, во-первых, при золоте все подобное может быть достигнуто лишь хищным путем, на чей-либо счет. Америка втянула в себя половину мирового золота путем прямой обиды для остального человечества. Во-вторых, как ни высока в Америке промышленность и как ни развита банковая система, но каждую минуту промышленность не обеспечена от потрясающих кризисов вроде разыгравшегося летом 1893 года и вызванного только тем обстоятельством, что золото и серебро, будучи деньгами, являются одновременно и товаром и, как таковые, подлежат действию тех *стихийных* сил, от которых абсолютные деньги, товарного качества не имеющие, могут быть совершенно изъяты. Самостоятельная экономическая страна, как, например, Россия, достигнет при системе абсолютных знаков того же необъятного экономического развития, не отняв ни у кого ни куска хлеба и не рискуя ровно никакими кризисами.

Да, наконец, ведь и Америка развилась только при помощи своих *гринбеков*, бывших в свое время почти абсолютными знаками. Разница была лишь в том, что эти деньги и выпускались не центральной властью, а каждым штатом, источником их было не *единодержавие*, форма русская, а *федерация*. При помощи *гринбеков* Америка оплодотворила свой народный труд, затем запретительными тарифами изолировала себя от потребления продуктов чужого труда, *но сама свой труд умела навязывать иностранцам*. Ей приплачивали золотом

все, с кем она ни торговала, золото накопилось и заменило гринбеки. Мало того: его накопилось так много, что оно начало обесцениваться так же точно, как будут обесцениваться бумажки, когда их количество превзойдет здоровую в них потребность, *когда делать с ними будет более нечего*. Затем неожиданно обесценилось серебро, резко нарушилось его давно установившееся отношение к золоту и, так как серебряный доллар есть не только *de jure*, но и *de facto* монетная единица, то понятно, что наступило жестокое потрясение всей американской промышленности, конец которого пока трудно даже предугадать.

Наступившее, начиная с Америки, всеобщее падение серебра отразилось и у нас и дало новое великолепное доказательство превосходства нашей абсолютной денежной системы. У нас, как известно, «неприменяемая и законная единица» всех денег, обращающихся в государстве, — серебряный рубль такого-то веса. Пока золото и серебро были твердо связаны между собой, из России оба металла ушли одновременно. Чтобы не остаться совсем без мелкой разменной монеты, было необходимо выпустить низкопробную, так называемую билонную, монету, имеющую значение не монеты, но тех же почти ассигнаций. В пяти двугривенных серебра было значительно меньше, чем не только в полноценном рубле, но даже в полтиннике.

Наступает обесценивание серебра. Сначала серебряный рубль, ставший таким же товаром, как и полуимпериал, ценится ниже рубля золотого, но выше рубля кредитного. Затем на минуту он сравнился с кредитным, и рубли появились у нас в обращении, но отнюдь не в качестве «законной и неприменяемой» монеты, а просто как новинка, как курьез.

Прошло всего месяца три. Затем серебро подешевело еще, и полноценный серебряный рубль, законная монета, стал дешевле рубля кредитного. И вот эту нашу законную основную единицу перестали принимать частные люди, затем и казен-

ные учреждения. Правительство сначала перестало чеканить рубли, затем начало отказывать в переделке на монету частного серебра (ибо это могло вызвать великие злоупотребления: вы принесли серебро, купленное вами за 80 рублей на вес и должны получить монеты на 100 рублей!) и, наконец, распорядилось исключить серебро вовсе из разменного фонда. Серебряный рубль, еще стоящий в своде законов как основная наша единица, фактически исчез, не произведя ни малейшего потрясения, и самый факт был совершенно не замечен народом. Дивились только одному курьезу: за полноценный серебряный рубль дают только четыре, а затем и три двугривенных, заключающих серебра не более, чем на 30 копеек. Серебряный рубль сам собой превратился в товар, разменная монета — в маленькие металлические ассигнации.

В это же время все цивилизованные страны с двойным металлическим обращением переживали жестокий кризис, а страны с серебряной валютой подошли чуть не к банкротству.

Историю и обстоятельный анализ финансового положения Северной Америки читатель найдет в любопытнейшей книге А. А. Красильникова *«Объяснение причин успеха Америки и неуспеха России в восстановлении металлического обращения»*. Эта превосходная книга была у нас замолчана, как замалчивается обыкновенно все умное, дельное, самобытное.

Последний экономический момент — *излишек свободных денежных знаков*, мы полагаем, после всего сказанного не стоит и разбирать: признаки его ясны. За невозможность основывать новые серьезные дела развивается промышленная спекуляция, появляются *дутые* или заведомо неблагонадежные предприятия, руководимые, за неимением специалистов, невежественными людьми. Риск растет, ибо владелец капитала для сохранения его ценности вынужден рисковать. Цены, сначала переместившись правильно, начинают пере-

мещаться уродливо. Денежная единица начинает вещно обесцениваться, то есть дешеветь, ее покупательная сила ослабевает, иными словами, все дорожает. Прежние капиталы в опасности. Их владельцы несправедливо страдают.

Такой момент был у нас вскоре после двенадцатого года. Верховная власть, только что осознавшая весь вред чрезмерных выпусков бумажных денег и твердо решившаяся привести в порядок русскую денежную систему, ввиду крайней государственной опасности вынуждена была выпустить в тогдашней патриархальной и очень мало промышленной России непомерно огромное количество ассигнаций. Рядом с ними обращалось неведомое количество фальшивых, пущенных Наполеоном, которые тем не менее приходилось принимать и оплачивать. Внутренняя покупательная стоимость рубля в тогдашней крепостной и совершенно не промышленной России пала. Рубль дошел до четвертака.

Любопытно, что по поводу выпусков ассигнаций в 1809-15 годах даже завзятые доктринеры не решаются говорить о вреде бумажных денег. Между тем, даже и здесь абсолютные знаки в виде ассигнаций, которые с болью сердца выпустил Александр I, принесли отнюдь не вред, а *явную и несомненную пользу*.

Чтобы это понять, достаточно мысленно отделить причину от следствия и взглянуть на *ассигнации* как на *показатель* народных жертв и напряжения народных сил для спасения России и Европы в 1812-15 годах.

В 1807 году ассигнационный рубль стоил на серебро около 50 копеек в 1813-25. Другими словами, его внешняя стоимость понизилась за шесть лет наполовину. Предположим (хотя это и не так), что и внутренняя его стоимость упала также на 50 процентов. Кто в 1807 году имел 1000 рублей, тот фактически в 1813 имел 500, а к 1815 еще меньше, другими словами, потерял половину своего имущества. Относится это только к лицам, державшим деньги *на вкладах* в казенных банках,

но отнюдь не к землевладельцам и промышленникам, ибо земли соответственно увеличивались в ценности, а промышленники поднимали цены на свои произведения. Пострадали, конечно, и они, как и вообще все население, но *их* убытки вознаградились широко увеличившимся трудом, а убытки непосредственно разоренных Наполеоном — правительственной помощью.

В результате: нашествие неприятеля отражено, хозяйство в огромной полосе, опустошенной войной, восстановлено, Москва отстроена, русские войска прошли в Париж и спасли всю Европу. Расходы на все это покрылись ассигнациями, которые вызвали прямые убытки для групп рантьефов, косвенные убытки для всех и напряжение сил для классов трудящихся. Всего через год после Венского конгресса рубль уже поднялся со своей наинизшей цены в 1815 году, доходившей до 20 копеек за рубль, на 5 процентов; это указывало прямо, что народный труд стал самостоятельно залечивать раны, нанесенные войной.

Утверждается с полным правом, что эти излишние в мирное время ассигнации явились в великую войну 1812 года не только *показателем* принесенных Россией жертв, но и драгоценнейшим *орудием*, посредством которого в огромной степени были облегчены самые жертвы и народная тягота разложилась и распределилась наиболее равномерным и вместе с тем наиболее легким способом.

ХII

Итак, нижеследующий тезис можем считать доказанным.

Абсолютные деньги, независимые от золота, позволяют оживлять и оплодотворять народный труд до предела, до которого в данное время достигает трудолюбие народа, его предприимчивость и технические познания.

Но из этого же положения как вывод следует и обратное: под влиянием промышленного оживления и улучшенных условий народного труда развиваются и трудолюбие народа, и его предприимчивость, и его технические познания. В самом деле, в приведенном выше примере при определении момента полного насыщения страны знаками мы видели, что, например, новую железную дорогу приходится отложить за недостатком свободных инженеров, которые свои услуги стали ценить крайне высоко. Не ясно ли, что в обществе должно явиться усиленное стремление к инженерному и вообще техническому образованию и, под воздействием этого толчка, число инженеров и техников станет быстро возрастать? Лучшее вознаграждение и постоянное торжество труда должно могущественно подействовать на трудолюбие народа и усилить его, равно как и технические познания. Для предприимчивости являются также прекрасные примеры, а потому должна развиваться и она.

С другой стороны, нетрудно видеть, что при условии обесценивания всякого рода труда, кроме чиновничьего, независимо от положения промышленности и равно оплачиваемого при ее процветании или гибели, лица, получившие техническое образование, несмотря на их крайне ограниченное даже количество, могут оказаться лишними? Мы видим, что бедствуют или идут на самые низшие канцелярские должности агрономы, техники, врачи. Не ясно ли, что парализованная промышленность в них не нуждается и не может оплатить их труда? Врач, желающий практиковать в деревне, должен или получать жалованье от земства, или питаться чуть ли не Христовым именем, собирая с нищего населения яйца, полтенца и т.д.

Из всего сказанного до сих пор о бумажных деньгах в стране, экономически независимой, то есть могущей самой удовлетворить все свои потребности, казалось бы, прямой вывод следующий: печатать бумажки, пускать их в обраще-

ние, оплодотворять народный труд и приостановить дальнейшие выпуски лишь тогда, когда жизнь посредством указанных выше признаков даст понять, что знаков довольно, что новые бесполезны или вредны.

Да, можно утверждать совершенно положительно: если бы мы только знали *эти* признаки, если бы никаких *более точных приемов* к урегулированию денежного обращения наука дать не могла, даже и в этом случае можно было бы смело просить верховную власть печатать и выпускать в народное обращение бумажки. Зло, могущее произойти от их несколько неумеренного выпуска, *пустяки* в сравнении со страшным злом, обусловливаемым их заведомым недостатком, или великими кризисами, или разорениями, вызываемыми особыми свойствами металлического обращения.

Начало обесценивания внутренней стоимости бумажной единицы, как уже было указано выше, подметить легко. Это всеобщее вздорожание продуктов труда и, главным образом, первой необходимости. Однако основываться только на этих признаках нельзя.

Промышленное развитие страны — вещь слишком сложная, и разнообразные кризисы наступают совершенно непредвиденно. Эти кризисы особенно вредны при промышленности молодой, еще не установившейся, еще не владеющей запасными средствами.

Представим себе, что вдруг один из таких кризисов, разразившись над одной крупной отраслью народного труда, парализует и остальные. Народный труд сокращается, и тотчас же оказывается, что значительная часть абсолютных знаков является излишней. Излишние знаки роняют тотчас же ценность остальных, и важнейшее условие нормальной промышленной жизни — устойчивость денежной единицы — становится в опасности. Ясно, что *эти избыточные знаки должны быть немедленно сняты с рынка, извлечены из обращения*. Легко может быть, что через несколько месяцев эти

знаки или еще большее их количество понадобится снова, но в минуту кризиса они должны быть удалены, иначе народный труд потерпит огромный ущерб. Другими словами, денежное обращение должно быть эластичным.

Мы подошли как раз к тому регулятору, о котором было упомянуто в начале. Этот регулятор может действовать почти автоматически и совершенно облегчить как практические приемы учреждения, ведающего денежным обращением, так и тяжкую нравственную ответственность главы государства. *Он устраняет из финансовых мероприятий правительства все неточное, гадательное, произвольное и создает совершенно ясные условия выпуска и погашения денежных знаков.*

Представим себе следующую схему.

Я веду промышленное дело. Обороты и производство временно сократились, на руках у меня остались свободные знаки, девать которые некуда. Рядом умер мой товарищ. Вдова ликвидировала дело. И у нее на руках свободные деньги. Если этим деньгам не дать естественного убежища, они неминуемо будут угнетать промышленность, ибо их владельцы будут искать им помещения, будут друг перед другом ронять услуги капитала.

Представим себе, что государство входит в роль посредника по помещению этих денег. Оно открывает специальную кассу, куда всякий желающий приносит излишние у него денежные знаки. Касса выдает ему *вкладной билет*, приносящий небольшой процент. Деньги накаплиются.

Что может и что должно государство делать с этими деньгами и откуда будет оно платить проценты по вкладам?

Если мы припомним выдачу Ивану Сидорову 300 рублей из пяти процентов, мы сразу поймем, что эти 300 рублей могут быть прямо взяты из вкладов, а проценты будут уплачены из взятых с Ивана Сидорова процентов. Иван Сидоров платит за ссуду 5 процентов, государство дает вкладчику 4, 1 процент идет на расходы по организации дела и в доход государства.

Если мы заглянем назад в историю русских финансов, мы найдем приблизительно эту схему, проведенную довольно строго системой старых банковых учреждений, сохранными казнáми, приказами общественного призрения, ассигнационным, коммерческим, заемными и ссудными банками. Система эта оказала огромное благодеяние старой, дореформенной Руси, хотя самый кредит и был довольно односторонним, направляясь почти исключительно в землю в виде долгосрочных ссуд дворянству.

И тем не менее, теперь трудно даже себе представить, как при тогдашней несвободе труда, при отсутствии почти всякой предприимчивости в среде поместного класса, при гораздо меньшем населении, при отсутствии железных дорог и страшной медленности оборотов, при двадцати миллионах бесплатных рабочих, денег почти не выдавших, могла Россия вмещать такое огромное количество золотых и бумажных денежных знаков. Россия, при всем ее патриархальном характере, при отсутствии фабрик и заводов, при натуральном обмене, была очень богата. Едва ли в сорок лет успели мы расточить накопленное делами, да и то после бешеной оргии. Теперь мы действительно обеднели, мы убили и закабалили труд, а главное, мы беспощадно опустошили землю хищническим хозяйством.

Но довольно вернуться нам к здоровой, самой историей оправданной финансовой системе, довольно ввести настоящее абсолютное денежное обращение и правильно организовать народный кредит, чтобы в несколько лет все грехи были поправлены и Россия снова разбогатела.

Как это ни странно, но мы сами, собственными руками разломали и растоптали очень верную научно, очень удобную практически денежную систему. Накануне самого освобождения крестьян, когда предстояла вопиющая необходимость обновить нашу старую финансовую систему, оживить, расширить кредит, удвоить или утроить количество денеж-

ных знаков соответственно ожидаемому увеличению сделок и потребности в деньгах при вольнонаемном труде, пришла группа «молодых финансистов» с Евгением Ивановичем Ламанским и Владимиром Павловичем Безобразовым в качестве дельфийских оракулов и главных инициаторов реформ во главе, захватила руководство российскими финансами, в несколько лет изломала и исковеркала все и, после тридцатилетнего владычества, сдала Россию в том ужасном виде, в котором она теперь находится.

Читатель, интересующийся подробностями этого поистине нашествия на Россию «молодых финансистов», найдет все данные в нашей книге *«Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве»* в главе «Как разоряются государства?». Здесь мы отметим лишь главные основания так называемых финансовых реформ 1856 — 1864 годов.

После Крымской войны вследствие либерального тарифа курс рубля на золото немного упал. Было признано, что виной этому *изобилие бумажных денег*.

Чтоб их уничтожить, признано было необходимым их консолидировать, то есть вывести из обращения, превратить в процентные бумаги. Были выпущены процентные займы. Явился на рынке избыток бумаги-товара.

Россия брать этого товара не желала даже по 70 копеек за рубль. Она хотела трудиться. Лишние деньги по-прежнему не хотели прятаться в бумагу-товар, а шли во *вклады* в старые банки, где вкладные билеты менялись во всякое время.

Понизили платимый за вклады процент до 2, чтобы выгнать эти вклады и силой вогнать их в товар-бумагу или в акции множества основанных в это время иногда совершенно нелепых дел.

Процентные бумаги все-таки не шли.

Тогда разгромили старые банки, создали Государственный Банк и конвертировали вклады *насильно*. Бумагу-товар в виде выкупных свидетельств выдали помещному классу,

до того нуждающемуся в знаках, что эти выкупные свидетельства, *обеспечивавшие пять процентов дохода, отдавали по 65 копеек за рубль.*

Уничтожили старые ипотечно-кредитные учреждения. Поместный класс лишили всякого оборотного средства и затем сдали в жидовскую эксплуатацию частным банкам.

Четверть века подряд делали огромные долги, чтобы восстановить металлическое обращение, и кончили полным крахом международной ценности рубля.

Все это совершалось самым добросовестным образом, согласно последнему слову западной финансовой науки. В результате оказалось:

Четыре миллиарда бесполезного долга, в том числе около половины на золото.

Огромные бюджетные назначения на уплату процентов.

Широко развитая за наш счет германская железная промышленность и машиностроение.

Огромный ввоз иностранных товаров в Россию.

Сеть железных дорог, обремененная неоплатным почти долгом иностранцам и не вырабатывающая процентов.

Разорение помещного и земледельческого классов.

Биржевая игра русскими фондами.

Ограбление и истощение земли и сведение лесов по нужде, ради самосохранения.

Уничтожение труда, торжество всякой наживы, спекуляции и хищничества.

Понижение нравственного уровня. Отчаяние безвыходности, бесплодие честности и высоких нравственных доблестей. Нигилизм. Анархисты...

Пусть не смущается читатель, что мы вводим сюда эти чисто нравственные величины. Зависимость труда от денежной системы мы, надеемся, доказали. Зависимость нравственной атмосферы страны от форм и положения труда в ней, мы полагаем, нечего и доказывать.

Вот что дало нам тридцатилетнее господство чужих финансовых доктрин. Теперь это минувший тяжелый сон. Но, несмотря на полное крушение доктрины, хвалиться нам нечем. Доктрина исчезла, однако биржевой период государственного хозяйства не только не закончился, а принимает формы самые нежелательные...

ХІІІ

Регуляторами денежного обращения в России были: Ассигнационный Банк, учреждение исключительно эмиссионное, Коммерческий и Заемный банки для кредита торгового и земельного, сохранные казны и приказы общественного призрения, служившие, с одной стороны, учреждениями земельного кредита, с другой агентствами, принимавшими на вклады свободные средства публики. Реформаторы, «молодые финансисты», объединили управление денежным обращением в построенном на совершенно иных началах Государственном Банке и его отделениях.

Против самой идеи объединения всех народнохозяйственных денежных операций в одном учреждении и выделения отсюда хозяйства собственно государственного (что осталось за Государственным Казначейством) возразить ничего нельзя. Это две области совершенно различные. Управление денежным обращением не должно и не может иметь ничего общего с управлением государственной росписью, с государственным хозяйством в тесном смысле слова, хотя кассоводство может и должно быть общее.

В прежних учреждениях при всех их практических отличных качествах не было строгой системы, не было надлежащего единства. Но этот недостаток с избытком вознаграждался простотой и целесообразностью их действий. Процентных бумаг и акций вовсе почти не было, а следовательно,

не было ни фондовой игры, ни биржевой горячки со всем ее безобразием, ни уплаты государством пенсий огромному классу тунеядцев.

У вас были лишние или свободные деньги. Вы их несли на вклад в сохранную казну или приказ общественного призрения. По этому вкладу вам платили проценты, но в эти проценты не шло *ни одной копейки из государственного бюджета*, кроме тех случаев, когда заемщиком являлось само государство. Платили те, кто, при посредстве казны, нанимал ваш капитал, пользовался его услугами. Правительство одной рукой брало, другой выдавало. Брало наличные деньги на вклады, выдавало ссуды земледельцам (долгосрочные, под залог имений), промышленникам и купцам. Участие собственно государственного хозяйства в этих операциях заключалось в том, что государство в трудные для казначейства минуты делало позаимствования из свободной наличности, причем иногда стеснялся несколько частный кредит, лишь бы избежать новых выпусков денежных знаков; впрочем, это неудобство парализовалось постоянным избытком ввоза драгоценных металлов над их вывозом во все время управления графа Канкрин.

Превосходным регулятором, действовавшим автоматически, эти старые учреждения были потому, что по движению вкладов можно было всегда с большой точностью судить о состоянии промышленности и торговой деятельности в стране.

Число вкладов увеличивалось и росли их суммы. Это показывало, что промышленность в застое, что деньги ищут помещения. Увеличивалось количество требований — это прямо указывало на оживление торговых дел, то есть на нужду страны в знаках. Центральному народнохозяйственному учреждению указывался сам собой путь и представлялась полная возможность разумно воздействовать на денежное обращение, то расширяя, то суживая обе свои двери. Вклады чрезмер-

но приливают. Промышленность в застое, чем ее оживить? Удешевить несколько наем капитала. Достаточно немного понизить платимый по вкладам процент и равномерно понизить же и процент по ссудам. Обратно: вклады уходят, чувствуется чрезмерное, может быть, даже нездоровое оживление промышленности. Чем его остудить? Удорожить несколько капитал, дать поощрение *спокойствию* в ущерб *предприимчивости*, поднять процент и по вкладам, и по ссудам. Но это оказывается не горячка, а здоровое развитие промышленности? Признаком будет подъем цены на услуги частных капиталов. Производство или торговля сулят такие выгоды, что при затрудненном казенном кредите *стоит* заплатить и больший процент частному владельцу капитала. Но у этого частного владельца капиталы в тех же вкладных билетах. Поощряемый премией от заемщика, он идет их менять, несмотря на то, что платимый ему процент повышен. Ясно, что потребность в деньгах возросла, а признак тому самый точный налицо: *возвышение процента по вкладам* (умеренное, конечно) *не останавливает отлива вкладов, возвышение процента по ссудам не останавливает требования ссуд*.

Тогда выпускаются бумажки и путем ссуд или возврата вкладов идут в народное обращение.

Не будем забывать, что при системе бессрочных вкладов вкладной билет на предъявителя, свободно переходящий из рук в руки, есть, в сущности, рентовый билет Цешковского, *те же деньги*, и потому потребность страны в новых знаках в канкриновское время выражалась почти исключительно более быстрым или медленным обращением вкладных билетов.

Обратно: понижение процента по вкладам, удешевление ссуд не останавливает вкладчиков и не поощряет берущих ссуды.

Бумажки накапливаются в кассах. Что с ними делать? Они лишние. Хотите — жгите, хотите — заприте и поберегите,

если они еще не очень истрепались и могут идти вновь в случае нужды. Хотите, наконец, усиливайте промышленность искусственно или начинайте государственные предприятия вроде Сибирской железной дороги.

Разумеется, мы далеки от того, чтобы идеализировать чрезмерную эту нашу старую денежную систему. В ней были крупные недостатки, поскольку именно она не была свободна от металлического предрассудка, положенного графом Канкрином в основу его реформы 1839 года, и поскольку существовавшее в полном расцвете своем крепостное право искусственно задерживало переход России из страны чисто земледельческой в страну земледельческо-мануфактурную.

Важно лишь то, что все задатки превосходной абсолютно-денежной системы у нас были самобытно выработаны историей; все старые нестройные и неловкие, может быть, государственно-кредитные учреждения не были *придуманы* в кабинетах ученых-теоретиков, а были выработаны здравомыслящими государственными *практиками* в ответ на требование жизни, а не по книжному рецепту. Если б среди водоворота новых идей мы оказались немного менее легкомысленными, если б в нас было чуть крепче уважение к своей истории и ее двигателям, мы, вместо того, чтобы злобно топтать в грязь *все*, что было связано с пережитой тяжелой эпохой, сохранили и развили бы то ценное, что в ней было, мы уже имели бы теперь настоящую, отвечающую и науке, и нашим нуждам денежную систему. Но пусть хоть тяжелый сорокалетний опыт послужит нам на пользу.

XIV

Вся задача денежной системы, основанной на ссудах и вкладах, движущихся автоматически, заключается в постоянном присутствии в обращении такого количества де-

нежных знаков, которое точно соответствует нуждам рынка, то есть размеру совершающихся сделок. Система будет правильно действовать, очевидно, лишь тогда, когда ее автоматический регулятор будет *держат* покупательную силу, внутреннюю стоимость рубля на одном постоянном уровне.

Для достижения этого идеального качества денег, которым, очевидно, не обладает ни золото, ни серебро, представляющие товар, никакого другого пути нет, кроме приискания некоторой совершенно отвлеченной денежной единицы. В области ценовых измерений величина измерителя не может быть подогнана ни к каким постоянным вещественным величинам. Метр как длина одной сорокамиллионной окружности меридиана, ярд как длина секундного маятника в Гринвиче, звездные сутки как время прохождения Землею $1/365$ земной орбиты опираются на постоянные величины. В области цен таких постоянных реальных величин нет и быть не может. Все волнуется и колеблется вокруг некоторых *идей*, единица ценностей есть поэтому *идейная единица* и ее *постоянство* (в данном случае покупательная сила) соответствует не произвольно избранной реальной величине, а некоторой *равнодействующей определенных экономических условий*.

Единица меры ценностей не может опираться ни на какую другую измеряемую ею цену, ибо все цены колеблются и часто в полной независимости одна от другой. Открыли Америку — подешевело золото. Ввели в Индии и Австралии обширные посевы пшеницы — пали цены на хлеб. Изобретены новые способы добычи или выделки тех или других металлов или изделий — цены резко переместились. Меняются цены на землю, на труд, на все. *Отыскать что-либо реальное, имеющее постоянную ценность, немыслимо*. Принять что-либо за эту постоянную ценность условно, вроде известного труда в форме рабочих часов или иной, как добивались утописты, — бесполезно. В. Белинский в своей замечательной статье в «Русском Деле» о переустройстве нашей денежной сис-

темы рекомендовал принять в основание денежной единицы сумму всего достояния Русского государства и ее известную долю назвал рублем. Но эта условность, не принося ни малейшей пользы, лишает бумажные деньги их главного качества — *постоянной внутренней стоимости*. В самом деле, если принять сумму достояния государства за величину постоянную, то и количество рублей должно быть постоянным, а мы видели уже, что таковым оно быть не может. При постоянном количестве знаков будет именно беспрерывно изменяться их внутренняя стоимость, ибо она обусловлена не абсолютным их количеством, а *потребностью в них, их движением*.

Мерилом, следовательно, постоянства денежной единицы может служить нечто иное, *лежащее вне области собственно цен*. Сделаем попытку принять за такое мерило *отношение главного народного труда в стране к его вознаграждению и окружающей трудящихся обстановке*. Я попытаюсь сейчас это доказать.

Возьмем наш главный народный труд — земледелие. Для государственной и народной жизни в России он первый и важнее всего. К нему должны прилаживаться и на него оглядываться *все другие виды русского труда*. Пусть цветут, как угодно, фабрики, пусть развиваются все виды внедеревенского труда, но раз земледелие зачахнет, благосостояние иных форм производительности будет подорвано. Итак, корень в земле и земледелец, в его труде, в его потреблении. Если этот труд хорошо вознаграждается, если, с одной стороны, от земли не бегут, а с другой — ею не спекулируют и за нее не грызутся, если земледелец живет сыто и спокойно, то есть является потребителем, и притом нормальным, и фабричного, и всякого много, в том числе и умственного труда, то это прямо указывает, что в стране (земледельческой, понятно, в данном случае речь идет о России) денежная система хороша, а главный признак хорошей денежной системы — *постоянство ее денежной единицы*.

Мысль об этом соотношении между постоянством денежной единицы и обстановкой главного труда в стране была впервые высказана Мальтусом, но в форме довольно туманной, ибо и этот экономист не был свободен от золотого предрассудка. Развить это положение и доказать его особенных трудностей не представляет.

Попробуем проследить за таким рассуждением.

Денежная единица *должна* иметь столь же отвлеченный и постоянный характер, как и другие единица меры, то есть ее *нужно* приурочить к постоянной величине. Такой величины нет, но *предположим*, что мы ее отыскали, к ней нашу единицу приурочили и взяли некоторую отвлеченную ценность, ну, хоть тот же бумажный рубль. Его ценность, основанная на доверии к верховной власти и на соответствии количества знаков с нуждами народного обращения, изменяется беспрерывно по отношению ко всем другим ценностям. На золото он сегодня 65, завтра 68 копеек, на хлеб, сахар, землю, рабочую плату и т.д. он также сегодня одно, завтра — другое. Является вопрос: чья, собственно, ценность меняется? Само ли рубля или товаров, изделий, заработных плат вокруг него? Как этот вопрос разрешить? Изучая вздорожание и удешевление разных предметов, мы находим, что каждая из цен устанавливается независимо от денежной единицы, *если она постоянна* (а это, не будем забывать, у нас *предположено*) и независимо друг от друга (сахар может вздорожать, миткаль подешеветь, золото вздорожать, хлеб подешеветь и т.д.). Ясно, что в области реальных ценностей искать постоянного основания для денежной единицы бесполезно, и на поставленный вопрос: рубль ли меняется в своей цене или предметы вокруг него — ответа мы здесь не найдем. Но нам необходима постоянная единица меры ценностей. Нам нужно *знать, убедиться*, что предположенное постоянство рубля не предположение, а факт. Значит, нужно искать посторонних *признаков* постоянства. Является такой силлогизм.

1) Денежная система в стране может быть совершенной лишь тогда, *когда ее денежная единица* (отвлеченная или реальная) *постоянна*.

Золото этой постоянной единицей быть не может, ибо его собственная ценность беспрерывно колеблется: *а)* вследствие изменяющегося его количества в мире не пропорционально изменениям в промышленности, в торговых оборотах; *б)* вследствие различных международно-торговых комбинаций. В одной стране, выгодно торгующей (Франция, Америка), золото может скапливаться и обесцениваться, в другой (Россия, Австрия) — дорожать. Во Франции может быть лаж на банковые билеты, в России — на золото.

2) Денежная система может быть тогда названа совершенной, когда совершаемые ею сделки учитываются и ликвидируются вполне правильно, то есть когда главный народный труд находится при данных законодательствах и иных условиях в самой лучшей обстановке, то есть: *а)* когда за денежными средствами (знаками) нет и не может быть остановки; *б)* когда цены на труд и на продукты устанавливаются естественно, то есть внутренним условиям народного быта и труда, а не под давлением денежного рынка (например, я продал лен дешево *только* потому, что его большой урожай, а не потому, что был вынужден продать за недостатком кредита. Обратное: рабочий взял с меня 15 рублей в месяц потому, что ему выгодно служить у меня, а не потому, что я закабалил его предыдущей зимой). Говорим *главный труд* потому, что главный труд является и главным потребителем, то есть прямо обуславливает *все* остальные виды труда.

Следовательно, предположенное нами постоянство ценности рубля как денежной единицы станет фактом и, вместе с тем, теоретически докажется тогда, когда основанная на этом денежная система создаст наилучшую качественную обстановку для главного вида народного труда (в России — земледелие).

Просим непредубежденного читателя вникнуть поглубже в наш *прием* доказательства. А вот и проверка в обратном направлении.

Количество рублей будет изменяться, все цены — тоже. Но человек, имеющий 1000 рублей, будет знать, что он имеет нечто тождественное и сегодня, и завтра, и через год. Подешевеет квартира, вздорожает прислуга, подешевеют хлеб, газеты, фрукты, вздорожает мясо, подешевеют платье, поездки, вздорожают уроки и т.д. Но *средняя, равнодействующая*, будет одна и та же; другими словами, труд, освобожденный от искусственного давления денежного рынка, будет учитываться свободнее, а следовательно, справедливее. Не будем забывать основной идеи денег: облегчить расчеты, отнять у денег их собственное, *самостоятельное значение*, устранить те замешательства, которые вносит в жизнь несовершенство денежной системы, помочь свободной установке цен, свободному взаимодействию труда, знания и капитала. Идеал денег — вполне облегченный учет работы этих трех элементов, свободный от всякого влияния самих знаков. Знаки должны быть нейтральны, безразличны и, следовательно, постоянны. Где же может быть проверка этого постоянства? В свободе и доброй обстановке главного труда. Практически это постоянство заключается именно в том, что государство путем вкладов и ссуд может держать в обращении как раз потребное число знаков. Практика и теория здесь вполне сходятся. Центральное государственное кредитное учреждение является сердцем, вклады и ссуды — кровообращением. Постоянство денежной единицы — равностью пульса.

Итак, вот где, по нашему мнению, ключ к чрезвычайно важному закону денежного обращения, определяющему постоянство абсолютной денежной единицы. Сформулировать этот закон можно так.

Постоянство денежной единицы, то есть неизменность ее внутренней ценности, или покупательной силы, зависит не от ко-

личества обращающихся знаков, а от соответствия этого количества с потребностями в каждую данную минуту народной производительности. Соответствие это определяется качеством обстановки, в коей находится при данных внешних условиях главный основной вид труда в стране.

Надеемся, что после сказанного не может быть никаких недоразумений для практического приложения этого закона.

Система вкладов и ссуд при добавке по мере надобности свежих количеств знаков — вот настоящий, почти автоматический регулятор денежного обращения. Внимательная, добросовестная оценка условий сельской жизни и земледелия — вот его превосходный нравственный контроль. За все остальное бояться нечего. Давным-давно сказано: сыт мужик, сыт барин, сыт фабрикант, сыт чиновник, сыт ученый — богато и сильно государство, богат и славен монарх. И наоборот, раувге paysan — раувге roi, а если бедность на обоих этих концах, то не может быть благоденствия и посредине.

XV

Обратимся теперь к рассмотрению роли и значения в нашей денежной системе *процентных бумаг* и к проверке этой роли с научной стороны.

Господа «молодые финансисты», приступив к разрушению старой нашей системы финансовых учреждений, прежде всего постарались ввести вместо вкладов, *не допускавших биржевой игры*, процентные бумаги или *бумагу-товар*. Сделано ли это было по крайнему легкомыслию, в угоду европейской доктрине, или лежало в основании нечто совсем другое, называющееся совсем иначе, но в результате получилось вот что.

Государство добровольно само себе связало руки и фактически отреклось от управления денежным обращением.

Свободные капиталы были изъяты из народного обращения и скрыты в бумагу-товар.

Положено было прочное начало тунеядству на государственный счет и широкой биржевой игре.

Земледелие и промышленность были лишены орудия обращения — денег.

Все это находилось в тесной зависимости от введения системы внутренних и внешних займов, то есть выпуска государственных процентных бумаг.

Попытаемся же научным образом осветить значение в народном и государственном хозяйстве процентной бумаги и постараемся ответить на вопрос: *должно ли государство вообще делать займы и не дает ли система абсолютных денег возможности обходиться без них вовсе?*

Из предыдущего изложения мы уже видели, что государственное хозяйство идет или должно идти совершенно независимо от денежного обращения, входящего в область хозяйства народного, коего государственное хозяйство составляет лишь некоторую часть. Среди общей суммы оборотов фабрики есть специально «расходы по управлению». То же и в крупном земледельческом хозяйстве. В государстве бюджет, обнимающий собой множество отраслей, при всей его сложности, сводится опять же к управлению, внешней защите, просвещению, суду и т.д., то есть имеет дело с теми внешними формами, внутри которых идет самостоятельная народная жизнь с ее трудом, капиталами, землевладением, торговыми оборотами и прочим.

Государственный бюджет представляет всенародную складчину на содержание государственного аппарата, расходующую государственными органами. Каждый из трудящихся членов, равно как и каждый капиталист, привлекается к этой складчине в доле своего имущества или дохода. Государственная рамка для страны необходима, а потому неизбежны и налоги на ее содержание. Чем более усилива-

ет государственная организация народную производительность (или чем больше способствует нравственному подъему народа), тем выгоднее и приятнее участвовать в этой статье расхода гражданам. Бывают исторические минуты, когда находящаяся в опасности государственность так любезна и дорога, что граждане отдают на ее спасение свое имущество или поголовно вооружаются и идут ее выручать (нижегородское движение 1612 года). Но бывают, наоборот, такие условия, при которых государство, разошедшееся в лице правящего класса с действительной народной жизнью, эгоистически развивающееся вне народной жизни, независимо от нее и *над нею*, становится крайне тяжелым для граждан и требует от них совершенно непосильных жертв. Жизнь в этих искусственно утяжеленных рамках становится невыносимой, а государственность ненавистной. Современному немцу или члену австрийского государства приходится огромную долю своего труда расходовать ради целей своей государственности, в поддержку таких стремлений правительств, которые не только не дают народной жизни и труду ничего в настоящем, но несут за собой ряд великих опасностей в будущем.

Но если государства австрийское и германское могут, по крайней мере, с одной стороны, похвалиться величайшими заботами об этой обремененной налогами и военными расходами народной жизни, а с другой стороны, могут хоть софизмами оправдать ту идею, которая вызывает столь огромные тяготы (для Германии опасность от России и Франции, для Австрии чувство самосохранения от панславизма), то мы ничего не можем привести в объяснение нашего невыносимо тяжелого положения, кроме великого недоразумения, завещанного группой «молодых финансистов» и продолжающегося до сего дня.

В самом деле: наши военные расходы, падающие на каждого жителя, попросту ничтожны сравнительно с расходами

других великих держав. Стоимость содержания нашего государственного аппарата, или наш расходный бюджет, также относительно невелика. А между тем ни австрийцу, ни германцу так не тяжело жить и платить государству, как нам. Зло, угнетающее нашу народную жизнь и парализующее наш народный труд, состоит в том, что введенная у нас тридцать лет назад финансовая политика систематически заменяла деньги — орудие обращения, деньги — прежний капитал производства государственными процентными бумагами, являющимися ничем иным, как *свидетельствами на получение от государства некоторого постоянного содержания без всякого труда*.

Вот простейшая схема того, что было придумано господином Ламанским «со товарищи». При прежней системе дело обстояло так.

Я капиталист. Сейчас у меня нет своего предприятия, я сложил деньги на вклад и получаю процент. С кого я получаю? С того, кто при посредстве государства работает на мои деньги, кто взял их взаймы на промышленное дело, земледелие или торговлю. Я желаю начать дело сам. Я иду с моим вкладным билетом в кассу и в любую минуту освобождаю мой капитал. При этом, если тот, у кого мои деньги, продолжает работать, государство дает мне новые деньги. Выпуск их в обращение совершенно понятен. Работал A , обращалось количество денег a . Пришел и начал работать, *кроме того*, B , явилось новое количество знаков b . Работа увеличилась, стала $A + B$, денежное обращение тоже увеличилось и стало $a + b$.

По системе господ Ламанских.

Я капиталист. Деньги у меня свободны. Я отдаю их государству и получаю некоторую бумагу, у которой обеспечена не *стоимость ее* (эта стоимость устанавливается на бирже), а *известный* довольно большой *доход* (чтобы приохотить меня к держанию бумаги, которая колеблется от первого

ветра и трепещет от мановения бровей господина Ротшильда). Куда девались мои деньги? Они сожжены государством в печи во дворе Государственного Банка. Зачем сожжены? Потому что господин Ламанский нашел, что знаков избыток. Но кто же мне будет платить проценты? *Государство из своего бюджета*. Но откуда же они возьмутся в бюджете? *А правительство взыщет необходимую сумму в виде налогов*.

Эта схема математически точна с действительностью. Продолжим ее благополучно до нынешних дней, и мы увидим, что чуть не половина нашего бюджета состоит вот из этих платежей по бесчисленным купонам и внутренним, и внешним. Огромное количество людей, у которых были прежние сбережения, ничего другого не делают, как в известные сроки стригут купоны и несут их менялам или в казначейство, а исправники и становые рыщут, выколачивая подати, чтобы казначейству дать средства платить по этим купонам.

Нам возразят: но ведь не для того же государство делало займы и выпускало процентные бумаги, чтобы *только* жечь кредитные билеты. На эти бумаги оно совершило огромную крестьянскую выкупную операцию, на них же выстроило сеть дорог и пр., и пр.

На это ответ один: нет, именно и только для того выпускали господа доктринеры займы, чтобы *жечь бумажки* или не выпускать их в необходимом для страны количестве, то есть *жечь их мысленно*. Доказать это нетрудно. Просмотрим все три главные операции.

1) Выкупные свидетельства. До реформы, при обязательном труде, между владельцем и крепостными на барщине денежных знаков почти не нужно было. Читается манифест 19 февраля. Все стало делаться на деньги. Владелец на все *нанимает* и за все *расплачивается*. Крестьяне за все *платят*. Знаков против прежнего нужно, по крайней мере, втрое, ибо сразу все сделки переходят из натуральных на денежные. Ес-

ли бы выкуп был совершен на вновь выпущенные для этой цели кредитные билеты, их бы едва-едва хватило для новых условий денежного обращения, ибо всем — и барину, и мужику, пришлось заводить совсем новое хозяйство. Вместо этого были выпущены процентные бумаги, а, с другой стороны, «консолидировали излишние»!! знаки и жгли кредитки, обменивая их на особо выпускаемые банковые билеты. И вдобавок у помещика удержали весь капитальный долг, сделанный им в опекуном совете, и выдали только разницу в виде выкупных свидетельств.

Бросился барин искать денег на свое новое хозяйство, бросился и мужик. Барин продал свое выкупное свидетельство за 65 копеек, за рубль, кулак, чтобы дешево купить мужицкий труд и продукт, продал полученную им банковую бумагу (вместо прежнего вклада) тоже за 65 — 70 копеек и начал эксплуатировать и барина, и мужика.

Спокойные капиталисты в это время купили 5-процентную ренту за 65 копеек, то есть начали на свой капитал получать почти 8 процентов *от государства* в виде пожизненной пенсии за то только, что направили свой капитал не непосредственно в дело, а в печь во дворе Государственного Банка.

Надеемся, можно смело сказать, что выкупные свидетельства *заменили собой те бумажки*, которые было необходимо выпустить ради удержания на надлежащей норме денежного обращения после 1861 года, вместо этого — осталась земля и на ней барин и мужик с голыми руками, с обесцененным трудом, без оборотных средств, а кругом них, словно вампиры, денежные спекулянты, для которых 8 процентов в виде купонов было мало, ибо около изнемогавших в агонии земле-владельцев и земледельцев можно было погреть руки, можно было заработать не 8, а сто на сто. И зарабатывали!

Этот мартиролог изложен в самых ярких чертах не газетными репортажами, а правительственной комиссией

по исследованию упадка сельского хозяйства, работавшей еще в 1873 году!

2) Железные дороги. Мы уже видели, как действуют железные дороги на денежное обращение в стране. При постройке увеличивается народный труд и возрастает нужда в знаках. По окончании постройки и открытии эксплуатации эта нужда еще более возрастает. Железная дорога — новый кровеносный сосуд в организме. Прибавилось сосудов, и стало быстрее кровообращение; ясно, что крови должно быть больше. Вместо этого кровь постепенно выпускали. Для постройки железных дорог употребляли не новые знаки, которые, оправданные жизнью, так бы и остались впоследствии в народном обращении; наоборот, привлекали готовые капиталы, а так как таковые не приливали изнутри, ибо и без того попрятались в процентные бумаги, так как этих процентных бумаг и без того было наводнение, то стали привлекать свободные капиталы иностранные. Этими же капиталами уплачивалось не за русский, а за иностранный труд.

Получилось: создание за границей огромного класса русских кредиторов; возрождение за границей народного труда. Внутри России: расширенная система кровеносных сосудов при выпущенной крови: пустая, а потому бездоходная сеть дорог среди нищего населения сел, сеть, обремененная неплатным долгом, проценты за который приходится изыскивать все с того же обнищавшего населения. Ясно, что и здесь мысленно сожжены те же бумажки, которые нужно было выпустить для постройки и эксплуатации (то есть увеличенных оборотов промышленности) русской сети дорог.

3) Займы, сделанные явно с целью прямо жечь деньги, например Восточный заем и другие, нечего и разбирать.

Мы обстоятельно рассмотрели значение процентных бумаг в истории наших финансов, и нам хотелось бы показать теперь, что *система денежного обращения в экономически самостоятельной стране, основанная на абсолютных зна-*

ках, *вовсе не нуждается в процентных государственных бумагах и не требует ни одной копейки из государственного бюджета для оплаты процентов.*

К доказательству этого положения мы и переходим.

XVI

Главное зло современных государств, процентные займы, внутренние или внешние, неизбежные при золоте как деньгах, могут быть совершенно устранены при абсолютно-денежном обращении и при правильной организации государственного и народного кредита.

Из цивилизованных стран нет в эту минуту ни одной, которая удовлетворялась бы одной формой денег — благородными металлами или одним золотом. Повсюду рядом со звонкой монетой циркулирует большее или меньшее количество ее суррогатов, разменных банковых билетов, настоящих *кредитных* денег. Основная черта этого денежного обращения — разменность банковых билетов каждую минуту на металл. Приостановка этого размена равносильна государственному банкротству. Это обман и насилие над подданными. Во избежание этого обмана и всяких искушений для парламентарного государства орган денежного обращения в стране *отнимается у правительства* и ставится особняком, ограждаясь от всяких на него воздействий серьезными и положительными статутами.

Совершенно тот же вопрос поднимался и у нас при основании Государственного Банка в 1860 году; до сих пор еще существуют серьезные люди, которые проповедуют необходимость выделить наш центральный орган денежного обращения из системы государственных учреждений и сдать его особому акционерному обществу. Что эта идея имеет почву — доказательство статьи в «*Новом Времени*» господи-

на Гурьева, «ученого секретаря Ученого Комитета» Министерства финансов (да-да, есть такой титул двойной учености), помещавшиеся там в начале 1893 года.

Читателю этого исследования названные статьи, наверно, показались необыкновенно смешными и наивными. Господин Гурьев доказывает без малейшей улыбки, что передавать Государственный Банк акционерной компании невозможно. Да кто же может в здравом уме и твердой памяти предложить противоположную комбинацию? Другими словами, кликнул клич по всему европейскому Израилю: «Милостивые государи! Не будет ли вам угодно получить в ваше заведование экономическое сердце России? Приходите к нам, составляйте акционерную компанию, получайте золотой фонд, печатайте бумажки и заведуйте нашим денежным обращением; то есть *берите в полное владение с правом жизни и смерти: наше сельское хозяйство, фабричную и заводскую промышленность и нашу торговлю, словом, весь наш народный быт и труд во всех его видах.* Государство от всего этого отрекается, ибо оно верит, что вы с этим лучше справитесь, чем оно само. Вы, конечно, на всем этом будете наживать, но ведь это дело торговое».

В этих словах нет ни тени преувеличения. Читатель недоумевает и спрашивает, какой смысл в этом приглашении акционеров, в этом устранении правительства от самого центра государственного дела? Что дадут акционеры, управляющие Банком? Верно, есть же какая-нибудь идея в этом желании?

Идея, несомненно, есть. Вот она: *акционерный банк поставит народное денежное обращение в полную независимость от правительства.* Но зачем же это нужно? А затем, чтобы министру финансов в трудную для государства минуту не пришло искушение смешать источники собственно денежного обращения с источниками бюджетными, другими словами, чтобы государственная власть не могла *огрбить подданных.*

По-видимому, даже предположить что-либо подобное уже есть своего рода безумие? Ничуть не бывало! Находятся на Руси органы и публицисты, которые хоть и не столь грубо открыто, но высказывают совершенно то же самое.

Дело вот в чем. Существует Государственный Банк и веда-ет *народным* денежным обращением. Существует Государ-ственное Казначейство и ведает *государственными* прихода-ми и расходами. И там, и здесь суммы разные, и смешивать их невозможно, ибо все экономические отправления тот-час же придут в расстройство. Поэтому и ведется, например, такой счет: наличность Государственного Банка (собствен-ная) такая-то. Кроме нее, имеются в Банке суммы, принадле-жащие Государственному Казначейству, такие-то. Предста-вим себе, что вследствие неурожая или других условий по-дати задерживаются или государству предстоит экстренный расход. Собственных сумм Государственного Казначейства может не хватить. В это время собственная наличность Бан-ка может быть очень велика и лежать непроизводительно. Граф Канкрин, да и все почти русские министры финансов, кроме упорных доктринеров, делали следующее: они заим-ствовали из банковской наличности и по мере поступления го-сударственных доходов пополняли эту наличность. У графа Канкринина был в особенности неисправим один предрассудок: он как огня боялся займов и налогов, а потому предпочитал довольно грубо нарушать теорию и в бухгалтерском смысле допускал произвол, лишь бы не отягощать народ по купо-нам. Велось подобное хозяйство не год и не два, и Россия, только что разоренная Наполеоном и истощившая все силы на «спасение Европы», быстро поправилась и разбогатела.

Нам говорят: этого нельзя! Если государственных доходов не хватило или понадобился экстренный расход, *делайте заем*, то есть выпускайте процентные бумаги и платите по купонам податями. Не смейте *заимствовать* в свободной банковской наличности, не усложняйте счетов, не отступайте от устава.

А главное, не проявляйте ни государственной власти, ни государственного творчества! А так как здравомыслящий министр финансов и хороший хозяин не может этих позаимствований не делать, то призвать евреев и сдать им Банк, другими словами, поставить их на страже против возможных злоупотреблений органа, которому Верховная Власть поручила распоряжение государственным и народным хозяйством.

Даже ученый секретарь Ученого Комитета догадался, что подобный порядок, безусловно необходимый при парламентском режиме, совсем не подходит к самодержавной монархии. Предполагая, что подобное заимствование может сделаться не иначе как по специальному Высочайшему повелению, оказывается, что *необходимо звать евреев собственно затем, чтобы ограничить верховную власть в возможности дать подобное повеление.*

Вот, по самому добросовестному толкованию, идея акционерного Государственного Банка. Можно думать, что, несмотря на все подходы и сладкие словеса представителей у нас европейского мировоззрения и appetitов, мечтать об осуществлении чего-либо подобного просто-напросто глупо. Уж на что было бесшабашное по этой части время — конец пятидесятих годов. Но и тогда господа молодые финансисты не могли провести свою идею насчет обращения Государственного Банка в акционерный, и это учреждение так и осталось на ведомстве Министерства финансов, хотя и разграниченное (на бумаге) по своим оборотам от оборотов Государственного Казначейства.

XVII

Ясно, что при независимом от государства положении центрального органа денежного обращения государственной власти, вынуждаемой к каким-либо экстренным расхо-

дам, приходится либо возвышать налоги, либо закладывать эти налоги, выпуская внутренний или иностранный заем. И в том, и в другом случае принцип остается тем же самым. Новый налог дает небольшие сравнительно суммы ежегодно; заем, сделанный сразу, погашается теми же налогами в будущем в течение известного числа лет.

Никакого другого выхода нет, ибо парламентское государство ничему другому не верит, кроме золота, и потому решительно не хочет и не может предоставить дело *экономического творчества* государству. Говорим про существующие государства буржуазно-либерального склада, против которых так яростно протестует социализм разных видов и оттенков. Что за государство создаст сам социализм, как удастся *ему* оформить государственное творчество, этого мы еще не видали, да, вероятно, и не увидим, ибо социализм, еще не успев положить первого камня в смысле положительном, уже выродился, и совершенно логически, в анархизм, то есть в разрушение *всего существующего* с голой надеждой, что на развалинах вырастет *само что-нибудь*.

Современное парламентарно-буржуазное государство все экономическое творчество отдает бирже, то есть представительнице капитала. Самовластная биржа, обладая деньгами (не забудем, что деньги — концентрированный прежний труд и орудие труда будущего), естественным образом приобретает и полное господство над трудом во всех его видах.

Правительство обращается в простого городского, наблюдающего за порядком, а страна при биржевом режиме резко разделяется на два класса: *правлящие* — представители капитала, или труда прежнего, в их руках сосредоточенного; *правляемые* — представители труда настоящего или будущего, работающие только потому, что правящие, то есть капиталисты, дают свой капитал в производство.

И власть, и творчество, и действительное управление страной, и законодательство, и внешняя политика, и миро-

воззрение, и национальные идеалы — все это монополизуется одним правящим классом. Как Людовик XIV когда-то, так биржа теперь может сказать: «*l'état — c'est moi*» и будет совершенно права, ибо, властвуя над трудом и заработком человека, нельзя вместе не властвовать и над его душой, и над его *bulletin de vote* вплоть до тех пор, пока озлобленный пролетарий, утративший Бога истинного и не могущий уверовать в бога Меркурия, не начнет швырять своих директоров фабрик в бассейны с расплавленным стеклом...

Но дело сейчас еще не в этом, а потому в эту область отвлекаться не будем. Нам хотелось показать, что коль скоро *творчество отдано бирже*, то и *заработок* от всего капитала *идет целиком ей же*, как исключительно представительнице творческого начала и как властительнице и капитала, и труда.

Поясим это на примере. Государство строит железную дорогу, как указано выше в статье «*Русского Дела*», на вновь выпущенные знаки. Создается огромный заработок, ибо вызывается огромный труд. Капитал, оплодотворивший этот труд, *не действительный, а мнимый*, ибо бумажки представляют из себя пока простые *квитки*, расчетные знаки. Что изображает этот заработок? Как он распределился? Он распределился на началах политической экономии, по законам свободного спроса и предложения. Но при этом, кроме заработка всех и каждого из участвовавших в работе, явилось еще некоторое реальное имущество, приносящее доход, и это имущество (если дорогу строила казна) принадлежит ей, то есть составляет предпринимательную долю этого мнимого капитала, *ставшего, однако, после постройки капиталом действительным*.

Чей это капитал? Кто его собственник? Очевидно, государство, то есть весь народ.

На Западе, при власти биржи и золоте-деньгах, дело идет совсем иначе. Для постройки дороги биржа авансировала из-

вестный свой *готовый капитал*, выговорив себе определенный процент. Труд произведен, дорога создалась, все заработали, но заработок распределился совсем иначе. Капиталист разменял трехпроцентную ренту, чтобы купить акцию новой железной дороги, и получает теперь, скажем, шесть процентов дивиденда, то есть стал вдвое богаче. Инженеры, строители, подрядчики, получив свой заработок, купили на него (ту же проданную капиталистом) ренту, чернорабочие прожили и прокормились (может быть, даже лучше, чем жили и кормились раньше, может быть, даже сэкономили что-нибудь и снесли в «caisse d'épargne», но вообще остались в том же положении, а государство *осталось совершенно в стороне*. Оно выиграло, может быть, лишь в смысле налогов, имея возможность несколько обложить новую линию как новое *чужое* для него имущество.

Понятна или нет основная, глубочайшая разница в обстановке предприятия, двигавших им силах и в его результатах?

В первом случае заработки распределились совершенно равномерно между всеми трудящимися, а фактически обогатилось только государство, *создав*, то есть получив *даром*, недвижимый капитал, новую линию железной дороги, пусть приносящую на первое время и малый доход. Капиталисты остались здесь в стороне или участвовали косвенно и косвенно же получили свою долю дохода¹. Работал здесь в широком смысле труд, оплодотворенный *мнимым капиталом*, как бы уступившим свою долю вознаграждения государству, то есть предоставивший ему новый *капитал реальный*.

Во втором случае заработки тоже распределились, но между трудом и готовым *старым капиталом*. Государство осталось в стороне. Продукт творчества пошел не ему, а капиталу, то есть бирже, удвоив богатства биржевых царей, как увидим позднее.

¹ Основав, например, новые предприятия, обусловленные новой линией.

Политическая экономия прекрасно разъясняет, как при возрастании капиталов сама собою уменьшается доля дохода капитала, как вследствие этого капитал становится живее, подвижнее и стремится все дальше и дальше продолжать творчество. Вообразим же себе, что эта работа капитала во имя саморазвития и дальнейшей власти и преуспевания совершается долго и продукты ее все усиливают самый капитал. Прибавим сюда, что при международном господстве золота известное племя, или страна, счастливее других работают в лице своих капиталистов. Страна может страшно разбогатеть, найти себе данников по всему лицу земли и поставить свой собственный труд в положение и обстановку весьма сносные¹. Взглянем на Францию, какое колоссальное обилие накопленных капиталов! Пять миллиардов уплачены как пять рублей. Налицо четыре миллиона людей, живущих рентой, то есть пользующихся чужим трудом, кормящихся за счет итальянцев, и за счет египетских феллахов, и за счет своих собственных трудящихся и нищенствующих сограждан.

Государство тоже, по-видимому, богато, ибо бюджет его огромен. Но все-таки у государства ничего *своего*, оно только собирает и расходует налоги, оно непричастно никакому творчеству и, в случае потребности в экстренном государственном расходе или опасности, может *только увеличивать налоги и делать займы*, предварительно заручившись благоволением биржи.

Самодержавная государственная власть в экономически самодовлеющей стране, действуя при помощи бумажных денег, *имеет источники своего собственного богатства*, и это богатство сосредоточено не в руках одного из государственно-экономических классов (капиталисты, рантьееры), а является в полном смысле *мирским*, народным, или, вернее,

¹ К несчастью, и этого нет. Биржа так жадна, капитал так бессердечен, что наряду с непомерными богатствами Ротшильдов и других, пролетариат во Франции, Англии, Германии и повсюду страшно беден и фактически голодает.

всенародным, ибо государство есть внешнее выражение народа. Богатство это, выражающееся не в золоте, а в *мирских*, государственных имуществах, дающих определенный доход, или в известном количестве *запаса труда* (см. ниже), может *безгранично приумножаться*, совершенно так же, как приумножаются частные капиталы у правящих классов государства парламентарного. И это государство не будет носить ни малейшего западно-социалистического оттенка, вернее, ходячие социальные воззрения окажутся к нему вовсе не приложимыми. Социализм, ратующий против исключительных прав капитала, ради таких же исключительных прав труда, то есть *желающий заменить деспотизм капитала деспотизмом труда*, логически не может кончить ничем иным, кроме разрушения всего государственно-общественного строя, или невинными, но совершенно вздорными фантазиями, вроде Беллами, обратившего свободную Америку в колоссальные арестантские роты посредством неизбежной государственной регламентации труда в его мельчайших подробностях («всеобщая трудовая повинность» Беллами есть нечто столь принципиально чудовищное, что перед нею побледнеют и каторжные работы). Самодержавное государство, основанное на начале доверия к верховной власти, разумно пользуясь указанными выше *мнимыми капиталами*, возможными только при бумажных деньгах, способно явить *идеал личной и экономической свободы*. Услуги мнимого капитала представляют отнюдь *не нарушение прав* капиталов реальных, но *устранение их несправедливой монополии, низложение их с того престола, который они себе создают на бирже*, развенчание золотого тельца, в парламентарном государстве захватившего державу и скипетр совершенно открыто, у нас тайно посягающего на prerogatives самодержавной власти.

От капитала не отнимется ни возможность промышленного творчества, ни возможность нормального роста. Но ему отводится для этого область *частной предприимчивости*,

все же государственное творчество и всю общественную *власть*, ныне захваченную капиталом, а в социальных теориях — *трудом*, государство оставляет за собой.

Вместе с государственным творчеством государство составляет себе и создание государственных *самостоятельных доходов*, основанных не на одной лишь раскладке податей. Такое государство никогда не встретится с необходимостью делать займы и выпускать процентные бумаги, ибо несколько мирных лет позволят скопиться *колоссальным запасным капиталам*, с избытком, достаточным для любого черного дня.

Нам кажется, что этим совершенно доказан и шестой из поставленных в начале этого исследования тезисов, именно: при системе финансов, основанной на абсолютных деньгах, находящихся вполне в распоряжении центрального государственного учреждения, ведающего денежным обращением, господство биржи в стране становится невозможным и безвозвратно гибнет всякая спекуляция и ростовщичество.

Просим прощения у читателя, которому кое-что может показаться неясным или недоговоренным. Все высказанное здесь выяснится ярче и рельефнее при рассмотрении следующего тезиса — о замене хищных биржевых инстинктов здоровой государственной экономической политикой, к которому и переходим.

XVIII

Тезис этот таков.

Место хищных биржевых инстинктов заступает государственная экономическая политика, сама становящаяся добросовестным и бескорыстным посредником между трудом, знанием и капиталом.

Этот закон является последовательным логическим выводом из всего предыдущего. При золоте в качестве денег и его

суррогатах — банковых билетах правительство совершенно устраняется от государственно-экономического творчества и становится простым органом правящего класса, то есть капиталистов, рантье-ро-в, властвующих в стране. Центр, святилище этого класса — биржа, в руках которой само собою сосредоточивается творчество. Основой, фундаментом этого творчества являются капиталы, народные сбережения, сосредоточенные в руках правящего класса и отчасти классов трудящихся, стоящих посредине между настоящими рантье-рами, вовсе не трудящимися, и настоящими пролетариями, вовсе не скопившими сбережений. Такими типами будут, например, какой-нибудь парижский извозчик, выезжающий ежедневно на работу, но уже имеющий капитал в 5 — 10 тысяч франков, или привратница, заведующая домом и ежедневно откладывающая известный доход на приобретение ренты или других ценных бумаг.

Как действует биржа с этими капиталами?

При изобилии сбережений в руках рантье-ро-в и полурантье-ро-в естественный нормальный доход капитала сам собой понижается. Вернейшее помещение денег — государственная рента, но маленькому капиталисту она приносит слишком мало. Самостоятельного дела он начать не может (при большом риске и труде оно обещает иногда меньше, чем текущий заработок в *чужом* предприятии), но увеличить свой капитал или доход всегда рад. При малейшей возможности или доверии маленький рантье всегда готов часть своих сбережений вынуть из государственной ренты (она перейдет к новому *образующемуся* рантье, менее капитальному), и поместить в различные «russes», «egiptiens», «hongrois» и другие иноземные государственные бумаги, дающие большой доход. Более подвижный и смелый или более сведущий и капитальный буржуа способен некоторую часть своего капитала доверить и какой-нибудь панамской компании, сулящей громадные дивиденды, особенно если во главе дела стоит та-

кая известная личность, как Фердинанд Лессепс. Рантьеров и свободных, ищущих применения капиталов, — изобилие. Центр, куда все это стремится, где основывают все дела и устанавливается расценка всевозможных предприятий, — биржа. На бирже сейчас же сама собою возникает *биржевая игра*, имеющая две основные стадии: во-первых, действительные перемещения капитала, действительные покупки и продажи. У меня была рента, я ее продал и купил акции Credit Mobilier или *emprunt egyptien*, во-вторых, *игра в собственном смысле*, когда я, ничего не продавая и не покупая, а лишь делая фиктивные сделки, держу, так сказать, пари, что такая-то бумага повысится или понизится, и в известные сроки получаю выигрыш или плачу проигрыш — разницу в курсе.

Эта биржевая игра, идущая, очевидно, внутри только правящего экономического класса рантьеров (и в малой степени полурантьеров), но непосредственно отражающаяся на сбережениях *всей страны*, имеет в основании одну идею: быстрое обогащение более сильных и ловких капиталистов на счет менее сильных и более наивных их собратий, а, главным образом, на счет трудящихся полурантьеров. Выигрывает в этой игре тот, кому удастся *навечно предугадать или предугадать политическое обстоятельство, имеющее поднять или уронить данную бумагу*. Если я случайно узнаю раньше других, что через две недели Россия объявит войну Турции и что, следовательно, курс на русские бумаги сильно падет, я смело могу идти на биржу и все свое состояние поставить в продажу русских фондов, которых у меня вовсе и нет налицо. Я *продаю*, то есть обязуюсь доставить через месяц такое-то количество русских бумаг по 98 за 100. Через месяц эти бумаги упадут до 68 и при ликвидации я получу чистого дохода 30 копеек на рубль; мне всегда возможно их *доставить*, ибо я тогда куплю их по этой цене и сдам. Но этого вовсе не требуется; сделка, как известно заранее, была чисто фиктивная и шла только на *разницу*.

Итак, я выиграл. Кто же проиграл? Проиграл тот, кто *по незнанию того, что я знаю, купил мои «russes»*. Это мог быть и крупный биржевой игрок, но прежде всего это те мелкие рантьеры и полурантьеры, которые *часть своих сбережений* стараются поместить *выгоднее*, чем в сухую и малоодоходную ренту. Они, хотя и не играли, но упавшие бумаги лишили их части их капитала. Совершенно то же и Панама, только посложнее. Биржевые спекулянты, опять же более сильные и знающие (что компания должна лопнуть) сначала употребили все меры, чтобы поднять, раздуть курс акций, наградили в розницу этими акциями («разместили») множество рантьеров и полурантьеров (на каждого понемногу, ибо это тоже народ осторожный и поместит сюда только *часть* своего капитала), затем сделали крах, сыграли на понижение и 600 миллионов франков положили себе в карман. Вся Франция закричала: «*Nous sommes voles*», но тот же извозчик, у которого была одна акция, вчера стоившая 600 франков, а сегодня упавшая до 150, тот же консьерж, потерявший 450 франков, не согласится на радикальный переворот и на уничтожение биржи. Они будут через своего представителя в палате кричать: «*A bus le ministre*» и требовать суда над виновными, но в глубине души они уже помирились со своей потерей, потому что та же биржа, награвшая их сегодня на 450 франков, раньше давала им хорошее увеличение их капиталов, будет давать и в будущем, ибо бумаг солидных и солидных дел все-таки больше, чем жульнических.

Вот почему буржуазный строй не повалит *и не захочет никогда повалить биржу* и отлично помирится и с подкупными газетами, и с подкупным парламентом, и с подкупными министрами, что Франция и доказала на осенних выборах 1893 года. Как христианин, плохой или хороший, все же органически, по душе своей, сын и член церкви, так буржуа, рантьер (в государстве с золотой валютой) по душе своей сын и член биржи. И тот, и другой могут возмущаться, бунтовать

против своей матери, но *порвать с ней совсем не могут*. Христианин без церкви начинает протестантизмом, впадает в атеизм и логически кончает отчаянием нигилизма. Рантье, порвавший с биржей, или пролетарий, не сделавшийся рантьером, то есть биржей извергнутый, начинает умеренным социалистическим протестом, попытками организовать труд, стачками, рабочими союзами, а так как это не ведет ни к чему, ибо биржа и сильнее, и хитрее, то пролетарий логически кончает анархизмом и начинает в лице своих наиболее передовых и нетерпеливых действовать динамитом.

XIX

Итак, взглянем поглубже на биржевые процессы.

В классе рантьеров идет упорная междоусобная борьба.

В этой борьбе сильные и ловкие *играют наверняка*, обстригая постепенно среднюю публику, но редко ее разоряя, ибо эта публика привыкла к осторожности.

Среди этих сильных и ловких являются единицы, скопляющие чрезмерно большие капиталы. Они становятся настоящими царями биржи, а с ней и всей страны. Их капиталы вяжут такое огромное количество дел, предприятий, им так задолжены трудящиеся классы, и притом не в одной, а в разных странах, от них в такой тесной зависимости миллионы рантьеров и полурантьеров, что эти люди являются великой политической силой, настоящими, некоронованными лишь, самодержцами, и притом экстерриториальными, ибо власть их простирается всюду, *где работает их капитал*. Они так связали свои личные интересы с интересами миллионов трудящихся и полурантьеров, что ни одна государственная власть не смеет выступить с ними на борьбу во избежание страшных внутренних потрясений, но должна служить им и поддерживать их. *Уничтожив Ротшильда, ни одно пра-*

вительство в мире не может (кроме русского, пока оно его не пустило вырасти¹ в России), ибо это было бы теперь разорение для $\frac{3}{4}$ граждан. Уничтожить Ротшильда может лишь анархия, когда от всего современного строя Запада не останется камня на камне.

Прибавим сюда: в Панамском деле, во всем этом грабеже, Ротшильда, например, совсем не видно. Для него это дело и слишком мелко, и слишком несерьезно. Ему незачем прибегать ни к подкупу, ни к мелкому, сравнительно, грабежу. Его идеал *миродержавство*, вполне серьезное и путем серьезных же средств. К его услугам все *честные* элементы Французской республики. Его контора — национальный французский банк, его уполномоченный, его личный секретарь — глава французского государства, его приказчики — министры, его серьезные операции на бирже приносят ему неизмеримо больше, спокойнее и вернее, чем панамская, чисто карманная, кража. Ротшильд и... Панама! Фи!

В этом-то и трагедия последнего слова биржевого царства. Крадет краюшку хлеба глупый чертенок, Вельзевул *властвует*. Вельзевул велик.

Итак, вот стадии финансового развития золотого Запада: 1) золото как деньги (первая власть евреев, как ростовщиков); 2) система банков и банковых билетов как заместителей золота (вторая власть евреев, как банкиров и финансистов, начало их обогащения); 3) процентные займы государств, царство биржи в стране (третья ступень власти евреев — ростовничество государственное и затем полное миродержавство).

Общий дух всего движения: устранение *мирского соборного начала*, выражающегося в государстве, от экономического творчества, устранение *нравственного начала доверия*,

1 Начало этого роста уже есть. Любопытный факт: в 1890 — 92 годах выселяли из Москвы множество мелких, в большинстве безвредных, евреев-ремесленников, а о Лазаре Полякове никто и не заикнулся. А еще недавно Самуил Поляков домогался баронства Российской империи.

торжество хищного человеческого я, возведенного в догмат, полная потеря всякого нравственного критерия, борьба заведомо безнадежная, во имя *нравственности условной*. В конце неизбежная анархия, разрушение и одичание, ибо и с другой стороны, в том отвергнутом наполовину мире, откуда могло бы явиться западному (латино-германскому) человечеству спасение, царит тот же Ротшильд в тиаре, исповедующий все то же я и все то же *миродержавство*, ненавистное сердцу еще больше, ибо деспотизм духовный неизмеримо тяжелее даже деспотизма экономического.

Вот куда увлекло нас рассуждение об абсолютных деньгах и о процентных бумагах. Не жалею об этом. Читатель не осудит нас, что, войдя в подробный анализ биржевой игры, основанной, главным образом, на существовании процентных бумаг, то есть *собственной нищете государства*, мы поневоле должны были сделать некоторые выводы в нравственной области, без которых невозможен и обстоятельный разбор экономической творческой политики государства как *полной противоположности власти и задач биржи*.

На основании сказанного прошу досужего и любознательного читателя, знакомого несколько с историей наших финансов, самостоятельно припомнить и оценить те явления в русской жизни, которые характеризуют пришествие к нам биржевика-еврея, и те голоса в печати, которые славословят западную финансовую систему с ее золотом, процентными займами и самодержавием биржи. Подобное размышление будет бесполезно, и мы будем очень счастливы, если читатель уяснит себе, откуда все это веет, во что верует и чему служит. Да, к несчастью, и русская православная почва в сильной степени заражена миродержавными еврейскими идеалами. Очистить, скорее очистить надо эту почву (в нашем сознании, а затем и в жизни), и тогда только пышным цветом зацветут на ней русские идеалы.

XX

Переходим к восьмому и девятому положениям, изложенным так.

- 8) *При бумажных абсолютных деньгах является возможность истинного государственного творчества и образования всенародных государственных запасных капиталов.*
- 9) *При бумажных абсолютных деньгах роль частного капитала изменяется в смысле отнятия у него захватываемой им в биржево-золотых государствах власти.*

Основная разница между биржево-парламентским режимом и самодержавным государством с абсолютными деньгами, как уже мы видели, заключается в том, что в первой стране вся экономическая политика состоит в *эгоистическом самоуправлении капитала посредством биржи*, сполна подчинившего себе государство и, в свою очередь, подчинившегося нескольким биржевым царям, капиталы коих, безгранично приумножаясь, сковывают *золотыми* цепями труд не только данного народа, но и всех имеющих нужду в готовых капиталах, заимствующих их у этих биржевых царей.

Во второй стадии экономическая государственная политика состоит (или *должна состоять*) в том, что весь народный мир, в лице своей государственной власти, вступает благожелательным посредником между трудом, знанием и капиталом, обеспечивает полную свободу каждому из них, *но оставляет за собой власть удерживать эти экономические элементы в надлежащей гармонии, не давать несправедливого преобладания какому-либо из них*. Одновременно с этим государственная экономическая политика имеет целью, помогая наилучшей постановке и производительности труда, сбережению и накоплению частных капиталов, *увеличивать всеми мерами достояние собственно государственное, то есть всенародное, мирское, имеющее значение за-*

пасного капитала на случай чрезвычайных государственных расходов или народных бедствий.

Первая часть вопроса лежит, собственно, вне области денежного обращения, предмета нашего исследования. Поэтому о ней скажем вкратце: исключив из общественной жизни, посредством изъятия из обращения процентных бумаг, биржу с ее игрой, государство тем самым раз навсегда лишает капитал экономического, политического и всякого иного преобладания, распускает армию рантьеров, развенчивает биржевых князей и царей и ставит свободный капитал лицом к лицу со свободным трудом, предоставляя им при посредстве государственных финансовых учреждений (или помимо их) вступать в полнобовные сделки и *равноправно обмениваться услугами*, добросовестно вознаграждая третий экономический элемент, — знание, служащее им оплодотворяющей силой. *Капитализму, то есть господству капитала, здесь нет места, а потому нет места и его антитезе — социализму.*

Другая сторона вопроса лежит непосредственно в области государственного творчества и тесно связана с денежным обращением. На ней поэтому придется остановиться с большим вниманием.

У западного парламентарно-биржевого государства, кроме случайно уцелевших, как наследство старины, государственных земель и лесов, собственно говоря, нет никакого мирского, всенародного имущества (морская и сухопутная оборона едва ли может считаться имуществом), а потому нет и никаких иных ресурсов, кроме некоторых регалий (например, монетная), монополий (например, почтовая, телеграфная, табачная) и налогов разнообразного вида и характера. При всяком поэтому чрезвычайном расходе приходится пользоваться или специальным, если есть таковой, военным фондом (в случае войны), или устанавливать новые налоги, или делать займы, то есть закладывать налоги будущие, внося в будущие бюджеты проценты и погашения по займам.

Других ресурсов у этого государства нет никаких, потому что нет никакого творчества, потому не может быть и другого исхода, в случае крайности, как займы или новые налоги.

У государства самодержавного, уничтожившего биржу, усвоившего абсолютные деньги и работающего при помощи *системы ссуд и вкладов*, как посредник, и системы государственных предприятий при помощи *мнимых капиталов*, как инициатор, — останется в качестве *своей* государственной или, что то же самое, всенародной, мирской собственности *вся та доля прироста и образования капиталов, которую у парламентарного государства отнимает биржа для образования ротшильдовских богатств*.

Поясним это примером.

Представим себе, что страховое дело монополизировано государством. Это и практически давно пора было сделать, тем более, что у нас есть блестящий пример государственного страхования в Царстве Польском. Получается огромное облегчение для страхователей вследствие удешевления администрации, устранения необходимости заграничных перестрахований, и у государства остается весь тот доход, который в настоящее время идет акционерам русским и заграничным (по перестрахованию). По самой малой оценке этот доход не ниже 10 — 15 миллионов (цифр под руками у нас, к сожалению, нет).

Далее. Вернемся к примеру железной дороги, выстроенной на мнимый капитал, то есть на выпущенные знаки. Знаки эти усилили в необходимой степени народное обращение, и жечь их не приходится. Дорога — собственность государства, и весь остаток дохода, за расходами эксплуатации — чистый доход государства. Кому шел раньше этот доход? Акционерам, давшим свои готовые капиталы. Кто стоял над акционерами, ощипывая избытки их доходов путем биржевой игры? Господа X, Y, Z, маленькие доморощенные Ротшильды, знавшие ходы в «сферы» и умевшие *узнавать то, чего не знала*

в данный момент биржа. Подводя итог всей операции, мы увидим, что государство 1) устранило акционерное, *всегда своекорыстное предприятие*, побудив акционеров искать помещения своих денег, тихого и нерискованного, во вкладах; 2) лишило наживы спекулятивный элемент на бирже; 3) парализовало образование миллионов у какого-нибудь Полякова, переведя эти миллионы во всенародное, мирское достояние, в государственный запасный капитал.

Третий пример: где-нибудь на Мурманском берегу открыты серебряно-свинцовые месторождения. Трое солидных горных инженеров, составив товарищество, просят у правительства ссуду на эксплуатацию этих рудников. Дело совсем новое, оплодотворяется спавший доселе труд, следовательно, мнимый капитал вполне у места. Дается ссуда из вновь выпущенных кредитных билетов (или из вкладов, ибо вклады при оживлении дел и требовании на них пополняются всегда вновь выпущенными знаками). Устанавливается процент и погашение или предприниматели признаются государственными арендаторами. И в том, и в другом случае то, что в политической экономии называется «долею барышей капитала», осталось государственным всенародным достоянием.

Никто не помешает тем же инженерам воспользоваться услугами не мнимого, а настоящего, реального частного капитала и войти с ним в добровольную сделку. Разница будет лишь в том, что частный капитал более склонен бояться риска, ибо у его владельца нет охоты лично ехать на Мурман и нет тех средств контроля, какими располагает государство. Кроме того, мнимый капитал удовольствуется гораздо меньшим, ибо ему важен не столько размер дохода, сколько пробуждение спавшего народного труда и дальнейшая всенародная польза от дела.

Таким образом, мнимые капиталы, пускаемые в оборот государством, и реальные, то есть частные, капиталы будут работать параллельно, не мешая друг другу, и в этом имен-

но и будет заключаться здравая и справедливая экономическая политика. Они не будут мешать друг другу, ибо их цели совершенно различны. Государству важно оживить и улучшить народный труд и создать новое имущество, которое может давать доход хотя бы лишь в отдаленном будущем: государству есть время ждать. Частному капиталу важно заработать *немедленно*, то есть получить больше, чем ему платят на вкладе. Ясно, что первые капиталы экономическая политика направит хотя и на малоодоходные, но государственно-полезные дела, вторые пойдут на дела, государству безразличные, но более доходные. Элеваторы, порты, железные дороги, первые (в каком-либо деле) фабрики будут строиться на мнимые капиталы, то есть или прямо государством, или при поощрении со стороны государства; подгородные конки, подъездные пути, сельское хозяйство, фабрики, заводы, мастерские будут оборачивать капиталы реальные.

Если мы только представим себе мысленно, какое огромное количество народного труда в России может быть быстро вызвано вот этими мнимыми капиталами, мы легко поймем, как быстро, даже при крайнем бескорыстии государства, скопятся в его руках огромные запасные средства. Вспомним, что наш стомиллионный народ полгода сидит без дела, а остальные полгода, *кое-как* ковыряя землю, едва-едва вырабатывает себе годовое пропитание. Вспомним, как выколачивают из него ничтожные, сравнительно, налоги! Вспомним, как ничтожно его потребление и обмен по его совершенной нищете, и мы поймем, что, примись этот народ работать как следует (а он, как мы видели, не может, ибо нет инструмента — денег, ибо деньги спрятаны в процентные бумаги и акции), та доля, которая будет падать на *мнимые капиталы*, ссужаемые государством, быстро станет выражаться в сотнях миллионов рублей.

Чтобы выразить в одной формуле роль здесь экономической политики государства, скажем так.

Государство не отнимет у частного капиталиста, ищущего производительного помещения своих капиталов, ничего кроме *власти*, которую на Западе создает капитал и передает бирже. Оно ограничит затем у капитала всякую возможность хищной, спекулятивной наживы, не даст возможности возникнуть Ротшильду и на место его хищных капиталов, ищущих миродержавства, выставив в балансе свои собственные *запасные средства*, переведет в *христианскую мирскую* собственность всей православной Руси величины, соответственные тому или части того, что *грабят у западного человечества евреи* и на чем они же основывают свою над ним так непомерно растущую безнравственную и погибельную власть.

Вот тут-то, размотав этот несчастный клубок до конца, мы и увидим, что эти колоссальные собственные запасные средства государства не только позволяют *совсем обойтись без всяких займов и процентных бумаг*, но по мере своего роста дадут возможность государству, несмотря на постоянное возрастание своего бюджета, приняться за *постепенное облегчение существующей податной тягости*.

Да, вот одна из великих задач, совершенно не разрешимых при золоте и господстве биржи, и наоборот, очень легко разрешимая при творческой государственности, усвоившей абсолютно-денежное обращение! Налоги, составляющие государственный бюджет, представляют *всенародную складку* для произведения необходимых государственных расходов. Образованием собственных, то есть *безличных*, всенародных источников дохода можно заменить известную часть этих прямых сборов, падающих *лично* на граждан или на их *личные имущества*. В научном отношении неважно, какая именно доля налогов будет замещена собственными доходными источниками государства, важно *установление принципа*, указание пути к этому возможному замещению. А принцип этот, думается нам, установлен довольно твердо и выражается в нашем десятом тезисе.

При государственном творчестве и запасах является совершенно иной взгляд как на налоги, так и на систему таможенную.

Относительно последней, о которой мы еще не упоминали в нашем исследовании, пока можно сказать, что она изменится в смысле ее *подвижности*, как органическая часть центрального денежного учреждения. Коль скоро государство возьмет в свои руки истинное управление денежным абсолютным обращением и создаст для этого соответствующие органы, в его руках очутится сама собой монопольная торговля драгоценными металлами, являющимися орудием расчета международного. Другими словами, этот центральный государственный орган будет *устанавливать курс на золото*.

Коль скоро это достигнуто, всякий таможенный тариф теряет значение. Объявлением курса можно *ежедневно* регулировать привоз и вывоз товаров, и это установление курса в руках твердой национальной политики будет оружием неизмеримо более острым и гибким, чем тяжеловесный и мало-подвижный таможенный тариф.

Подробно исследовать этот *частный вопрос* денежной системы здесь не место, и мы надеемся вернуться к нему со временем, когда придется подвергнуть анализу дальнейшие выводы и последствия, проистекающие из нашей истории.

XXI

Нам остается рассмотреть теперь последние вопросы, составляющие органическую часть исследуемой нами денежной системы.

Необходимо, во-первых, указать, в каком виде должны находиться те запасные средства государства, которые представляют *мирское* всенародное имущество, которые служат фондом на разные экстренные расходы, являющиеся в госу-

дарственной жизни, и не только позволяют вовсе не прибегать к займам, но, наоборот, постепенно возрастая, дают возможность постепенно убавлять прямую податную тягость народа.

При золотой валюте такого рода запасные средства государства могут составлять, главным образом, вернее, единственно, в запасах золота в кладовых национального банка. Земли, леса и всякое другое имущество *нетворческому* государству совсем не нужны или бесполезны, ибо биржевой режим совершенно последовательно противится всякой государственной собственности. Государству, изображающему только внешний порядок, нечего делать с недвижимыми имуществами, которыми биржа распорядится гораздо лучше, которые она сумеет двадцать раз перебросить из рук в руки, сделав их предметом разнообразнейших спекуляций. Такое государство, даже получив недвижимость, должно стремиться поскорее от нее избавиться как от чего-то, его роли явно не соответствующего.

Да и самый золотой фонд может быть нужен только для двух целей: для обеспечения денежного обращения, и в этом смысле он опять же принадлежит не государству, а выделенному из него национальному банку, и для военных целей. Только последний фонд, совершенно особый, и может в строгом смысле считаться запасным государственным капиталом.

Государство, работающее при системе абсолютных денег, очевидно, никакого запасного капитала в денежных знаках иметь не может. Оно выше денег, оно *творит* их само и, следовательно, *оно* не может ни считать бумажки капиталом, ни помещать в них что бы то ни было. Бумажки для такого государства в лице его государственного ли казначейства или центрального государственного банка суть *мнимые величины*, инструмент расчета, но *никак не деньги*. Бумажный рубль рождается в момент перехода из рук государства в ру-

ки подданного и умирает, войдя обратно в государственную кассу. Там, в этой кассе, это костяшки на счетах, это квитки, обернувшиеся в хозяйстве, марки в булочной Филиппова. Там важно иметь этим рублям строжайший учет, но полагать в них какую-то внутреннюю силу — нелепо.

Но если запасы государства не могут быть в деньгах, то *считаться* они все же не могут иначе как на деньги.

Золото в качестве запасного фонда тоже может иметь лишь значение крайне ограниченное, и притом условное. Золото есть товар, без которого во внутренних сделках и торговле страна может почти вовсе обойтись (предметы роскоши в трудную минуту для народа теряют значение, остается только потребность в хлористом золоте для фотографии и, кажется, для медицины). Необходимость в золоте является только при необходимости покупать что-либо у иностранцев, и то только тогда, когда *обмен с ними* товаров дает баланс не в нашу пользу. Для страны, экономически самодовлеющей, то есть имеющей все продукты, ей нужные, внутри своих границ, такой надобности вовсе не представится при некоторой предусмотрительности. Для России, в частности, потребуется очень немного. Подробный разбор этого любопытного вопроса читатель найдет в нашей книге «Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве» в главе «Война и кредитный рубль», где в свое время мы обстоятельно разбирали, какие пустяки нужны нам из-за границы, и прямо отрицали необходимость золота для войны. Если, говорили мы, война победоносна и идет на неприятельской территории, мы посылаем свой хлеб, а все остальное берем путем реквизиций у побежденных. Если война менее счастлива и идет в наших границах, мы опять же кормим армию своим хлебом, а за остальное, ей нужное, платим кредитными знаками, учитываемыми впоследствии. Только современное наше неустройство ставит нас в зависимость от иностранцев, например, отчасти в оружии, в селитре, в свинце. Чтобы заготовить все это

и иметь возможность дальше покупать во время войны, мы должны иметь некоторый запас золота, то есть международных денег. Золото же это может быть добыто как из собственных рудников, так и из-за границы, накопляясь постепенно в руках казны как избыток платежей иностранцев нам против наших платежей им; или, наконец, если война застанет малый военный фонд, как заем у них, который, во всяком случае, из первых же свободных количеств золота или иных продуктов должен быть впоследствии погашен.

Чтобы определить характер запасных средств государства, необходимо рассмотреть, для чего эти запасные средства могут быть нужны. Про войну мы уже говорили. Остаются: внутренние народные бедствия, как неурожай, разного рода стихийные несчастья, эпидемии, эпизоотии и т.п.; государственные предприятия, имеющие не столько творческий (производительный), сколько *оборонительный* характер (например, лесонасаждение, борьба с обмелением рек и т.п.). Наконец, весьма важное значение запасных средств: расширение государственных расходов, то есть рост расходной росписи и постепенное уменьшение податной тяготы населения.

Из внутренних бедствий самое страшное — неурожай. Разумеется, дело идет здесь только о хлебе на продовольствие и на семена. Ясно, что единственный фонд здесь *государственные хлебные запасы*. Неурожай и громадный подъем цен в 1891 году выяснили вполне этот вопрос. Мысль П. П. Зубова, васьковского предводителя дворянства — вот прекрасная организация дела. Добавим сюда, что внутренняя торговля хлебом должна быть свободна, а весь вывоз должен составлять монополию правительства, которое может *en grand* торговать, совершенно не поддаваясь давлению любой европейской биржи, а наоборот, производя само могущественное давление на хлебных потребителей. В случае войны правительственные хлебные запасы окажутся поистине благотворными и чрезвычайно упростят и удешевят продовольс-

твие армии. В мирное время только при посредстве массовых покупок правительством хлеба в свои элеваторы и можно поддержать, где нужно, цены, ставящие сельского хозяина иногда в критическое положение. Более подробные объяснения в нашу программу пока не входят.

Борьба с эпидемиями и эпизоотиями по их преимущественно местному характеру является вопросом до некоторой степени спорным: государственное ли это в экономическом смысле дело? Не достаточно ли для государства иметь лишь распоряжение и руководство в этой борьбе, возлагая все расходы на органы местного самоуправления и их *запасные средства*? Но, если бы государству и пришлось уделить на это собственные свои средства, то самое рациональное заимствование их из кассовой наличности вкладов, не включая вовсе в роспись, а возвращая вновь на вклад из образующихся свободных средств, то есть их будущих сверхсметных доходов.

Совершенно то же и при всяком ином государственном чрезвычайном расходе, хотя и вызывающем некоторый народный труд, но не рождающем его, а только претворяющим труд готовый. Спасение реки от обмеления ничего не создаст вновь, а только поддержит существующее, и те же рабочие руки, может быть, с еще большей пользой были бы заняты на другом деле. Здесь народный труд не только не оплодотворяется, но, пожалуй, даже тратится непроизводительно, по нужде, расходуется из запаса, а потому мнимые капиталы никакого приложения иметь не могут. Ясно, что *этот запас только и может быть в том же виде, что и запас всякого иного рода частного труда* (капитал — концентрированный труд), то есть во вкладах в центральном учреждении народного хозяйства. Труд, потребный в этом случае правительству, угнетает до известной степени частный труд на рынке, и это математически точно выражается в угнетении коммерческой операцией казны коммерческих операций частных лиц в учреждении, ведающем вкладами и ссудами.

Поэтому и эта часть государственного запасного капитала не может быть помещена ни в чем ином, как во вкладах. Ответственное учреждение окажется здесь истинным регулятором, с точностью указывающим взаимное соотношение капитала и труда государственного, мирского с капиталами и трудом частных лиц. *В этом соотношении и будет лежать истинный государственный запас специального назначения.*

Поясним это примером.

Десять лет подряд правительство, допустим, вносило на вклады, ставя в свою смету, скажем, по 3 миллиона рублей на улучшение рек. Образовался фонд в 30 миллионов рублей. В данном году эта сумма вынута и истрачена на реки. Никаких замешательств в денежном обращении не произошло, ибо *выем этих денег отразился на денежном обращении как раз настолько, на сколько отвлечение на реки массы рук отразилось на промышленности и земледелии.* Иначе и быть не может, ибо при системе ссуд и вкладов все денежное обращение является точнейшим отражением явлений жизни, то есть относительного положения в данную минуту труда и капитала.

Таким образом, и самая идея государственного запаса, или запасного капитала в остальной его части, то есть кроме золотого фонда и хлеба, сводится на *запас труда*, выражаемого в тех же денежных, то есть ценовых единицах, в которых выражается труд и запасы труда, то есть капиталы у всех граждан государства. Другими словами, пока государство оплодотворяет труд, оно выдает под него авансы, то есть печатает знаки, но *имея дело с запасом труда готового, оно становится в ряд со всеми отдельными гражданами и хозяйничает, как и они, меряя на ту же единицу и проходя сквозь тот же регулятор.*

Как и они, государство, вооруженное лишь колоссальным творчеством, непрерывно богатеет, то есть располагает все большим количеством продукта и запасного труда.

Как и частный капиталист, оно быстро переходит за ту черту, где даже роскошная жизнь не поглощает всех доходов. Капиталист продолжает богатеть, или начинает дарить свои излишки согражданам¹, или, наконец, начинает давить своим капиталом, создавать свою власть и миродержавство, если есть для этого орудие — биржа (например, Ротшильды). Государство, изображающее всенародный мир, начинает равномерно облегчать податную тяжесть своих граждан, убавляя или вовсе отменяя некоторые налоги (Соединенные Штаты). По существу, это один и тот же процесс, регулируемый *нравственным началом*, коего применение чрезвычайно облегчается *основанными на чисто нравственном же начале* абсолютными деньгами.

XXII

Чтобы закончить настоящее исследование, нам остается выразить в кратких чертах ту экономическую политику, которая, будучи основана на абсолютно-дежном обращении, может создать наилучшие материальные условия для стра-

¹ Любопытный вывод этот осуществляется иногда раньше, чем для него вполне настало время. Возьмем, например, наших Третьяковых, давших России прекрасную национальную галерею. Возьмем американцев: Лика, давшего средства на постройку великолепной обсерватории, или Станфорда-старшего, основавшего богатейший в мире университет на Пало Альто в Калифорнии. Не много нужно просвещения и патриотизма, чтобы делать даже огромные пожертвования на пользу своей родины, если богачу некуда иначе девать свои деньги и если не строить обсерваторий и картинных галерей, то кроме бития дорогих зеркал и посуды ровно ничего не придумашь.

Когда посредством системы абсолютных денег у капитала будет отнята всякая политическая власть, миллионеру в самом деле ничего иного не останется, как то или другое меценатство, и здесь он будет вне конкуренции с государством; тогда быстрое обогащение единиц станет для страны поистине благодеянием, а для самих богачей высшей нравственной наградой за их предыдущий труд в виде возможности делать высшее добро, не всегда доступное монархам.

ны, установив истинно свободные и справедливые отношения между тремя основными экономическими элементами: трудом, капиталом и знанием и представив государству как всю подобающую ему (на Западе узурпированную капиталом) *власть*, так и подобающее ему *творчество* вместе с его результатом — собственными, то есть мирскими, всенародными средствами.

Прежде всего эта экономическая политика должна на основании изложенных начал установить сеть учреждений, соответствующих абсолютным деньгам. В основу этих учреждений должен быть положен принцип строгого разделения *хозяйства собственно государственного* (расходы управления, просвещения, обороны, суда и пр., словом, расходы по росписи) от *хозяйства народного*, оживляют и денежное обращение, народный кредит или в широком смысле *управление народными капиталами и трудом*.

Сеть учреждений поэтому расположится так.

Наверху отдельно стоящее учреждение, ведающее государственной росписью, то есть расходами и приходами государства, а также его собственными капиталами и доходами, являющимися долей государства как *результатом* оплодотворенного народного труда. Это будет в строгом смысле *Державная Казна*, соответствующая в принятой у нас терминологии части Министерства финансов, Государственному Казначейству.

Рядом в совершенной независимости от первого учреждение, ведающее денежным обращением, народным кредитом и денежной частью всенародных государственных предприятий. Это будет *Большая Казна*, или по современной терминологии — Государственный Банк.

Внизу, в областях (губерниях) и уездах, должны быть *Приказы Большой Казны* (отделения Государственного Банка первого и второго разрядов, слитые вместе с уездными и губернскими казначействами). Сеть этих учреждений должна

быть одна, несмотря на одновременные их операции с частными и государственными суммами. Так как счет ведется на одинаковую единицу и движение денег одинаковое, то никакого затруднения в счетоводстве быть не может, а между тем при подобном единстве *Большая Казна* может в любую минуту с величайшей точностью иметь все данные как об общем денежном обращении, так и о специальном состоянии счетов Державной Казны.

Главная задача Большой Казны — управление денежным обращением посредством приема повсюду во всех своих приказах вкладов, выдачи повсюду же ссуд, установление повсюду земледельческого, торгового и промышленного кредита, а также и посредством выпуска в обращение и уничтожения излишних денежных знаков.

При таких условиях всевозможные частные и общественные или акционерные банки становятся совершенной аномалией и не потому, между прочим, чтобы государство стало их преследовать или закрывать, а по невозможности конкурировать с совершенно *бескорыстным* государственным кредитом, довольствующимся самым небольшим чистым доходом в запасные средства государства. Для частного кредита останется лишь одна форма при известных условиях, может быть, еще более выгодная — это общества взаимного кредита.

Кредит государственный уже потому исключит кредит частный, понудит, так сказать, частный капитал пройти сквозь вклады, что в местных приказах примут живое и деятельное участие (оформленное весьма широко уставом) всевозможные самоуправляющиеся местные земские, городские, сословные, торговые и промышленные учреждения и частные союзы и общества. Даже самое установление ссудного и вкладного процентов будет принадлежать местным приказам с ведома и согласия, разумеется, центрального учреждения.

Такова схема организации денежного обращения, в тесной связи с которой будет и экономическая политика государства, уже обрисованная в общих чертах в предыдущих главах и здесь лишь кратко формулируемая.

Эта экономическая политика, во-первых, *должна пробуждать народный труд и улучшать формы существующего*. Достижимо это посредством как мнимых, так и реальных капиталов, создавая на тех и других льготный, простой и доступный всякому трудящемуся кредит. При всем разнообразии его форм, преобладающими типами будут: *кредит земледельческий, ипотечный и мелиоративный* — долгосрочный, с неизменным на долгое время ссудным процентом. Соответственно этому кредиту имеются и капиталы, ищущие особенно долгого, иногда вечного и прочного помещения. Таковы капиталы различных учреждений, по своему нравственно верному и неподвижному характеру как раз отвечающие прочному и взаимному ипотечному кредиту. *Кредит земледельческий и промышленный оборотный*, с более короткими сроками, чем ипотечный, но все еще с долгими сроками, дающий возможность выдерживать на складе запасы произведений и товаров. Ему соответствуют и менее долгосрочные вклады, представляющие капиталы частных лиц или запасные капиталы общественных учреждений, союзов, промышленных предприятий. Наконец, *кредит торговый, учетный*, с краткими сроками. Ему соответствуют и краткосрочные вклады, или текущие счета.

Включение *уездов* в сеть учреждений Большой Казны даст полную возможность развивать и *сельский кредит*, оживить множество небольших крестьянских и владельческих предприятий и создать столь необходимую *зимнюю работу* русскому народу. Пусть всякое крестьянское товарищество, всякий отдельный крестьянин или сельский мир имеют право кредитоваться и долгосрочно, и краткосрочно, при гарантии в смысле солидности начинания, хотя бы на самые ма-

лые суммы, и пусть не возражают, что этот вид кредита потребует чрезвычайно сложной бухгалтерии в уездном приказе и большого персонала.

Если бы нынешние уездные казначейства с одним казначеем-бухгалтером и двумя-тремя писарями, ничего иного не знающими, как выдавать жалованье, оплачивать купоны и принимать налоги от старост и старшин, обратились в огромные палаты с многочисленными отделениями и множеством служащих, это означало бы только, что уезд делает огромные обороты, что *он живет*.

Очень возможно, что практика вызовет вскоре и новые, еще более мелкие учреждения, подведомственные Большой Казне, — кредитные учреждения приходские (когда же станет, наконец, *приход*, а не бумажная волость низшей административно-земской единицей?!). Но это уже частности.

Возвращаемся к экономической политике. В области денежного обращения ее вторая формула: *увеличивать собственные средства государства, то есть капиталы и запасы всенародные*. Центральным органом здесь является также Большая Казна, эти капиталы создающая и управляющая их обращением, и займет Державная Казна, их расходующая, вместе с теми средствами, которые собираются с народа на расходы государственные.

Мы уже достаточно выяснили, кажется, способ и условия образования и помещения государственных запасных капиталов. Здесь может идти речь только о счетоводстве и об операциях с ними Большой Казны. Капиталы эти будут, очевидно, на вкладах наравне со всякими другими общественными и частными капиталами, но в банковской деятельности учреждения их значение ввиду несколько особого их характера будет иное. Запасы народного труда, в них выраженные, в общих оборотах казны будут тем же, чем балласт на корабле; при усиленной нагрузке излишний балласт снимается, но он же необходимо увеличивается при нагрузке малой,

дабы придать судну надлежащую осадку и, следовательно, надлежащую устойчивость.

Переводя этот пример на формы государственного хозяйства, его можно выразить так: государственные запасные капиталы, выражающие концентрированный народный труд в распоряжении Державной Казны, представляют в операциях Большой Казны подвижный, сжимаемый и расширяемый по требованию минуты элемент. *В тяжелую для государства минуту это прямо расходуемые запасные средства* (от чего, разумеется, пострадают косвенно текущий труд и капиталы, но ведь тем же и отличается трудная минута); *в спокойное время при оживлении народного труда капитал этот должен возрасти, то есть налоги быть больше, в обратном случае, то есть при застое, налоги должны уменьшаться.* Вот формула, совершенно не известная западной финансовой теории, но представляющая прямой вывод из нашей теории абсолютных денег. Согласимся, что подобный регулятор представляет для государства огромную важность, ибо три рубля, взысканные с гражданина, выгодно работающего, легче для него иногда, чем рубль, взысканный с него же в минуту кризиса. А западная финансовая система дает как раз обратное. Именно в минуту, тяжелую для граждан, и должны увеличиваться их жертвы на свою государственность.

XXIII

Мы были бы несправедливы к представителям западной науки, если бы вздумали приписывать исключительно русской мысли возникновение и развитие вышесказанных здесь положений. Среди западных экономистов совершенно особняком стоит великий немецкий мыслитель (хотя и славянского происхождения) Родбертус-Ягцов, который в одном из своих превосходных трудов с величайшей ясностью

охарактеризовал денежную историю человечества и прямо высказал мысль о бумажных деньгах как о завершении его трудного и болезненного финансового развития. Это не глубокое и подробное научное исследование, это лишь беглая заметка в форме объяснительного примечания к другому труду, но это примечание стоит томов. Вот оно.

«Деньги, как ликвидационное средство разделения труда, развиваются по трем главным историческим моментам. Сначала они еще вполне *товар*, затем они служат уже *только показателем цены* и удерживают свое качество товара *только для того, чтобы правильно показывать*.

В-третьих, они не нуждаются уже более в *товарном качестве*, но не суть еще исключительно *только квитанция и перевод*. Эти три фазы денег вполне соответствуют трем хозяйственным фазам (то есть *ойкос*, или семейно-родовое хозяйство, *полис*, или хозяйство земледельческо-городское, и *современное государство*). Пока оборот имуществ покоится еще на тяжело обращающемся механизме денег, которые словом *rescilia* напоминают о своем происхождении и, следовательно, существуют ли они еще *в быках или уже в золоте*, сами еще *обращаются вместе, как товар*, до тех пор все еще существует натурально-хозяйственное положение, хотя бы обращающиеся суммы составляли тысячи фунтов золота (или 683 вагона Французского национального банка), как они обыкновенно также и циркулируют в действительных весовых фунтах... Если же затем деньги приобретают в большей мере значение показателя и *удерживают свое товарное качество только еще как предполагаемое ручательство за правильность показания*, то есть это качество товара исполняет еще только судсидиарную задачу быть регулятором потребления, равномерного с производством, тогда натурально-хозяйственное положение вытесняется *денежно-хозяйственным*, но оно пока еще только именно денежно-хозяйственное, а не *кредитно-хозяйственное*. Таковое по-

ложение денег в нашем нынешнем состоянии: товарные обороты гораздо менее совершаются посредством денег, чем *вычисляются на деньги, сравниваются с последними*. Деньги же в качестве товара выступают только еще как *конечный регулятор ценности (точнее, как единица измерения. — Авт.)*. Между тем кредитно-финансовый характер обнаружится только тогда, когда деньги сделаются *исключительно только квитанцией, переводом, когда они окончательно выбросят за борт свое товарное качество* и в состоянии будут делать это по той причине, что тогда будут уже существовать *такие социальные учреждения, которые позволяют оказывать полное доверие даже такому нефундированному (необеспеченному) показателю цены. Насколько еще лежит в будущем осуществление этих условий, настолько еще мы удалены от наступления кредитно-хозяйственного периода*.

Вот блестящее изложение научно-экономическое и философское подтверждение изложенной нами в этих статьях денежной теории. Мы начали именно с того, на чем остановился великий экономист. Дело в том, что наши бумажки историческим путем уже стали абсолютными деньгами, разошлись с золотом и совершенно утратили свое значение *денег-товара*. На Западе еще во всей силе продолжается период *товарно-денежного хозяйства*, у нас уже совершился переход к *абсолютно-денежному хозяйству*. Те условия, о которых мечтал Родбертус, то есть необходимый элемент доверия и соответствующие учреждения, у нас наполовину имеются. Непоколебимое доверие к верховной власти налично, на нем построен весь наш государственный быт.

Недостает надлежащих финансовых учреждений, но их не так трудно создать. Зачем же возвращать Россию к пережитому ею и, по меткому выражению Родбертуса, выброшенному за борт денежному хозяйству? Зачем добиваться и искать того, чтобы золото, переставшее быть у нас деньгами и ставшее ценным товаром и *деньгами только международными*, вновь

овладело нашей финансовой системой? Не мешайте естественному прогрессу (в хорошем смысле), не мешайте России идти по тому пути, по которому Бог, видимо, ведет ее впереди других племен и народов, заставив, хотя и со страшной болью, выработать (или подойти к выработке) идеальную политическую форму государственности и теперь, принуждая вырабатывать новую и совершеннейшую, чем где-либо, денежную систему. Повторяем: будем глядеть вперед, а не назад.

К золоту мы не вернемся и вернуться не можем. Утешимся. Золото — отжившая *рабская и языческая* форма денег. Рабская потому, что приводит естественно к господству капитала над трудом, еврея над христианином, биржи над церковью. Языческая потому, что золото-деньги исключают *нравственную роль государства*. России предстоит с болью, с жертвами, недоразумениями и ошибками, конечно, выработать систему *христианских денег*, то есть таких, при которых денежный знак является безусловно послушным орудием в руках *христианского государства* и не искажает форм труда и нравственных основ *христианского общества*, а мы, словно евреи вокруг золотого тельца, плачем и рыдаем, что история разрушает этого божка...

Вот почему мы повторяем с особенной настойчивостью: будем же, наконец, смотреть на деньги как на *орудие учета народного труда, знаний и капитала*. Только этот ясный и простой взгляд выведет нас из тех финансовых дебрей, в которых беспомощно бродят господа Гурьевы и К^о, предлагая проекты, один другого страннее и нелепее. Поймем же, наконец, что нам нужно одно-единственное условие.

Найти денежную единицу, которая была бы *постоянной сама по себе, а не по отношению к золоту*.

Эта единица у нас есть. Ее дала нам история. Это бумажный рубль, выпускаемый верховной властью. Условия его постоянства определены нами подробно раньше. Постоянство это — его *нейтральность*, его *безразличие*, его *невмеша-*

тельство в те сделки, которые при помощи его совершаются. Чтобы это условие было достигнуто, рублей в каждой точке русской территории нужно налицо столько, *сколько потребует жизнь*. Если этих рублей меньше, недостаток их давит труд, знание и капитал в одну сторону. Если их больше — в другую. Спасение от зла — устройство правильных органов денежного хозяйства, где рубли рождаются, действуют и исчезают совершенно автоматически, то есть как *перевод*, как *квитанция*, а не как самостоятельный товар...

XXIV

Теперь, надеемся, оправдан и наш последний, одиннадцатый тезис.

Осуществление в полном виде системы финансов, основанной на абсолютных деньгах, изменит самый характер современного русского государственного строя, освободив его от посторонних влияний, усилив его нравственную сторону бытия и дав возможность проведения свободной христианской политики.

В самом деле: бумажные деньги при стройности и полноте учреждений и надлежащей экономической политике являются удивительным организатором и счетчиком народного труда. При бумажных деньгах только и возможна *идеальная свобода как государства*, так и его отдельных *граждан* от всякого посползновения с чьей-либо стороны узурпировать власть. Эта власть остается за тем, кому она исторически принадлежит, и остается в ее чистом, свободном виде.

Такая власть, отданная добровольно, являющаяся *тяжким бременем, великим подвигом, а не торжеством, не целью*, и будет *истинно христианской*, а освобождение трудящихся и сберегающих от биржевого насилия, хищной еврейской власти золота и неминуемых социальных катастроф

будет тем торжеством *христианской цивилизации*, которую утратил Запад, и *духовно, и научно, и экономически* сбившись с дороги.

Да, читатель! Позвольте в заключение этих бесед высказать нашу главную, основную руководящую мысль. Христианская истина, неся человечеству свет *истинной свободы*, одна, только одна способна дать критерий и для христианской политики, и для христианской экономики. Отживающая и подошедшая к абсурду и самоубийству цивилизация Запада характеризуется тем, что во всех областях, мало-помалу, поставила основой грубый, бессмысленный и злой физический закон *необходимости*.

Этот закон материализма, двинув вперед науки точные и создав великие успехи техники, овладел затем и душой человека, убил ее свободу, отрекся и от самой души, низложил в гордыне своей Творца и Спасителя душ. Дальше идти некуда... Побежденные стихийные силы в природе воскресли в буйствующей душе человека и погубили ее. Для западной цивилизации уже начинается тьма, небытие. У динамита нет ни мысли, ни оправдания, ни философии. Его девиз один — *гибель всему*. И Запад гибнет в страшных конвульсиях. Припомните Сантандер и Барселону, прочтите письма маленького, ничтожного и бесцветного анархиста Лотье, вонзившего ни с того ни с сего нож в сербского посланника Георгиевича, и вы увидите, что это наивное признание дикаря — *последнее* строго логическое слово западной цивилизации, эпитафия над ее могилой.

Да, эта цивилизация погибла. Ее когда-то гордые носители, ее изжившие и пережившие, с надеждой и детской радостью встречают в самом всемирном центре этой цивилизации грядущую другую, жадно ловят новый свет с Востока. И эта цивилизация идет совсем новая, совсем другая, с другим основным законом, *законом свободы во Христе*. Задача этой цивилизации — вернуть вновь в подчинение стихийные силы,

сложить вновь к подножию веры слепой закон необходимости, вознести и очистить душу человеческую.

Экономия и финансы — суть великие *орудия* общежития человеческого. В руках у закона необходимости они приспешили лишь смерть цивилизации Запада. Освященные и согретые законом христианской свободы, они возродят наше общежитие и создадут и истинную государственность, и истинную христианскую цивилизацию. Падет биржа, ставшая Церковью, и воссияет истинная Христова Церковь.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ТИХОМИРОВ Лев Александрович
1852 — 1923

В молодости принадлежал к революционному движению, от которого отошел, осознав его преступный антирусский характер. Получив прощение лично от Царя, посвятил свою жизнь научной разработке проблем национальных основ бытия.

В области экономики отстаивал необходимость развития самобытных хозяйственных начал. Его идеал — не зависящая от иностранного капитала экономика — автаркия, создающая могучее самоудовлетворяющееся производство, регулируемое государственными органами. Россия должна перерабатывать свое собственное сырье и рассчитывать только на свой собственный рынок. Земледелие и промышленность в этой экономике гармонично связаны, а не противостоят друг другу.

Русское государство, по мнению Л. Тихомирова, должно создать «особый орган, специально экономический, охватывающий мысль и действием все стороны производства». «Экономическая политика, — считал он, — может стать целесообразной только когда имеет в виду целое производство страны, а не исключительно какие-либо отдельные его части».

Исследуя причины экономических ошибок России, Л. Тихомиров отмечал, что чисто экономические условия страны совершенно не допускают у нас организации производства по типу капиталистических стран. Он протестует против «переустройства всей России по английскому типу»,

против «подражательности» русской интеллигенции, которая готова «перенимать у Европы и политическое устройство, и веру, и нравы, и безнравственность, и вообще все, что ни увидим».

Решение крестьянского вопроса видится Тихомировым путем ликвидации чересполосицы и создания крупных крестьянских имений с долгим сроком владения, не дробимых и не отчуждаемых из сословия.

Тихомиров выдвигает и свой вариант решения рабочего вопроса. В отличие от предлагаемых либералами и леворадикалами планов объединения рабочих в пред-юнионы по западноевропейскому образцу, он предлагает идею сплочения и развития рабочих путем создания рабочих общин. «Рабочие союзы, — писал он, — должны были бы явиться у нас не узкопрофессиональным экономическим учреждением, но некоторой общиной, объединяющей фабрично-заводских рабочих во всех главных отраслях их нужд. Крестьянин, являясь в город из своей деревни, попадал как бы в ту же привычную ему общину, но только более развитую...

Эта цель не заключает в себе ничего революционного, она не требует какого-либо переворота в России, только наоборот, требует достройки... Будущее рабочее сословие, естественно, должно состоять из рабочих общин. Цель рабочих союзов состоит в том, чтобы послужить постепенным переходом в рабочие общины».

По мнению Тихомирова, рабочие общины должны находиться в постоянной связи с сельскими общинами для совместного устройства в деревне хороших приютов для «нуждающихся в воздухе, отдыхе и поправке». В сельские общины можно устраивать вдов и сирот городских рабочих и, наконец, направлять их самих на заслуженный отдых. «Такая связь городских рабочих с деревенскими собратьями усилит независимость городских рабочих...»

Социально-экономические идеи современности

(...) Государственная власть не есть власть произвольная, а имеет совершенно определенные обязанности — охранять, укреплять, развивать именно ту страну, тот строй, те основы, существование коих только и дало государству его власть и права.

Это основная истина государственной науки определяет и *экономическую политику* государства. И здесь обязанности правительства определяются вовсе не отвлеченными идеями о каких бы то ни было фазисах эволюции и стадиях развития, а *потребностями, запросами и выгодами именно того производства, которое создает себе нация*. Государство дает свою силу, которая есть не что иное, как сила национальная, на упорядочение и поддержание не какого-либо отвлеченного «труда», а труда реального, национального, на защиту национального экономического строя.

Вот путь, на котором может быть создана экономическая политика, действительно нужная стране; никакой другой нельзя ни практически пожелать, ни теоретически оправдать.

Можно, конечно, заметить, что сама власть должна позаботиться о том, чтоб ее экономическая политика не принимала субъективной окраски личных вкусов и пожеланий теоретиков.

К сожалению, нельзя не признать, что далеко не легко уберечься от этих влияний, ибо власть не может не искать осведомления у людей, признаваемых специалистами по экономическим вопросам. Отсюда особая опасность тенденциозности этих специалистов. Тенденциозность эта искажает самую науку, тот свод данных, в которых каждый, а в том числе и власть, предполагает видеть только точную регистрацию беспристрастно наблюдаемых фактов. Вместо же этой объективной регистрации мы на деле встречаем в «научных»

исследованиях односторонний подбор фактов и искусственную их группировку, совершенно затемняющую их истинный смысл.

Для установки экономической политики требуется точное и ясное изучение национальной продукции в ее целом, дабы мы могли видеть, какие стороны производства и в какой мере правильно сочетаются, какие более сильно держатся, какие требуют искусственного поддержания или даже создания. Национальные потребности, удовлетворенные и ждущие удовлетворения, легкость или трудность их удовлетворения собственными средствами страны, — должны явиться перед нами в цельной и точной картине.

Вот, собственно, *первая* забота экономической статистики и национальной политической экономии, и лишь на этом фоне может разумно и плодотворно развиваться изыскание самых *мероприятий*. К сожалению, наша наука, превращаясь в сбор разнородных партийных программ, утрачивает понимание главной своей задачи.

По неразработанности ее ныне является уже какое-то суеверное преклонение перед фабрикой, с готовностью жертвовать ее развитию не только интересами земли, но даже экономической независимостью страны — что было бы равносильно пожертвованию и ее национальной независимостью.

Национальная экономика

Как бы то ни было, каковы бы ни были суммы производства различных отраслей промышленности и производительность труда каждой из них, — их совокупное соотношение не может быть оцениваемо иначе как с точки зрения выгоды целого, а не отдельных частей. Производство представляет собой некоторое цельное, органическое явление, в отношении которого невозможна иная точка зрения, как таковая же

цельная, органическая, национальная. Страннее всего были бы какие бы то ни было сомнения в первенствующей важности земледелия. Добывающая промышленность есть *основа*, без нее невозможно жить, и особенно важно сельское хозяйство.

В мировом хозяйстве различные отрасли земледелия суть *единственный* неистощимый источник постоянного *накопления* на земле той солнечной энергии, которая есть источник нашей жизни. Все остальные отрасли добывающей промышленности составляют эксплуатацию *запасов* этой энергии, растрату капитала. Только земледелие, лесоводство, скотоводство и рыбное хозяйство могут быть поставлены так, что ничего не растрачивают, но вечно умножают общечеловеческий капитал и общечеловеческие средства к жизни. В мировой экономике, поэтому, забота о сельском хозяйстве, об его развитии, усилении, процветании — есть забота первая, забота, которую люди не могут забывать без немедленного жестокого наказания.

Но чем крупнее отдельная страна, чем богаче ее условия добывающей промышленности, тем более относится к ней, в частности, эта общая обязанность мировой экономики. Какие-нибудь небольшие городские общины, небольшие территории, могут с выгодой специализироваться на обрабатывающей промышленности. Великая страна, как Россия, совершила бы истинное безумие, позабыв в своей экономике источник накопления энергии — сельское хозяйство. Захудание сельского хозяйства должно вести *такую* страну прямо к гибели от истощения, как оно привело к нему, по мнению Либиха, доклассический мир.

Само собою, обрабатывающая промышленность безусловно необходима. Оба вида производства неразрывно связаны. Нет почти никакого сырья, которое годилось бы в употребление совсем без обработки. Но мы должны твердо помнить *границы* развития обрабатывающей промышленности. В ми-

ровой экономике задача обрабатывающей промышленности — *обработать весь добываемый сырой материал*, и никак не более того. Всякое «развитие» средств обрабатывающей промышленности далее этого — было бы уже бесполезною растратой силы, созданием ни на что не нужного орудия. Это общее правило опять-таки тем полнее прилагается к отдельной стране, чем она более велика. В сильнейшей степени оно прилагается, понятно, к таким государствам, как Россия, которые составляют сами в себе целый мир разнообразных условий самой разнообразной продукции.

Мы должны заботиться о развитии промышленности обрабатывающей, но должны также знать ее идеал: она имеет задачей *обработать все наше сырье*. Она теснейше связана с добывающею промышленностью, и обе вместе связаны с *внутренним рынком*.

Есть много данных, указывающих, что чем ближе обрабатывающая промышленность к сельскому хозяйству, тем она производительнее. Так, *среднее* производство рабочего 470 руб. Но, например, в *винокуренном* производстве оно доходит до 1000 руб., в *сахарном* до 1130 руб., в *мукомольном* даже до 1500 руб.

Вообще *наиболее выгодные отрасли производства суть те, которые перерабатывают наше собственное сырье и рассчитаны на наш собственный рынок*. Такие отрасли труда действуют вдвойне благотворительно, одновременно оживляя и добывающую, и обрабатывающую промышленность, доставляя первой сбыт, а второй — наиболее дешевое сырье, вследствие чего продукт обработки и является более дешевым и в то же время заключает в себе труд более производительный.

Признавая в общем справедливость выставленных мною положений, г. Федоров возражает: «Почему г. Тихомирову кажется, что нужно перерабатывать *исключительно* свое сырье? Нам кажется, что надо перерабатывать самое выгодное

сырье, причем, конечно, в большинстве случаев таким окажется собственное сырье. Но могут быть и исключения»¹.

На это повторю прежде всего, что я не говорил *«исключительно* свое сырье», а говорил *«все* свое сырье». Это большая разница.

В отношении же выгоды г. Федоров рассуждает не как *экономист*, а как *коммерсант*. Он под «выгодным» сырьем понимает «дешевое». Это очень хорошо для частного спекулятора: «оправдал» капитал — и достаточно. Но для национальной экономии *чужое* сырье, хотя бы и дешевое, есть дело, к которому надо относиться очень осторожно. Дешевизна чужого сырья и его доступность — *не зависят от нас* и могут меняться самым невыгодным для нас образом. Мы же из-за временной дешевизны разовьем тем временем целую отрасль промышленности, которая в случае невыгодных изменений стоимости чужого сырья может подвергнуться даже полному краху или, по малой мере, необходимости трудного и болезненного перехода к чему-нибудь другому. Тут дешевое сойдет за очень дорогое. Да притом в погоне за дешевым чужим сырьем мы можем подрывать или совсем убивать соприкасающиеся отрасли *собственного* добывающего производства.

Итак, хотя я вполне признаю «исключения», о которых говорит г. Федоров, но никак не в виду одной *дешевизны* чужого сырья. Пусть этим соображением руководствуются отдельные купцы и фабриканты. А национальная политическая экономия и правительство в своих мерах, конечно, должны руководствоваться соображениями пошире и подальновиднее. Г. Федоров отлично понимает это, когда дело идет о *фабрике*, и хотя иностранный фабрикат *дешевле* русского (то есть выгоднее), не хочет, однако, пропускать его свободно, а стоит

1 Здесь и далее речь идет о положениях, высказанных в статье «Русская промышленность и иностранные капиталы», опубликованной в «Торгово-промышленной газете» 256 за 1898 г., содержавшей стандартный набор аргументов в защиту так называемого мирового рынка — О.П.

за протекционную систему. Когда же дело касается сельского хозяйства, г. Федоров рассуждает совершенно иначе, и *дешевизна* чужого сырья для него совершенно достаточная причина для введения его в отечественную промышленность.

Для меня мерка в обоих случаях одна. Она определяется (для *великой* страны) обеспеченностью *самоудовлетворения*, которое, будучи нужно в отношении национальной независимости, в то же время *наиболее выгодно* экономически, если подсчитать выгоду не за один день или месяц (как считает по своей мерке частный спекулятор), а за вековую жизнь нации.

Для стран мелких, с однообразными условиями климата и почвы, возможна экономическая политика, основанная на каком-нибудь одностороннем развитии производства. Для них это может быть даже обязательно, ибо недостаток собственных продуктов может сделать безусловно необходимую связь с иностранными рынками. Для таких стран возможна поэтому политика, основанная на завоевании иностранных рынков.

Для великих стран с разнообразною продукцией разумна лишь политика иного рода: *национальная*, основанная на возможно полном внутреннем самоудовлетворении, на возможно тесной связи *своей* собственной фабрики со *своей* же собственной землей. Иностранный рынок является здесь исключением, не *основой*, а небольшим *придатком*. Забота об иностранном рынке в таких странах не может ни на минуту отвращать всего нашего внимания от рынка внутреннего.

Равновесие производства и иностранные рынки

В теоретической формуле задачи национальной экономики сводятся к следующим пунктам: 1) возможно сильное производство, 2) возможно полное *равновесие производства*,

3) возможно правильное распределение продукта. Из этих трех задач нас в настоящее время должна занять наиболее *вторая*, потому что о ней наименее думают.

Равновесие производства состоит в том, что различные его отрасли в области добывающей и обрабатывающей промышленности вполне гармонизованы, вполне удовлетворяют одна другую, дают одна другой то, *что нужно*, и столько, *сколько нужно*. Тогда они этим самым и взаимно поощряют одна другую к дальнейшему развитию, а в значительной степени помогают даже правильности распределения.

Это равновесие производств недостижимо для стран *одностороннего* промышленного развития, вследствие этого *естественно* подчиненных иностранному рынку. Но именно в стране великой, как Россия, такое внутреннее равновесие и отсюда независимость от «мирового рынка» представляются возможными.

Между тем фактически этого не замечается, и влияние мирового рынка у нас не только очень велико, но и крайне тяжело.

«Едва ли нужно доказывать, говорит сам г. Федоров, что причины временно переживаемого нами упадка нашего сельского хозяйства коренятся прежде всего в том *мировом* движении цен на продукты этого хозяйства, которое требует понижения стоимости производства их до уровня, невысказанного для первобытных приемов хозяйства».

Г. Федорову, однако, не приходит в голову совершенно ясный вопрос: если земледелие находится в таком критическом положении, то не о *нем* ли самом следует подумать, а не о фабрике?

Вместо этого он ставит дело так, будто бы наше земледелие страдает главным образом из-за неразвитости обрабатывающей промышленности. Вся статья построена на доказательствах, что наше сырье не успевает перерабатываться нашими фабриками, откуда вывод, что последние требуют

еще большего расширения и новых на то затрат, для чего нужно привлечь поток иностранных капиталов.

Я, собственно, не спору против необходимости расширения обработки, но *в общем* факт *развития* обрабатывающей промышленности рядом с *упадком* сельского хозяйства совершенно ясно показывает, что обе главные отрасли промышленности у нас не гармонизированы, а разъединены. А это разъединение, конечно, является результатом *искусственной* связи с иностранными рынками, откуда и болезненное влияние на нас «мировых цен». Г. же Федоров продолжает хлопотать только о том, чтобы еще более нас связать с «мировым рынком».

Далеко не всегда, однако, можно излечить свои экономические недуги усилением связи своей с мировым рынком. В положении России, быть может, важнее было бы не разгонять во что бы то ни стало и за какие угодно проценты, платимые иностранцам, свой «капитализм», а обратить внимание на *повышение производительности сельского хозяйства* и на освобождение его от убивающего влияния цен «мирового рынка».

В этом отношении привлечение иностранных капиталов мне кажется совершенно антицелесообразным. Привлекать к себе иностранные капиталы — это значит вести обработку в долг, да еще на самых невыгодных условиях, т.е. с предоставлением заимодавцу выжимать из нас столько процентов, сколько у него хватит силы выжать. Но ясно, что производя обработку на занятые деньги, мы непременно *удорожаем* продукт на всю ту сумму, какую составляют проценты с них и погашение долга.

Ясно, следовательно, что оперировать на занятые деньги нужно очень обдуманно и строго *в меру национальной потребности* и по *разумному плану*, а вовсе не из таких произвольных фантазий, как развитие обрабатывающей промышленности *an und fur sich*. Не потому ли так и слаба наша круп-

ная промышленность, что — вся в долгах, и не потому ли так высоки цены ее продуктов?

Г. Федоров возражает: «Как может быть наша крупная промышленность, погашающая нередко основные издержки в несколько лет, быть вся в долгу — это секрет г. Тихомирова».

К сожалению, зло уже настолько велико, что ни для кого не составляет секрета. Всем известно, что количество иностранных капиталов у нас в промышленности *увеличивается*, а стало быть, мы за них постоянно все больше платим. Безо всякого секрета мне, как каждому, небезызвестно, что и помимо официально регистрируемых иностранных компаний, даже русские по имени и наружности промышленные предприятия иногда находятся, по капиталам, в полной зависимости от иностранцев.

Вот это обстоятельство тысячью прямых и косвенных путей усиливает нашу зависимость от иностранного рынка — и затем от мировых цен, — которая по нашим природным условиям могла бы быть сведена к нулю.

Это же обстоятельство, как сказано, *удорожает* и производство. Г. Федоров возражает мне: «Неужели же можно вообразить себе такое положение, что иностранцы понесут в нашу страну свои деньги для удовольствия создавать у нас промышленность *an und fur sich*, как говорит г. Тихомиров, то есть не имеющую почвы? Думаем, что самый приток к нам иностранных капиталов есть один из показателей необходимости и выгоды разработки наших богатств, для чего у нас не хватает собственных средств».

Само собою разумеется. Ну, конечно, никто нам не будет дарить капиталов, а если ссужают их, то за очень хорошую *выгоду* — себе. Но какое же это возражение? Я потому и опасаясь иностранного капитала, что его помещение у нас слишком выгодно для иностранцев. Потому-то и нужны тут «глаз» и руководство со стороны *экономической политики*.

К сожалению, все эти мечты о выгодах «капитализма», о внешних рынках, об иностранных капиталах, только затягивают петлю на шею русского национального труда, все более нарушая необходимое его равновесие. Как бы ни были выгодны и прибыльны отдельные производства фабрик, они не вознаградят нас за убытки, производимые разорением миллионов, выбиваемых из колеи производства, хотя, может быть, в отдельности менее выгодного, но в сложности дающего больше. А такая разорительная пертурбация производства неизбежна, когда мы беремся искусственно организовать промышленность, не имея для того ни должных сведений, ни безошибочного плана.

Кто сколько-нибудь понимает, как мало знает наша экономическая наука, как шатки ее общие идеи, тот, конечно, пожелает как можно больше *осторожности* в ломке народного труда и как можно больше внимания к *охране экономической независимости России*, ибо, поработив ее производство иностранным капиталам и «мировому рынку», мы уже и будущим поколениям, более нас способным, не дадим возможности разумной организации русского производства. При состоянии современных способностей к организации труда нашим девизом должно быть: «Поменьше пертурбаций, побольше равновесия».

На этом же пути прежде всего, несомненно, нужно позаботиться о сельском хозяйстве. Хотя вообще развитие фабрики в этом отношении имеет свое значение, но никак не искусственно развиваемой, которая может разорять столько же, сколько создавать. Для самой фабрики теперь нужно не столько количественное развитие, сколько качественное, как технически, так и в экономическом смысле, т.е. в смысле связи ее с добывающей промышленностью. Только искусственностью развития фабрики объясняются такие экономические абсурды, что мы на *свои* фабрики везем *чужое сырье*, а *свое сырье* везем на заграничные фабрики. Чрезвычайным

воспособлением фабрике (в *основе* вполне разумном) мы не могли не создать некоторой искусственности в своей обрабатывающей промышленности. По всей вероятности, мы этим отчасти даже и повредили ей, как, например, в сфере отношений между фабрикой и кустарным промыслом.

Действительно, как ни велико значение *крупного* производства, но его выгоды вообще имеют свои пределы. Нет ни одного промышленного предприятия, производительность которого не страдала бы, когда размеры производства переходят за некоторые естественные границы. Это факт, известный даже практическому наблюдателю. Несомненно, что как в добывающей, так и в обрабатывающей промышленности есть отрасли, где *мелкое производство выгоднее крупного*, то есть создает большое количество продукта или лучший продукт. Наоборот, есть производства, где мелкий труд менее выгоден или даже невозможен. Уже нельзя не думать, что форсированное развитие фабрики в этом отношении не могло не отразиться и нарушением экономической гармонии, ненужным и вредным подрывом многих отраслей мелкого промысла. Во всех отношениях, мне кажется, для фабрики у нас нужнее всего теперь период *спокойного* развития, нужно дать ей улечься в естественные рамки русского производства.

Что же касается *сельского хозяйства*, то, впутывая его в зависимость от мировых цен, ставя нашего пахаря в необходимость конкурировать с феллахом, индусом и негром в *дешевизне* продукта, мы пришли бы к положению безвыходному. Нам очевидно нужно думать о совершенно ином пути. Земледельческое население, к счастью, занимается таким трудом, который способен по малой мере прокормить человека с наибольшей независимостью от каких бы то ни было рынков. На усиление этой способности и должны пойти усилия нашей сельскохозяйственной политики, находя опору: 1) в системе мер (не на словах, а на деле) по возрождению

нашей почвы, 2) в улучшении сельского хозяйства крестьян и системе мер к превышению качества их продукта, 3) в развитии ближайшей обработки продуктов сельского хозяйства *на месте*, 4) в широкой системе переселения, которая дает части населения возможность еще продержаться привычным экстенсивным хозяйством.

Нет ни малейшего сомнения, что эти меры, поддержав сельскохозяйственное население, окажутся благотворными и для фабрики, для которой расширяют внутренний рынок. Это для самой фабрики важнее «иностранных капиталов»... Таков, мне кажется, ближайший вывод из настоящего положения.

А что касается мер, более глубоко скомбинированных, то для установки их нам еще сначала нужно создать свою экономическую науку... (...) Нам нужен недостающий теперь план, именно в смысле национальной экономической политики.

Но для того, чтобы государство было способно к такой роли, оно должно иметь в стране науку настоящую, не «марксистскую», не «народническую», а национальную политическую экономию, которая бы знала производство своей страны, знала точную связь различных элементов ее производства и умела показать наилучшие способы связи земли и фабрики, наилучшие способы усиления той и другой, выгоднейшие способы утилизации обработкой всего добываемого в стране и снабжения страны продуктами этой обработки.

Цели производства

В чем состоят наши экономические задачи, исполнение которых должно озабочивать государственную экономическую политику? Само собой разумеется, что, говоря о наших задачах, мы должны разуметь не какую-то отвлеченную

страну, а именно данную страну, Россию, в тех условиях, какие она представляет. К этим условиям мы сейчас и перейдем, но предварительно не мешает вспомнить те нужды, которым удовлетворяет народное производство всякой нации при всяких условиях.

Народное производство должно, во-первых, доставить возможность существованию нации. Сто тридцать миллионов нашего населения должны получать необходимые материальные средства, чтобы прокормиться, одеться, быть обеспеченными в жилище и т.д. На языке политической экономии это составляет *оборотный национальный капитал*. Добыть средства для жизни населения — это значит добыть их для дальнейшего его труда. Это минимум средств, который необходим и без получения которых нация начинает умирать, то есть принуждена постепенно потреблять самый капитал свой, пока таким путем не погибнет окончательно.

Но добыть средства для существования народа еще недостаточно. Нация растет, и ее капитал поэтому должен увеличиваться. Нация должна прогрессировать в своей культуре. Для этого капитал ее также должен увеличиваться. Посему народный труд всегда должен давать *избыток* сбережения, посредством которого национальный капитал постоянно *увеличивается*.

Эти две цели национального производства, то есть 1) поддержание оборотного капитала и 2) его увеличение с экономической точки зрения суть главнейшие, основные. Но достигая их, народное производство должно, сверх того, создать еще избыток средств на нужды различных национальных учреждений, не имеющих сами по себе экономического характера, однако совершенно необходимых для жизни нации, которая не есть организм только экономический (как думает социализм), но прежде всего организм социальный и политический. В среде неэкономических национальных учреждений, на содержание которых нацио-

нальное производство должно создать средства, на первом плане стоит *государство*.

Уделение необходимых средств для содержания государства и составляет область политики собственно *финансовой*, которая таким образом приходит в связь с политикой *экономической*.

В виду таких задач национального производства оно, конечно, должно иметь достаточную для их достижения *напряженность*, то есть способность произведения большого количества работы. Но достижение достаточной *напряженности производства* еще не исчерпывает задач экономической политики.

Производство страны, представляющей нацию, способную к *самостоятельному существованию*, по необходимости должно быть сложно и разносторонне. Очевидно, что для общей энергии производства различные его отрасли должны быть при этом поставлены так, чтоб они взаимно помогали одна другой, дополняли одна другую, другими словами — они должны быть правильно согласованы. Достижение этого и составляет вторую цель экономической политики.

Несостоятельность идеи мирового рынка

Усиление энергии нашего производства и согласование его отраслей, конечно, требует некоторого общего плана.

В этом отношении должно прежде всего решительно отвергнуть тот план, который полагает решить наши экономические задачи посредством *перестройства России по типу так называемых передовых промышленных стран Европы*. Эта идея столь же ошибочна по существу, как и в своих частных проявлениях: 1) в *стремлении устраивать наше производство применительно к требованиям мирового рынка* и 2) в *чрезмерном преклонении перед фабрично-заводскою*

промышленностью как сильно повышающей производительность труда.

На самом деле экономическая организация передовых европейских стран для нас отчасти совершенно невозможна, отчасти нисколько не желательна. Определителем целей нашей экономической организации должен бы на самом деле служить наш собственный внутренний рынок, и, в силу этого, мы должны ныне же, наряду с обрабатывающей промышленностью, обратить самое серьезное внимание на промышленность добывающую, и особенно на земледелие, которое в этом чрезвычайно нуждается.

Остановимся прежде всего на вопросе о внешнем (мировом) и внутреннем рынках. Сторонники мирового рынка забывают основное экономическое соображение, что самое выгодное производство есть то, которое работает для *ближайшего рынка*. При этом, во-первых, доводятся до минимума накладные расходы на посредников (перевозку и всякое комиссионерство), во-вторых, производитель легче и быстрее всего может применяться к потребностям рынка, избегая таким образом бесполезного перепроизводства и не теряя случаев, когда требуется усиленное производство и т.д. Выгода усиливается еще больше, когда материалы производства доставляются местною же добычей. Вообще, *ближайший рынок* есть наилучший и потому, как общее правило, внутренний рынок при равных прочих условиях выгоднее иностранного, мирового.

Понятно, что из этого правила есть исключения. Не все страны способны к производству нужных им продуктов или не одинаково способны. Поэтому могут быть многочисленные случаи, что каждой стране выгодно производить какие-либо наиболее доступные ей продукты *в избытке*, с тем, чтобы потом обмениваться ими с другими странами.

Но это явление международного обмена, вследствие которого данная страна начинает работать на чужой рынок, нормально лишь в пределах указанной естественной необходи-

мости, и в странах великих вследствие этого работа на внешний рынок занимает второстепенное место.

Обыкновенно торгово-промышленными нациями, работающими на чужой рынок, являются страны очень *малые*, естественные условия которых не допускают разностороннего производства, удовлетворяющего всем их нуждам. От Финикии до Венеции, Нидерландов и Англии — основания одно-стороннего производства одни и те же. Население способное и предприимчивое, не имея возможности жить продуктами своей территории, специализируется на торговом комиссионерстве и обрабатывающей промышленности, добывает себе за границей дешевое сырье, перерабатывает его и сбывает обратно в страны дешевого сырья. Непременным условием возможности такой экономической политики является, конечно, огромная разница в культурности между страной, посвящающей себя торгово-промышленной деятельности, и остальными странами мирового рынка.

Все эти условия и существовали для передовых стран Европы, но уже постепенно исчезают и для них, а для нас могут существовать только в фантазии. Да и завидны ли эти фантазии? Англия почти превратилась в фабрику для остального мира и построила свою экономическую организацию применительно к чужому мировому рынку. Полученные ею от этого материальные выгоды были, конечно, значительны. Но *прочность* такого положения была возможна лишь до тех пор, пока остальные народы были не способны вступить на путь подражания Англии. Между тем это давно уже произошло. Первые последователи Англии, начиная приспосабливать свое производство к тем же целям, тоже еще могли получать от этого некоторую выгоду. Но число стран, остающихся в положении производителей сырья, все уменьшается. Северная Америка уже стала выше Англии в области обрабатывающей промышленности. Франция, и особенно Германия, успешно с нею соперничают. Россия принимает энерги-

ческие усилия для того, чтобы развить собственную обрабатывающую промышленность и выйти из роли данницы фабрично-заводских стран. Та же тенденция замечается всюду: в остальной Европе, Южной Америке, Японии. Чем большее количество наций начинают развивать свои промышленные силы, тем ожесточеннее и менее выгодна становится борьба фабрично-заводских стран за иностранные рынки. Конкуренция понижает цены на обработанные продукты, а число стран, вступающих в борьбу за чужие рынки, все увеличивается. По мере этого уравнивания промышленной культуры борьба за иностранные рынки отживает свой век.

Широкая постановка экономической политики на основе внешних рынков возможна лишь до тех пор, пока существовала очень резкая разница в промышленном развитии Европы и остального мира. С тех же пор, как сама Европа повсюду, по всем частям света, зародила очаги *такого же* могучего производства, — былое разделение мира на страны промышленные и земледельческие с каждым десятилетием все стирается.

Представим себе недалекое будущее, когда все нации земного шара станут промышленными. Где же они будут искать «внешних» рынков? Не на Луне или Марсе? На земле, во всяком случае, для нынешней хищнической политики внешних рынков места не останется, и «передовым промышленным странам» придется со страшными внутренними потрясениями перестраивать свою экономическую организацию на новый для них *нормальный* порядок, то есть по идее *внутреннего* рынка.

Значение внешнего рынка — соединенная промышленность

Предыдущими соображениями вовсе не отрицается потребность внешнего рынка, но этот рынок имеет для России и для всякой нормально живущей страны весьма небольшую

степень важности. Само собою, есть продукты, которые мы всегда будем находить более выгодным покупать, нежели производить. Таковы все продукты, не свойственные или мало свойственные нашей природе; таковы многие изделия, которые почему-нибудь особенно хороши в данное время в той или иной стране.

Есть всегда кое-что ввозимое, необходимое для хода самой же нашей промышленности. Так, до сих пор мы должны выписывать семена турецкого табака для посева на наших плантациях, и даже самый табак для сдабривания нашего; выписываем кое-какие химические продукты для своих фабрик и т.д. Такие предметы всегда найдутся, и на покупку их всегда найдется что-нибудь у нас для выгодного вывоза.

Посему *некоторая часть* национального производства всегда, при самом ideally нормальном устройстве нашего труда, будет иметь в виду иностранный рынок. Но все это касается лишь ничтожной доли народного труда. Остальное огромное количество должно иметь в виду рынок внутренний. Разумная организация производства, усиление и согласование его различных отраслей, словом, вся наша экономическая политика должна исходить из помышления о потребностях *внутреннего рынка*.

Цель экономической политики России — страны великой, имеющей внутри себя все необходимые и разнообразнейшие средства для существования, — сводится в целом к созданию *могучего, самоудовлетворяющегося производства*, добывающего все нужное для населения и обрабатывающего эти продукты во всем разнообразии и совершенстве, какие только допускаются культурой и техникой данной эпохи. Это и есть *соединенная промышленность*, которая возможна только для стран *всесторонне* развитых в экономическом отношении. *Соединенная промышленность* только и возможна при работе на свой широкий, разносторонний внутренний рынок. При том же типе промышленной специализации,

который уже отходит в вечность и при котором Англия, например, могла сосредоточить все свои силы на обработке продуктов, стараясь держать ряд других стран в роли производителей сырья, — при этом типе нельзя создать никакой *соединенной промышленности*.

Соединенная промышленность состоит в обработке собственными силами всего нами же добываемого сырья. Это усиливает, с одной стороны, энергию производства, ибо, как справедливо говорит Лист, «взаимодействие фабрично-заводской и земледельческой промышленности тем значительнее, чем ближе друг к другу живут земледелец и фабрикант и чем меньше обмен их разнообразных продуктов подвергается остановке от случайностей всякого рода». А случайности эти особенно велики при сношениях со внешними рынками. Точно те же выгоды представляет соединенная промышленность и для *согласования* производств.

Разумная, предусмотрительная и экономная организация производства возможна только при работе на внутренний рынок, потому что только здесь каждая нация является хозяйкой у себя дома, может по произволу усиливать, ослаблять и видоизменять производство, может к действию слепых экономических сил прибавлять разумное действие мер государственных.

Только на внутреннем рынке мы, если хотим этого, можем все со своевременною точностью знать, предвидеть, согласовать ни от кого, кроме себя, не завися. Наоборот, всякая связь с внешним рынком непременно в той или иной степени лишает нас свободы распоряжения всеми своими силами. В странах, всецело построенных на работе для внешнего рынка, как, например, в Англии, нет даже возможности самостоятельной экономической политики, и в настоящее уже время материальное существование Англии всецело зависит от поддержания экономической неразвитости других стран. Правильное развитие производительных сил

Индии, Китая, Персии, Африки, России, Южной Америки и т.д. есть прямо угроза *смерти* для Англии при ее нынешней организации.

Очевидно, не такие перспективы должны вдохновлять нашу экономическую политику. Она имеет перед собою более благородные и более надежные цели: высокое внутреннее развитие страны, самоудовлетворяющейся, не нуждающейся в эксплуатации других, а достигающей лишь собственной экономической самостоятельности, которую при таких условиях мы можем искренне, без всякого ущерба для себя, пожелать каждому другому народу.

Соединенное производство

В общей сложности мысль о переносе к нам иностранных капиталов не выдерживает никакой критики. В отношении капитала можно сказать: «На чужой каравай рот не разевай». Капитал создается только своим трудом, своим производством, своим сбережением. На их развитие и должно быть направлено внимание.

Какие стороны производства должно развивать? Разумеется, все, какие нужны для *полного* самоудовлетворяющегося существования великой самостоятельной нации.

Основание производства составляет, конечно, промышленность добывающая, особенно земледелие. Необходимое дополнение ее — промышленность обрабатывающая, крупная и мелкая.

В этом комплексе производства нет ничего лишнего, как и ничего такого, что могло бы захватить исключительно все наши симпатии. Совершенно ошибочной была бы мысль о России как стране исключительно земледельческой, и еще ошибочнее мысль о ней как будто бы о преимущественно промышленной стране.

Мы обладаем идеальными, лучшими в мире климатическими условиями для многих сельскохозяйственных культур, как пшеницы, льна, конопли, многих пород леса, винограда, и не уступаем другим странам по множеству других культур (рожь, овес, картофель и т.д.), имея сверх того наибольшее разнообразие условий для них (от исландского мха до чая, хлопчатника и риса). Наше земледельческое производство, конечно, на веки веков останется одним из выгоднейших в мире.

Но точно так же было бы нелепо и самоубийственно не развить своей обрабатывающей промышленности до самой высокой степени, ибо и в этом отношении мы имеем все необходимые данные.

Обе великие отрасли производства *одинаково* необходимы. Они одна другой дают взаимный рынок, и только при *высоком* развитии *обеих* Россия может жить цельною, самостоятельную экономическою жизнью.

Та же система разносторонности применима к промышленности *крупной и мелкой*, в которых выражается разная степень концентрации капитала. Каждая из них имеет свое место в производстве, и каждая в своем роде и на своем месте нужнее. Богатый крестьянский двор, хорошая кустарная изба или мастерская ремесленника столь же нужны, как помещичья экономия или завод и фабрика.

Значение распределения и потребления

Всякий капитал представляет результат *сбережения*, гласит общее правило политической экономии, с пояснением, что капитал поддерживается непрерывным *воспроизведением*. Но сбережения достигают наибольшей степени, когда они *добровольны* и возбуждаются *личным интересом*. Отсюда труд свободный дает большие сбережения, нежели

труд раба. Точно так же сбережения лица, ведущего *производство* и имеющего возможность употреблять сбережения на увеличение собственного производства, значительнее, нежели у того, кто не имеет этого интереса. Поэтому *мелкое производство*, поскольку оно допускается чисто техническими условиями без помехи производительности труда, имеет огромное значение в смысле накопления и воспроизведения капитала, столь нам необходимого. Технически же труд высокой производительности возможен во множестве мелких промыслов.

Сверх того должно заметить, что производства *абсолютно выгодного* нет. Все производства выгодны или невыгодны смотря по тому, насколько они *нужны*. Мы даже и вычисляем «производительность» труда по меновой рыночной стоимости продукта. Это совершенно основательно, ибо рыночная цена в своем *спросе* принимает в соображение не одну собственно производительность труда, но и *потребительную необходимость* его. Труд может быть высоко производителен, но если он создает вещи, никому не нужные, он составляет даром потерянное время. Итак, думая о повышении производительности труда, мы всегда должны при этом иметь в виду *надобности рынка*.

А какие надобности нашего рынка? Это надобности 130 миллионов Русского народа для того, чтоб он жил в непрерывно возрастающем довольстве. Вопрос о распределении при *нормальной* постановке труда тесно связан с вопросом о производстве не только в социальном смысле, но и в *экономическом*.

Ибо с распределением связан вопрос о *потреблении*, без которого нет рынка, а стало бы, и «производительность» труда теряет всякий смысл. Значительное же количество собственников, хозяев, участников в прибавочной стоимости, не только увеличивает *сбережение*, но дает еще и возможность большего *потребления*.

Какое значение имеет для производства способность народа к потреблению, можно видеть из такого, примерного, рассуждения.

Мы высчитали выше, что каждый из 130 миллионов жителей России может, в среднем, покупать продуктов всего на 30 рублей в год.

Покупательная способность огромной массы народа еще ниже этой *средней* цифры. Но есть уголки, где старинная экстенсивная культура позволяет массе народа быть зажиточною. И вот, например, по вычислениям комиссии статс-секретаря Куломзина, *богатый* двор восточно-забайкальских казаков имеет средний доход в 4819 руб. Эти дворы, по-тамошнему, очень многосемейны, в среднем 15 человек мужчин, женщин и детей. Итак, это выходит более 300 руб. на душу.

Дозволим себе маленькую фантазию и предположим, что соединенные силы культуры, интенсивного труда и разумной экономической политики успели сделать для России то, что непочатые силы природы делают для богатых семей дикого Забайкалья. Если бы мы достигли уже такого успеха в настоящее время, то покупательная сила нашего внутреннего рынка выражалась бы в 300 руб., помноженных на 130 миллионов жителей, то есть составляла бы *39 миллиардов рублей*.

Что это было бы за поприще для нашей промышленности! Какие иностранные рынки, загроможденные собственной конкуренцией, способны дать нам подобный спрос?

Но для этого нужно, чтобы масса народа могла покупать, удовлетворять своим потребностям. А это существенно зависит от *распределения*, от того, насколько масса народа участвует в обладании капиталом, а не представляет одну только рабочую силу. Участие же народа в обладании самими средствами труда и потому в получении своей доли *прибавочной стоимости* достигается хотя и разными путями, но в том числе *особенно* легко существованием мелкого промысла — как земледельческого, так и кустарно-ремесленного.

Поднятие покупательных сил

Итак, национальная экономическая политика прежде всего не должна впадать в *односторонние увлечения* в своем печении о различных отраслях и формах производства.

Нельзя не признать в высшей степени правильною нашу традиционную заботу об обрабатывающей промышленности. Мы несомненно были и остаемся очень отставшими в этом отношении, и протекционная система доселе представляется необходимою.

К сожалению, мы при этом, очевидно, не имели достаточно ясной идеи своей экономической политики, так как наряду с протекционной системой не вводили совершенно необходимых для нее дополнений. Сверх того у нас, быть может неизбежно, возникло явление, которое подрывало ее целесообразность.

Протекционная система получает весь свой смысл лишь при системе *внутреннего рынка*. Мы же за это самое время довели наш *иностранный долг* до миллиарда рублей золотом, не говоря уже о помещении наших бумаг на заграничных рынках. Но иностранные займы необходимо выводят страну на *мировой рынок*, куда мы могли явиться только с продуктами добывающей промышленности, ибо самая необходимость протекционной системы показывает бессилие обрабатывающей промышленности выйти за границу. А продуктами земледелия (при протекционной системе) мы на мировом рынке могли торговать только с большою невыгодой, ибо эти продукты должны были сбываться по *мировой* цене, с которою и должно соотноситься сельское хозяйство. Между тем продукты обработки доставались сельскохозяйственному населению не по цене мирового рынка, а по гораздо более дорогой, внутренней. Конечно, такое невыгодное сочетание цен обессиливает покупательную способность внутреннего рынка и уменьшает потребление продуктов заводско-фаб-

ричных, тем самым ставя преграды развитию покровительствуемой промышленности.

Далее мы обратили все внимание на развитие *крупной* фабрично-заводской промышленности, которая дает занятому ею населению только заработную плату. Все мелкие кустарные промыслы, в которых участвует у нас, как предполагается, не менее 4 миллионов населения, не пользовались за это время никаким серьезным попечением.

А между тем население, им занятое, представляет, как выше сказано, одну из лучших частей внутреннего потребительного рынка.

Таким образом, принося большие жертвы для развития промышленности, мы допускали на всех пунктах ослабление необходимого для нее внутреннего рынка, мечтая о заграничном до того, что премировали вывозимые фабрикаты. На самом же деле на всемирный рынок могло выступить только наше земледелие, которое с крестьянской реформы чрезвычайно дезорганизовалось и приняло характер чисто хищнический, — и это на земле уже не девственной, отнюдь не допускающей такого хозяйства.

В результате получилось повсюду истощение производительных сил земли, которое еще более отразилось упадком благосостояния народа.

Собственно протекционная система наша, даже и подрываемая всеми этими обстоятельствами, хотя не дала нам, конечно, таких выгод, какие дала Америке, не имеющей иностранного долга и обладающей превосходным внутренним рынком, но все же сделала свое дело и у нас. Мы развили более или менее сильную промышленность. Но едва ли мы в состоянии будем даже поддерживать ее, если не перейдем, наконец, к попечению о подъеме покупательной силы внутреннего рынка, то есть, другими словами, к энергической заботе о столь заброшенных за это время добывающей промышленности и мелком промысле.

Землевладение и земледелие

Наше сельское хозяйство — старинная испытанная и прочная область национального производства. Только этой прочностью и объясняется его способность так долго выдерживать соединение социальной и экономической ломки, которую мы переживаем с 1856 года. Но, во всяком случае, в нашем сельском хозяйстве за это время, несомненно, расшатаны все устои правильного существования и развития. (...)

Крестьянское землевладение, слава Богу, не уничтожено и даже охраняемо законом, но именно как владение и притом всего сословия. Что же касается хозяйственного пользования землей отдельными крестьянами, то оно находится в самом абсурдном состоянии, благодаря нелепости переделов, жертвующих всем идее уравнительности. Доведенная этим до совершенной невозможности чересполосица и недолговременность пользования каждым участком делают немыслимым сколько-нибудь порядочное хозяйство.

Владения казны у нас огромны, но расположены *случайно*; их много там, где они не расхатаны исторически или никому не нужны. Таким образом, государственные земли не имеют с экономикой страны никакой связи. У нас был даже долгий период, когда *увеличение доходов* ставилось главной целью государственных имуществ. Таким образом, эта огромная категория национального достояния в лучшем случае не вредит народной экономии, а иногда (как было при мне в Черноморской губернии) случается, что *даже вредит*.

Хозяйства крупновладельческие у нас были в полном смысле разрушены с истреблением инвентаря и т.д., в первые годы крестьянского освобождения и после того доселе не могли подняться, частью вследствие самой нашей промышленной политики. Но главная причина их крушения состоит в том, что у нас нет даже тени охранения *целости и неприкосновенности* крупных хозяйственных единиц. Мы относимся

к ним, как к какому-нибудь стогу сена или куче зерна, которые, как ни дели, представляют вместе и порознь одну и ту же цену. А между тем хозяйственная единица «экономия», имение — это есть своего рода цельный организм. Разделить его — это значит убить его, сделать из огромной ценности простую кучу обломков. Такое разрушение всех возникающих очагов сельского хозяйства совершается по всей России систематически и без перерыва, как самими владельцами, так и действием законов о недвижимой собственности.

Но у нас нет заботы не только об отдельных имениях, а, в противность крестьянству, и само *сословие* крупного земледелия совершенно не охранено в своем землевладении. Между тем земледелие требует собственника привычного, традиционного, любящего свою землю. Без такого сословия нет цветущего сельского хозяйства, которое заменяется спекулятивным и хищническим.

Отсюда вопрос о подъеме нашего сельского хозяйства требует широкой, обдуманной и строго выдержанной системы *землевладения и землепользования*.

Перед экономической политикой лежит задача урегулирования нашего землевладения и землепользования для достижения такой общей задачи:

1) *на всем пространстве* Империи иметь наделенное земель крестьянство, пользующееся землей участками в одной меже и с долгим сроком владения;

2) *на всем же пространстве* Империи иметь среди крестьянских земель установленное количество крупных имений, недробимых и неотчуждаемых из *сословия*;

3) *на всем же пространстве* Империи иметь в государственном владении все полосы земли, необходимые для охраны почвенно-климатических условий¹.

¹ По достижении регуляции землевладения мне это кажется *главную целью государственных земель*. Но понятно, что и тогда они будут служить также целям лесопромышленности и, вероятно, аренде пустой. В переходный же, устроительный период, государственные земли играют очень важную роль фонда для надела крестьян.

Этот ряд задач осуществим постепенным систематическим обменом земель частных и казенных, приобретением в казну новых земель (что ныне так легко) и более разумным расселением крестьян (внутренняя колонизация).

Сделав возможным ведение сельского хозяйства, мы затем имеем перед собой в отношении его второй ряд задач, который состоит в сближении его с обрабатывающей промышленностью. Сюда относится развитие обработки сельскохозяйственных продуктов *на месте*, в крупных имениях, и децентрализация фабрик и заводов по России, чего нередко возможно достигнуть при помощи правительственных мероприятий.

Третий ряд задач составляет, наконец, поднятие улучшенной сельскохозяйственной культуры.

В общей сложности, таким образом, наши главные цели в настоящее время, мне кажется, должны сводиться к подъему *добывающей* промышленности. Что касается обрабатывающей, то она при этом требует поддержания охранительной системы, а в остальном дальнейшее развитие ее зависит от развития сил промышленности добывающей и от взаимного, более тесного сближения обеих отраслей производства. Это дело времени и постепенного развития. Должно еще добавить к этому развитие мелкого промысла везде, где он способен выдерживать конкуренцию.

Наконец, разумеется, в задачи экономической политики входит усиленное развитие технических и земледельческих знаний, о чем, впрочем, ныне стали уже более серьезно заботиться.

ДЕНЬГИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ СТРАНЫ

ФРОЛОВ Александр

Входил в круг единомышленников издателя газеты «Русский Труд» С. Ф. Шарапова. Стоял на позиции финансово-хозяйственной независимости России от Запада. Валютный курс рассматривал как отражение устойчивости экономического строя страны. Считая, что для России валютный курс определяется преимущественно ценами на хлеб, предлагал организацию государственных хлебных запасов, за счет которых могли бы поддерживаться устойчивые цены на хлеб в неурожайные годы. Предлагал создание внутренней кредитной валюты, независимой от зарубежных рынков

I

Представим себе Англичанина, являющегося обладателем двоякого рода монеты: американской золотой и русской бу-мажной, и пожелавшего реализовать ту и другую. Простейшим способом реализации был бы обмен монет в меняльной лавке, но допустим, что такого способа не имеется вовсе или он почему-либо перестал существовать. В этом случае Англичанин может поступить следующим образом: американские монеты он может продать ювелиру в лом или отдать перечековать на золотые английские; в обоих случаях получается потеря, равная стоимости чеканки, практически настолько ничтожная, что ее можно игнорировать, и Англичанин вправе смотреть на американскую монету как на совершенно равноправную с его национальными деньгами.

Совсем иначе дело обстоит при попытке реализации русской кредитной монеты. Внутренней ценности она не имеет и ни на что ценное переработана быть не может. Единственно, что с ней можно сделать, — отправить в Россию с целью покупки какого-либо товара.

Положим, что в России взамен каждого кредитного рубля Англичанину предлагают с доставкой в Англию по аршину сукна. Но такое точно сукно стоит в Англии 12 пенсов. Следовательно, в этом случае в глазах Англичанина покупная стоимость русского рубля была бы не свыше 12 пенсов или около 31 металлической копейки. Англичанин, в поисках наиболее выгодной реализации своих кредитных рублей приходит к убеждению, что самое выгодное — купить хлеб. За каждый кредитный рубль дают ему с доставкой в Англию по пуду хлеба. В Англии же цена хлеба 25 пенсов, или около 66 металлических копеек, следовательно, для Англичанина вообще безубыточно принимать в платежи русский кредитный рубль за 25 пенсов, то есть, другими словами, в Англии устанавливается курс русского кредитного рубля, равный 25 пенсам, или около 66 копеек золотом. Таким образом, если за американским золотом скрывается полноправное и равноценное ему английское золото, то позади русского кредитного рубля мы найдем зерновой хлеб, который в глазах Англичанина, так как Англия и Россия непрерывно нуждаются, первая в покупке, вторая в продаже хлеба, является для кредитного рубля безостановочным разменным фондом. Но в то время, как между американскими и английскими монетами существует незыблемое отношение, равное отношению количеств содержащегося в них чистого золота, ценность русского кредитного рубля, измеряемая его покупной силой по отношению хлеба, постоянно меняется. Сегодня в России одна цена хлеба, завтра — другая. Сегодня Англичанин может получить на рубль столько хлеба, сколько в Англии дают на 25 пенсов, но может случиться, что завтра в России хлеб

вздорожает и его дадут на рубль лишь столько, сколько можно получить в Англии на 23 пенса, а в зависимости от этого и курс рубля должен упасть с 25 на 23 пенса.

Попытаемся сделать некоторый анализ законов колебания курса. Пусть Англичанин имеет английское золото и желает покупать хлеб в Америке и в России. Если допустить отсутствие меняльных лавок и торговых векселей, по существу дела не изменяющих, а лишь упрощающих процедуру международного обмена, приходится сказать, что для покупки хлеба в Америке нужно перечекивать (без прибыли и без убыли) английские золотые монеты на американские, а для покупки хлеба в России нужно предварительно купить кредитные рубли. Как известно, на одном рынке на один и тот же товар не может быть двух цен, то есть, другими словами, для англичанина будет безразлично, покупать хлеб в Америке или в России, лишь в том случае, если одинаковое количество хлеба и при всех равных прочих условиях обойдется с доставкой в Англию по одинаковой цене, как при вывозе из России, так и при вывозе из Америки; потому что, если бы вывоз из одной страны оказался дешевле, то прямой убыток был бы покупать в той стране, откуда вывоз обходится дороже. Пусть в Англии установилась цена за пуд хлеба 80 коп. золотом. Допустим, что в один из годов всемирный урожай распределился таким образом, что в России урожай не выше обыкновенного, а в Америке уродилось очень много хлеба и, вследствие последнего обстоятельства, американские земледельцы находят возможным спустить установившуюся цену на хлеб и продавать его с доставкой в Англию вместо прежних 80 коп. только по 60 коп. золотом за пуд. Так как Россия ни на один год не может воздержаться от продажи своего хлеба, то она должна пойти на те условия, при которых русский хлеб должен обходиться Англичанину также в 60 коп. золотом. Но это понижение цены русского хлеба с 80 коп. золотом на 60 коп. может произойти двояким образом: мо-

жет понизиться цена на хлеб внутри России или может понизиться стоимость кредитного рубля, например, стать вместо 28 пенсов только 21 пенс, или же понижение цены, как рубля, так и хлеба, может иметь место одновременно, но в разных степенях. Как же будет происходить явление в действительности? Понижение цены, очевидно, пойдет в сторону наименьшего сопротивления. Если меньшее сопротивление представит хлеб, то понижение цены пойдет предпочтительно на хлеб; если меньшим сопротивлением понижению цены будет обладать кредитный рубль, то понижение отразится преимущественно на рубле. Посмотрим, какие резоны имеются у кредитного рубля — удержать или изменить свою стоимость. Если, как мы выше предположили, в России урожай не выше среднего, то общая стоимость русского вывоза, по причине уменьшения металлической стоимости пуда хлеба, должна уменьшиться, вследствие чего, если до этого времени торговый баланс России был активен, то есть вывоз превышал ввоз, активность эта должна уменьшиться, если же превышение было на стороне ввоза, то пассивность баланса должна возрасти. Так как разность торгового баланса оплачивается, вообще говоря, золотом, то в первом случае уменьшится в России потребление золота, а во втором увеличится спрос на него. Как в том, так и в другом случаях увеличится цена на золото, а следовательно, уменьшится стоимость кредитного рубля, то есть упадет курс. Таким образом, мы видим, что кредитный рубль в данном случае не только не оказывает сопротивления понижению своей цены, но даже сам идет навстречу этому понижению. Совсем иначе дело обстоит с хлебом. Так как мы исследуем влияние изменения международной цены хлеба на курс рубля и на внутреннюю кредитную цену хлеба, то для простоты рассуждения мы предположим, что внутри страны в то же время не произошло ничего такого, что могло бы отразиться на ценах рубля и хлеба. Проще всего допустить, что рядом лет со средним

урожаем установилась некоторая средняя цена на хлеб, которая давала привычную для земледельца прибыль. Так как и в год падения международной цены на хлеб мы выше предположили в стране средний урожай, то, очевидно, оставляя равными все прочие внутренние условия производства и потребления, мы не найдем никаких причин для понижения внутренних цен на хлеб, и всякую попытку к такому понижению земледельцы должны встретить с естественным сопротивлением как несущую бюджету явный дефицит. При таких обстоятельствах не будет ничего удивительного, если влияние падения международной цены на хлеб отразится исключительно на цене кредитного рубля и не коснется внутренней кредитной цены хлеба. Однако эта способность кредитной валюты к существенному ограждению внутренних хлебных цен от понижательного влияния международных цен может быть принята без ограничения только в теории; на практике же, чтобы не терять почвы действительности, мы удовольствуемся, формулируя это положение следующим образом.

Кредитный рубль является буфером, который принимает на себя и поглощает часть экономического удара, происходящего от падения международной цены хлеба, и только остальную, может быть, меньшую часть этого экономического удара он передает на тот предмет, на который этот удар направлен, то есть на хлеб. Совершенно одинаковое явление будет и в том случае, когда международная металлическая цена останется неизменной, но в России плохой урожай хлебов. Опять здесь общая стоимость вывоза в золотых рублях уменьшается; вследствие происшедшего таким образом ухудшения торгового баланса нарушается отношение между спросом в России на золото и предложением его в таком направлении, что золото дорожает, а кредитный рубль дешевеет, то есть курс его падает. Благодаря последнему обстоятельству, а также вследствие естественного стремления

земледельца уменьшить убытки неурожайного года, внутренняя кредитная цена хлеба увеличивается и вознаграждает отчасти земледельца за недород хлебов. И в этом случае кредитный рубль играет роль буфера, поглощающего часть того удара, который направлен к понижению доходности земледельца в неурожайный год.

Рассмотрим теперь, как распределяются выгоды и потери, происходящие от уменьшения внутренней кредитной цены хлеба в первом примере и от увеличения ее во втором. По статистическим данным на 1892 год, в Европейской России 88 % жителей занимаются земледелием и только 12 % прочими промыслами. От вышеописанного явления падения курса выигрывают производители хлеба и проигрывают потребители ввозных товаров, и следовательно, убытки страны от понижения международной цены хлеба или от собственного неурожая разверстываются между всеми жителями страны. Падение курса рубля влечет за собою также некоторое уменьшение ввоза, что отчасти вознаграждает жителей, занимающихся промышленностью, за переплату на хлебе, так как уменьшение ввоза ослабляет заграничную конкуренцию продуктам их производств. Это вознаграждение идет за счет заграничной промышленности. Итак, падение курса рубля не только разверстывает убытки, происходящие от понижения международных цен хлеба или от неурожая внутри страны между всем населением государства, но относит некоторую часть этих убытков также и на те соседние народы, с которыми имеются торговые сношения. При повышении международных цен на хлеб все явления идут в обратном порядке. Ценность вывоза увеличивается, улучшение торгового баланса влечет за собой увеличение предложения золота или уменьшение спроса на него, золотой рубль дешевеет, кредитный дорожает, курс повышается. При повышенном курсе русский хлеб может явиться за границей по повышенной международной цене без полного соответс-

твенного повышения внутренней кредитной цены, то есть с повышением, меньшим того, какое должно бы иметь место, если бы курс рубля был неизменен. Повышение курса в данном случае уменьшает как выгоды производителей хлеба, так и убытки русских потребителей его. То же самое произойдет и в случае обильного урожая в России при не изменившейся международной цене на хлеб. Подъем курса даст возможность понизить внутреннюю цену хлеба, что уменьшит выгоды продавцов и создаст выгоды для покупателей хлеба. В обоих случаях барыши, получаемые страной от возвышения заграничных цен на хлеб и от обильного собственного урожая, разверстываются между всеми классами населения, а частью, вследствие увеличившегося по причине улучшения курса ввоза, некоторая доля выгоды падает и на иностранную промышленность.

Из всего изложенного мы видим, что та упругость, которую проявляет кредитная валюта, способствует более равномерному распределению прибылей и убытков сельскохозяйственного производства, освобождая до некоторой степени это распределение от чрезмерного влияния стихийных сил природы (размеров урожая) и от влияния международного рынка.

До сих пор мы рассматривали колебания курса рубля в зависимости от размеров производства и урожая как в России, так и в остальных земледельческих странах, то есть от изменения как внутренних, так и заграничных цен на хлеб. Исследуем теперь другие причины, влияющие на изменение курса. К таковым нужно отнести: неумеренный выпуск кредитных рублей государством, политические осложнения и биржевую спекуляцию.

При неумеренном выпуске кредитных бумаг для покрытия дефицита государственного бюджета или для других целей происходит обесценивание внутренней стоимости кредитного рубля и соответственное вздорожание продуктов. Для того,

чтобы русский хлеб явился за границей по прежней международной цене, нужно или чтобы при обесценивании внутренней стоимости рубля внутренняя цена хлеба, не в пример прочим продуктам, не поднималась, или чтобы упал курс рубля. Так как в странах с кредитной валютой золото является обыкновенным товаром, то при вздорожании всех предметов, вызванном удешевлением кредитного рубля, вздорожает также и золото, то есть упадет курс рубля и поддержит этим возвышение кредитной цены хлеба. Следовательно, в этом случае падение курса позволяет производству хлеба не быть убыточным исключением при всеобщем подъеме цен, вызванном неумеренным выпуском кредитных рублей.

Влияние политических осложнений обыкновенно опирается на вероятность вовлечения России в войну, могущую в глазах иностранцев привести государство к финансовому банкротству и прекращению платежей по долговым обязательствам. Зависимость между опасением войны и курсом рубля следующая. За границей имеется громадное количество русских процентных бумаг. Владельцы этих фондов, опасаясь, что в случае неудачной для России войны они не получат не только процентов, но даже и самых капиталов, спешат, лишь только политический горизонт начинает омрачаться, сбыть эти бумаги, хотя бы и по самой низкой цене. Естественно, что покупатель на них могут найти легче всего там, где имеется к государству доверие, то есть в самой России. Низкая продажная цена делает покупку заманчивой. Фонды неудержимо возвращаются на свою родину. Ближайшим последствием такого массового вторжения процентных бумаг являются: оплата большей части нашего вывоза не золотом, а процентными бумагами, переход вследствие этого баланса из активного в пассивный, увеличение спроса на золото, вздорожание золотого рубля и удешевление кредитного. Происходит падение курса. Последствия этого падения будут те же, что описаны выше. Внутреннее вздорожание хле-

ба, барыши производителей его, убытки покупателей хлеба, уменьшение ввоза, барыши населения, занимающегося промышленностью, и убытки иностранных импортеров. Затем опасения войны минуют, после паники наступит успокоение и описанные явления пойдут обратным, но уже более тихим ходом. Процентные бумаги как приносящие хороший доход вернутся снова за границу, но уже в высокой цене. Разница между стоимостью их в настоящее время и в минуту паники представляет собой то вознаграждение, которое иностранцы заплатили нам за недостаток к нам доверия. Что же касается увеличения внутренних цен на хлеб, вызванных падением курса, то следует признать, что в данном случае оно, как вызванное искусственно, является несправедливым по отношению к промышленной части населения, хотя эта несправедливость до некоторой степени смягчается уменьшением конкуренции иностранной промышленности.

Остается еще одна причина колебания курса — спекуляция. Когда-то этому фактору приписывали слишком много влияния не только на цену кредитного рубля, но даже и на общее экономическое состояние России. Однако ближайшее ознакомление с этим явлением заставило изменить взгляд на его важность. Так как спекуляция, поскольку она стремится к искусственному изменению цены кредитного рубля, зиждется на распространении ложных тревожных слухов относительно возможности войны и финансового благополучия России, то значение спекуляции для курса рубля во многом сходно с вышеописанным явлением падения курса вследствие политических осложнений с тою лишь разницей, что явления, вызываемые спекуляцией, крайне неустойчивы и носят в самих себе зародыш смерти. В самом деле, пусть искусственно понизится курс рубля. Следствием является увеличение вывоза из России и уменьшение ввоза, улучшение торгового баланса и, следовательно, обратный подъем курса. Повторяю, никто теперь не смотрит серьезно

на значение спекуляции в деле колебания курса, и прибавлю, что уничтожение кредитной валюты перенесло бы спекуляцию с рубля на самый хлеб, представляющий, вследствие стихийных условий своего производства, не поддающегося никакому расчету, идеальный объект для спекуляции, если она не сдерживается правильной организацией торговли в стране.

Резюмируя все, изложенное выше, приходится сказать, что колебания курса бывают двоякого рода: полезные, направленные к сохранению более равномерного распределения благ в стране, и вредные, нарушающие равномерность этого распределения. Первые колебания, зависящие от производства и урожая хлебов или от выпуска кредитных бумажек, должны поддерживаться, вторые же, являющиеся следствием политики или спекуляции, суть колебания вредные, и их должно подавлять. Вредные колебания перестают иметь место, как только фонды страны оказываются размещенными в крепких руках, то есть частью внутри самой страны, частью же у дружественных наций, имеющих доверие к военному и финансовому могуществу России.

Здесь уместно будет задать вопрос, как же отражается колебание курса собственно на государственном бюджете, на котором лежит уплата по металлическим долгам? На этот вопрос приходится ответить, что было время, когда падение курса являлось убыточным для государственного бюджета, но со времени установления золотых пошлин расход государства в металлической валюте вполне балансируется с приходами, и потому государство, насколько дело касается непосредственно его бюджета, может относиться совершенно безучастно к колебанию курса.

Мы рассмотрели законы колебания курса в их простейшем виде, предполагая, каждый раз, что действует только одна какая-нибудь причина, а остальные остаются неизменными. В действительности же явление происходит гораздо сложнее,

так как приведенные выше факторы часто действуют в совокупности, причем действие одного из них может являться противоречащим действию другого; но кроме этого явление в действительности часто осложняется еще многими новыми факторами, нами не рассмотренными, в отдельности, может быть, и не существенными, но при совокупном действии могущими также влиять на конечные результаты. Самая точная из наук — астрономия, вычисляя на основании неизменных законов механики движение небесных тел, должна на протяжении всего расчета вводить поправки вследствие постоянно встречающихся обстоятельств, возмущающих закономерность движения. Но если ход явлений в действительности с таким трудом укладывается в рамки теории даже в такой точной науке, как астрономия, то не гораздо ли более аномалий должно ожидать в столь сложном явлении, как колебание кредитной валюты? Сделав такую оговорку, попробуем уловить установленные выше законы колебания курса в тех данных, которые приносит нам действительность. Прежде всего укажем на следующий факт. В 1856 году по всем границам России был вывезен хлеб в средней цене по 79 кредитных копеек за пуд. Через сорок почти лет в 1893 году средняя цена вывоза отличалась очень мало, была 73 кредитных копейки. Международная же цена пшеницы в золотых рублях за тот же период времени упала почти на 40 %. Курс рубля тоже упал на 40 %. Итак, отведя в этих данных, что следует, на долю неточностей статистики, мы все-таки должны в приведенных фактах видеть красноречивое подтверждение нашего первого основного положения, что кредитный рубль принимает на себя если не все, то большую часть падения международной золотой цены на хлеб. Для обнаружения правильности второго основного положения о влиянии на доходы землевладельцев колебаний кредитного рубля в зависимости от урожаев проследим изменения стоимости кредитного рубля за два десятилетия и сопоставим курс

рубля с размерами вывоза пшеницы, представляющей значительный процент от общего количества вывозимого хлеба.

Из 18 сельскохозяйственных годов 12 подтверждают выведенную выше зависимость курса от урожая или ему пропорционального из России вывоза, а 6 — противоречат. Самым резким отступлением от основной зависимости курса от урожая являются годы: 1876 — 1878 и 1887 — 1888, когда вместо повышения курса произошло значительное понижение. Эти отступления вполне понятны для первых двух годов, так как в течение их была русско-турецкая война, сопровождавшаяся значительным выпуском кредитных рублей, — две причины сразу для понижения курса. Что касается понижения курса при очень хорошем урожае 1887 — 1888 гг., то следует припомнить, что в этот именно год раздавались воинственные речи Бисмарка о войне на двух фронтах, о тевтонской ярости и о том, что немцы никого, кроме Бога, не боятся. Терроризированные этими вызывающими выходками, немцы, являющиеся главными собственниками русских фондов, поспешили их сбывать по низкой цене, тем более, что германское правительство незадолго перед тем отказалось выдавать ссуды под русские бумаги, окончательно тем подорвав доверие к ним в своих подданных. Бумаги устремились туда, где в них верили, то есть частью в Россию, произведя своим вступлением в ее пределы понижение курса, частью во Францию. Затем остальные три отступления (годы 1879 — 1880, 1881 — 1882, 1889 — 1890) не настолько резки, и мы не станем выяснять их причины, а заметим только, что зависимость курса от урожая настолько очевидна априори и на основании фактов, что ее не отрицают ни сторонники кредитной валюты, ни ее противники. Различие во взглядах между теми и другими заключается лишь в том, что последние в этой зависимости усматривают вред для финансов России, а первые — пользу для ее экономического состояния.

Чтобы покончить с вопросом о связи курса и урожая, скажу несколько слов о факторах, противодействующих тем колебаниям курса, которые вытекают из установленных выше оснований. Международная цена хлеба должна определяться отношением спроса и предложения. Если мы сосчитаем, сколько излишка хлеба уродилось в данном году в странах, вывозящих хлеб, то эта сумма и будет собой представлять моровое предложение хлеба, если же затем мы определим, какой недостаток хлеба оказывается в том же году в странах, покупающих хлеб, то мы получим величину мирового спроса на хлеб.

Из статистических данных усматривается, что международные цены на хлеб не всегда зависят от отношения спроса и предложения, определенного по вышеприведенным соображениям (см. «Цены на пшеницу» Касперова). Так, например, в 1884 году предложение было больше спроса (630 млн. пуд. против 338 млн. пуд.), цена в Англии была 73 коп., в следующем году предложение было меньше спроса (211 млн. пуд. против 372 млн. пуд.), а между тем цена, вместо повышения, упала до 70 коп. Это несоответствие цены с отношением предложения к спросу проистекает из того, что действительное предложение, как увидим ниже, не равно вычисленному на основании вышеизложенных соображений. Если же сопоставить международную цену с урожаем одной России, то оказывается, что между ними есть прямая зависимость. Чем больше урожай в России, тем ниже мировая цена на хлеб и наоборот. На первый взгляд это обстоятельство может показаться лестным свидетельством, что Россия диктует хлебные цены на международных рынках, но при ближайшем рассмотрении обнаруживается, как это доказывается в «Ценах на пшеницу» Касперова, что роль России тут чисто отрицательная. Когда в России урожай, то вследствие отсутствия правильной организации хлебной торговли все спешат распродать и вывезти весь избыток хлеба и тем сбивают ему цену

до минимума. Когда же в России неурожай и русская хлебная торговля фактически не в состоянии уронить цены, тогда наступает очередь Америки, которая, благодаря организованной торговле, играет роль повышателя, стремясь всегда поддерживать высокие цены. Даже при самом хорошем урожае Америка не угнетает хлебных цен, предпочитая отложить излишек хлеба в запас, чтобы двинуть его в продажу по высокой цене, когда в России случится неурожай. Здесь необходимо сделать ту оговорку, что роль Америки как повышателя и регулятора цен ограничивается только воздействием на колебания цен, зависящие от годовых изменений производства, обусловленных размерами урожая. Америка не властна бороться с хроническим понижением цен, зависящих от возникновения новых сельскохозяйственных производств при условиях более благоприятных, чем прежние. Другими словами, организация торговли в Америке может оказывать влияние на цены отдельных государств, но не может влиять на среднюю цену многих лет. Из изложенного еще видно, что мировое предложение хлеба зависит не только от урожая данного года, но и от наличия и употребления запасов.

Другое обстоятельство, ослабляющее полезное колебание курсов, заключается в том, что, вследствие упомянутой несовершенной организации русской хлебной торговли, большая часть годового вывоза падает на первых три осенних месяца, между тем как ввоз совершается равномерно в продолжение года. Вследствие этого даже при слабом урожае в осенние месяцы может явиться временно большое предложение золота и вследствие этого задержится полезное понижение курса или даже произойдет повышение его. Вот два обстоятельства: неумение выждать цен в урожайные годы и форсированный вывоз в осенние месяцы вообще — которые зависят от отсутствия правильной организации хлебной отпускной торговли, парализуют часть тех выгод, которые дает стране упругость кредитной валюты.

В чем же, однако, заключается та хозяйственная неустойчивость России, для излечения которой считается необходимым введение золотой валюты? Из официальных данных 1897 года усматривается, что фабрично-заводская промышленность России производит в год на два миллиарда, а сельскохозяйственная на полтора миллиарда рублей. Последняя цифра, нужно думать, есть средняя, а так как урожай колеблется не менее чем на одну треть в обе стороны от среднего, то стоимость сельскохозяйственного производства при плохом урожае следует принять в один миллиард, при хорошем — в два. Итак, в один год размеры производства страны могут потерпеть такое сильное колебание, как переход от четырех миллиардов к трем, в один год жители страны должны сократить свои потребности на одну четвертую часть. Если же принять во внимание, что большинство населения живет земледелием, бюджет которого меняется вдвое, а следовательно, в такой же пропорции должно меняться удовлетворение потребностей, то мы поймем, что не в колебании валюты заключается экономическая неустойчивость России, а в более серьезных стихийных причинах, влиять на которые нужно особыми сильно действующими средствами. Необходимость изыскания таких средств станет особенно очевидной, если вместо рассмотрения сельскохозяйственного производства всей России в совокупности будем рассматривать его по отдельным районам. Если в урожайный год мы признаем население некоторого района вполне зажиточным, то может случиться, что на следующий год, при плохом урожае, мы вынуждены будем признать жителей того же района почти бедняками.

Сравним с экономическим положением России экономическое положение Англии. Англия, как известно, является страной с промышленностью, развитой, как нигде. Земледелие в ней играет самую ничтожную роль. Немудрено тогда, что полная сумма производства Англии меняется из года

в год очень мало, так как ее главнейшая составная часть — производство фабрично-заводское — может меняться лишь постепенно и понемногу, а зависящее от стихийных сил природы сельскохозяйственное производство, по ничтожности его размеров, своими колебаниями не может оказывать большого влияния на общую сумму производства. В Англии, как известно, существует золотая валюта, примененная в такой чистоте, как ни в одной стране. Подчеркнем этот факт: в той стране, где производство зависит от стихийных сил природы меньше, чем где-либо, существует золотая валюта без всяких суррогатов, в виде ли серебряных денег или бумажных облигаций, то есть золотая валюта в более чистом виде, чем в какой-либо другой стране с золотым обращением. Не любопытно ли сопоставить это обстоятельство с примером С.-Американских Соединенных Штатов, где у народа, столь родственного Английскому по происхождению, столь же развитого, предприимчивого и богатого, при таком же, как и в Англии, высоком развитии обрабатывающей промышленности, но при существовании наряду с этой промышленностью, также в громадном размере, сельскохозяйственного производства, хотя и существует золотая валюта, но валюта так называемая «хромающая», и притом более «хромающая», чем в какой-либо другой стране с золотым обращением? Хромота валюты выражается в факте обращения в Соединенных Штатах одновременно с золотом громадного количества серебра, внутренняя стоимость которого меньше его официальной платежной стоимости. По известному финансовому закону Грешама плохие деньги вытесняют хорошие, поэтому при первом серьезном торговом или политическом кризисе золото может уйти из Америки, оставив себе заместителем серебро с принудительным курсом, то есть валюту, только по внешности отличающуюся от бумажной, что едва и не случилось в 1893 году. Пример Северной Америки показывает, как трудно для земледельческой страны ус-

тановить себе незыблемую валюту. Не характерно ли также то, что Индия, составная часть той страны, метрополия коей (Англия) имеет идеальную золотую валюту, пользуется серебряно-денежным обращением с принудительным курсом, то есть простой разновидностью кредитного обращения? Нельзя не обратить внимания также на тот факт, что Франция и Германия, сельскохозяйственные производства коих имеют для них гораздо большее значение, чем таковое же в Англии, имеют золотую валюту также «хромающую», то есть отягощенную обесцененным серебром. И, наконец, заслуживает самого большого внимания тот факт, что государство, занимающее после России первое в Европе место по сельскохозяйственному производству, именно Австрия, имеет не золотую, а кредитную валюту, несмотря на неоднократные дорогостоящие неудачные попытки перейти к золотому обращению, не охладившие, впрочем, этого желания, так как по закону 1892 года, Австрия снова на пути к закреплению золотой валюты. Из вышеприведенных фактов мы можем сделать заключение, что валюта представляет собой как бы отражение экономического строя страны. Чем устойчивее экономическое положение страны, то есть чем постоянное количество производимых в год продуктов, тем более страна способна к установлению у себя системы устойчивой и неизменной валюты. Изменчивая кредитная валюта, благодаря своей упругости, подобна экипажу с рессорами, который незаменим в езде по тряской дороге. Ошибку сделал бы тот путник, который, заметив, что рессоры находятся в вечном колебательном движении, решил бы их снять, приписав им, а не дороге, ощущаемые при езде толчки.

Как же сделать, чтобы в земледельческой стране экономическая жизнь шла спокойно, без потрясений? Влиять на стихийные силы природы, на урожаи мы еще не умеем и вряд ли скоро научимся это делать. Перейти от сельскохозяйственного строя к строю государства с развитой обрабатывающей

промышленностью — это путь долгий, и правильность такого решения вопроса весьма гадательна. Но есть другой способ, всеми давно рекомендуемый, но, к сожалению, до сих пор не дождавшийся энергичного осуществления. Способ этот — образование запасов хлеба, могущих регулировать годовые колебания в его производстве. Сущность организации государственных хлебных запасов заключается в том, что в первые со времени организации урожайные годы государство скупает весь излишек хлеба сверх того количества, которое соответствует средним размерам урожая. Затем, в случае неурожайного года, государство ссужает населению столько хлеба, чтобы вместе с народившимся хлебом население имело в своем распоряжении количество, соответствующее среднему урожаю. Выданную ссуду население погашает в ближайший урожайный год, полностью или частью, строго согласно с основным принципом, чтобы население распорядилось количеством хлеба не больше и не меньше того, которое дает средний урожай.

Тот экономический строй, при котором население неизменно располагает одним и тем же количеством хлеба, будет содействовать возможному экономическому равновесию. Годовые цены на хлеб будут постоянны, а это вместе с тем отразится на ценах и прочих продуктов, содействуя также и их постоянству. Размеры вывоза хлеба сделаются также постоянными, что даст нам возможность отрешиться от нашей роли понижателей хлебных цен и идти рука об руку с Северной Америкой, которая, благодаря своей системе запасов, как было уже объяснено выше, стойко борется против колебаний цен, обусловленных случайностями урожаев. Попутно следует обратить внимание также на равномерность вывоза по месяцам года, усиливая в период навигации отпуск из замерзающих портов и задерживая в то же время отпуск из незамерзающих и, кроме того, давая земледелию и торговле ссуды под хлеб в том случае, если они без этого не в состоянии воздержаться

от массовых осенних запродаж. Курс рубля в этом случае, само собой разумеется, также освободится от колебаний. Когда экономическая жизнь страны освободится от порывов и пойдет по гладкой и ровной дороге, то будет меньше препятствий к введению неподвижной золотой валюты, не способной тогда внести с собой резкие изменения в экономическую жизнь страны. Прибавим к сказанному, что государственные хлебные запасы могут представлять собой также часть военного фонда, так как хлеб нужен и сам по себе при ведении войны и, кроме того, во время войны он может быть продан для удовлетворения других военных потребностей.

В этой главе мы разобрали роль кредитного рубля для внешней торговли. Мы видели, что кредитный рубль в глазах иностранцев вовсе не является векселем несостоятельного должника, а представляет некоторую вполне реальную ценность, но не постоянную, а изменяющуюся от разных обстоятельств. Мы проследили затем законы изменения этой ценности и нашли, что колебания курса кредитного рубля бывают двоякие; одни — зависящие или от случайностей урожая, или от увеличения всемирного сельскохозяйственного производства, или от выпуска кредитных билетов, другие — от политических осложнений или от спекуляций. Первые колебания имеют своим последствием более равномерное среди населения распределение прибылей и убытков от изменившихся обстоятельств урожая или государственного бюджета, и потому полезны и заслуживают поощрения и защиты против тех явлений, которые, кроясь в организации или, правильнее сказать, в дезорганизации нашей хлебной торговли, в некоторой степени умаляют амплитуду полезных колебаний курса. Вторые колебания курса от причин политических и спекулятивных должно отнести к разряду вредных, так как последствием их является незаслуженное и несправедливое перемещение внутри страны благ. Политические и спекулятивные влияния на курс постепенно ослабляются тем, что фонды, по мере про-

явления этого влияния, все более и более переходят в крепкие руки, то есть частью вовнутрь страны, частью в страны наиболее дружественные. Далее мы выяснили, что экономические потрясения, переживаемые Россией, коренятся в самом существе ее народного хозяйства как преимущественно землевладельческого, и что тем плавнее и спокойнее экономическая жизнь государства, чем меньше производство в нем зависит от стихийных сил природы, и что принятая в государстве система валюты обыкновенно представляет как бы зеркало ее экономического строя. Из беглого очерка мы увидели, что лишь одному государству удалось осуществить золотую валюту во всей ее чистоте, государству наименее сельскохозяйственному, прочие же страны тем дальше от чистой золотой валюты, чем больше значения имеет сельскохозяйственное производство в общем экономическом строе государства. Мы напомнили, наконец, о средстве, которое должно и может поставить экономический ход страны на ровную дорогу, освободив его от постоянных потрясений и вознаградив его за зависимость от стихийных сил природы. Это средство — образование государственных запасов хлеба — служа государству во время мира и войны, во время мирного урожая и голодного года, позволит сделать валюту неизменной, будет ли она кредитная или золотая.

Теперь перейдем к исследованию природы бумажно-денежного обращения внутри государства.

II

Представим себе государство, в котором не существует никакого денежного обращения, но у населения тем не менее имеется ясное и точное представление об относительной стоимости предметов. Так, например, крестьянин знает, что лошадь стоит тридцать монетных единиц, пуд хлеба — полмо-

нетной единицы, десятина земли сто монетных единиц и т.д., но реального воплощения этих монетных единиц в форме определенных денежных знаков, как сказано выше, не существует. Условимся для простоты изложения называть эту монетную единицу рублем, считая ее равной четырем золотым франкам.

Отсутствие в стране денежных знаков, как известно, крайне затрудняет обмен продуктов. Иван желает продать хлеб и купить сапоги. Он находит Петра, желающего купить хлеб, но имеющего для продажи вместо сапог овцу; находит затем Семена, желающего продать сапоги и, если окажется, что Семен, кроме того, нуждается в овце, то обмен хлеба на сапоги может состояться при участии только трех лиц, но если Семену нужна не овца, а, например, соль, то нужно искать желающего купить овцу и продать соль и т.д. Если так запутаны торговые отношения между гражданами, то еще сложнее они будут между государством и населением. Государство по отношению к своим гражданам является в одно время и покупщиком, и продавцом. Оно покупает хлеб, разный другой провиант, одежду и проч. для войска, покупает труд рабочего для исправления государственных дорог, зданий и прочих имуществ, покупает, наконец, труд чиновников и т.д. и т.д. Оно продает затем свой государственный труд по правосудию и по полицейской охране (гербовый сбор) и продает под видом продуктов государственного производства патенты на право торговли и промыслов, акцизные бандероли и т.д. Осуществление всей этой купли-продажи без денежных знаков было бы делом весьма сложным и даже почти невозможным. Чтобы выйти из этого положения, государство поступает следующим образом. Положим, государству требуется перечисленных выше предметов на сто миллионов рублей (бюджет расхода) и оно рассчитывает оказать населению услуг также на сто миллионов (бюджет прихода). Оно печатает на эту сумму кредитные рубли и производит

на них покупку нужных ему предметов. Покупая, например, хлеб у Ивана и выдавая за него 50 рублей, государство объясняет ему, что эти 50 рублей оно примет от него в уплату, когда Иван обратится к государству за наймом и покупкой государственного труда и продуктов. Так как Ивану требуется от государства услуг всего на 20 рублей, то 30 рублей он расходует на покупку лошади у Карпа, который с охотой принимает эти кредитные бумажки, так как ему нужно на такую точно сумму купить у государства акцизных бандеролей. Таким образом, кредитные билеты, отпечатанные только для учета обмена между государством и населением, немедленно начинают функционировать в качестве орудия обмена также между гражданами. Население, зная, что выпущено в обращение как раз столько рублей, на сколько оно собирается купить у государства услуг, относится с полным доверием к выпущенным рублям, так как каждый рубль может быть немедленно реализован. При таких обстоятельствах в глазах населения кредитный рубль представляет не простой денежный знак или счетную марку, не вексель несостоятельного должника, а удостоверение государства в принятии от подданного известного количества продуктов или труда с обещанием по первому требованию оказать равноценную долю государственных услуг, то есть вполне реальную ценность, причем никому в голову не придет просить государство обменять кредитную бумажку на золото, так как продажа золота, будучи совершаема частными лицами — ювелирами — не входит в круг функций государства.

Пусть на изложенных началах наше гипотетическое государство установило свое денежное обращение и пользовалось им безо всяких помех и осложнений в продолжение нескольких лет. Но вот государство вовлекается в войну. В продолжение года оно должно содержать втрое большую армию, покупать для нее провиант, одежду, оружие и проч. Для этого нужно истратить не сто миллионов, как прежде,

а двести. Государство печатает лишнюю сотню миллионов рублей, а приходный бюджет оставляет прежний. Население, продав казне различные предметы на первую сотню миллионов, замечает, что его потребность в кредитных рублях вполне удовлетворена. Всякий имеет их столько, сколько ему нужно для покупки государственных услуг. При дальнейшей купле, совершаемой казной, население будет крайне неохотно обменивать свои продукты на рубли. Но население все-таки может согласиться взять лишние рубли, так как они могут пригодиться для покупки государственных услуг через год. Но так как эти рубли должны пролежать целый год непроизводительно, то население, принимая их в обмен за свои продукты, продисконтирует их по существующему в стране проценту и, следовательно, повысит цену на все продукты примерно на 5 процентов. Это явление крайне вредно отзовется на всем хозяйстве страны. Те, которые в момент повышения цен являются обладателями продуктов, выигрывают, так как продукты дорожают; обладатели же рублей вследствие падения их стоимости проигрывают. Проигрывают также кредиторы, давшие займы полноценные рубли и получающие обратно малоценные, но зато в той же степени выигрывают должники. Проигрывают также все живущие от постоянного дохода — чиновники, пенсионеры и т.п. Словом, получается незаслуженная выгода для одних и столь же несправедливый убыток для других. Если бы государство вместо двойного расходного бюджета пережило во время войны тройной, то третья сотня миллионов дисконтировалась бы населением примерно по 10 процентов, так как она должна была бы лежать у населения мертвым капиталом два года. Как бы то ни было, государство свои двести миллионов истратило, из них сто миллионов вернулось в казну обратно по приходному бюджету. Война кончена и, как ее последствие, среди населения осталась сотня миллионов рублей без возможности немедленной реализации. В пер-

вый же год после войны государство возвращается к своему прежнему бюджету в сто миллионов, но население, имея уже сто миллионов, необходимых и достаточных для обмена на государственные услуги, опять с учетом процентов будет продавать государству свои продукты и труды. Произойдет закрепление повышения цен продуктов и закрепление соответственного понижения покупательной способности рубля. То обстоятельство, что все предметы вздорожают на 5 процентов, заставит государство для приобретения прежнего количества предметов истратить не 100, а 105 миллионов. Однако, если государство это сделает, не изменяя своего приходного бюджета, то оно только ухудшит положение. Вместо ста миллионов рублей, преждевременно увидевших свет, будет их сто пять, и ценность рубля еще понизится. Увеличивая по необходимости свой расходный бюджет, государство, чтобы не изменять вторично ценности рубля, должно в такой же мере увеличить и бюджет прихода. Но как это сделать? Государство не властно заставить население брать от него больше услуг и продуктов, чем последнему требуется. Оно не может увеличить спрос ни на правосудие (гербовый сбор), ни на разрешение занятиями промыслами и торговлею, ни на акцизные бандероли и т.п. Но, не будучи в состоянии существенно влиять на количество этих услуг, оно может возвысить их цену. Для бюджетного баланса оно должно возвысить цену на 5 процентов. Итак, на увеличение населением стоимости продуктов государство отвечает возвышением стоимости своих услуг. Понижение покупательной силы рубля закрепляется официально. Но представим себе, что, вследствие ли искусства правителей, или предприимчивости народа, или просто вследствие благоприятных обстоятельств экономическая жизнь страны настолько развилась, что у населения явился большой запрос на государственные услуги, осложнились людские отношения и явилось больше надобности в правосудии, открылись рынки для сбыта това-

ров, возрос спрос на торговые и промысловые свидетельства и т.п. В этом случае приходный бюджет государства сам собой возрастает. Не воспользоваться ли этим случаем, чтобы естественным путем, то есть превышением прихода над расходом, извлечь из обращения излишние бумажки? Само собою ясно, что извлечение из обращения кредитных рублей произведет такие же явления, но только в обратном порядке, какими сопровождался некогда их выпуск, то есть изменение отношения ценности денег к ценности продуктов со всеми незаслуженными и несправедливыми прибылями и убытками отдельных лиц. Но если извлечение излишних бумажек будет совершаться медленно и осторожно, не производя потрясений, то против него нельзя сделать серьезных возражений, а за него говорит то, что возвращение к прежней нормальной и привычной мерке цен вообще желательно и справедливо по отношению к лицам, живущим от постоянного дохода, если только изменение ценности рубля не успело пустить корни настолько, чтобы переоценить большинство постоянных доходов (оклады, жалованья и т.п.).

Из вышеизложенного можем сделать следующий вывод: выпуск кредитных бумажек для покрытия дефицита государственного бюджета ни в каком случае допущен быть не может, так как он ведет к обесцениванию рубля, которое сопровождается перераспределением среди населения ценностей, основанных на случайностях, не имеющих ничего общего с началами справедливости. По тем же самым соображениям не должно быть допущено также превышения приходного бюджета над расходным. В самом деле, если бы государство взяло у населения продуктов на меньшую сумму, чем какая требуется населению для покрытия его издержек по удовлетворению потребности в государственных услугах, то населению нечем было бы уплатить за часть этих услуг, и так как государство принимает плату за свои услуги только

кредитными билетами, а не товарами, то население поневоле должно было бы отказаться от некоторых из этих услуг, что, разумеется, не могло бы не отразиться на промышленности и торговле, так как фабриканты, заводчики и торговцы при-
нуждены были бы выбрать у государства меньше разных разрешений, акцизных бандеролей и проч., или же, наконец, население оказалось бы в долгу у государства, если бы последнее на это согласилось. Поэтому если возрастает приходный бюджет государства, то соответственно должно увеличивать расходный, отдавая предпочтение наиболее производительным для населения статьям расхода.

Вместо выпуска кредитных билетов в год войны государство могло бы выпустить процентные бумаги и на них купить все необходимое. Такой обмен мог бы быть только на почве добровольного соглашения, так как государство не могло бы обещать приема этих процентных бумаг в счет уплаты за государственные услуги. При патриотизме населения и выгоды процента сделка могла бы состояться. Государственный бюджет, увеличенный платежом процентов по займу, ничего не выиграл бы и не проиграл бы по сравнению с выпуском кредиток. Но население, безусловно, выиграло бы, так как было бы избавлено от несправедливого перераспределения ценностей вследствие обесценивания кредитного рубля.

Все предыдущие рассуждения велись как бы в том предположении, что обмен товаров с помощью кредитных денег происходит между двумя конкретными и сознательными личностями и что кредитные деньги служат для обмена только между двумя этими личностями. В действительности дело обстоит гораздо сложнее. Если государство еще может или, по крайней мере, должно отдавать полный отчет в последствиях, зависящих от годового баланса и размеров выпуска кредитных денег, то нельзя то же сказать про население, в большинстве своем состоящее из темной и невежественной

массы. Однако эта масса имеет чуткие органы в лице торговых бирж, синдикатов, банков и проч., быстро реагирующих на всякие изменения в финансовом положении страны и естественно руководящих всей страной в деле приспособления к изменившемуся порядку вещей. Отступления действительности против выше предложенного хода событий могут заключаться не в существе дела, а лишь в том, что следствия часто идут за своими причинами, если можно так выразиться, с некоторым опозданием: не так быстро понижается покупательная способность рубля после неумеренного выпуска кредитных денег и не так быстро повышается в противоположном случае.

Второе различие наших предположений от действительности заслуживает более подробного рассмотрения. Здесь прежде всего является вопрос, почему государство должно отпечатать именно ту порцию кредиток, которая соответствует годовому расходу, почему не больше и не меньше? Нет никакого сомнения, что государство могло бы отпечатать, например, только месячную порцию кредиток и с помощью ее производить обмен своих продуктов на продукты населения; но при таком малом количестве денежных знаков каждый рубль, вырвавшись из казначейства, стрелой летел бы туда обратно, чтобы успеть в продолжение года двенадцать раз уйти из казначейства и двенадцать раз туда вернуться. Весьма сомнительно, чтобы при такой быстроте обращения рубль мог успеть оказать какую-нибудь услугу для учета обмена среди населения. Увеличивая порцию выпуска кредиток, государство все более и более дает им возможность быть полезными населению в качестве орудия обмена. Однако максимальным выпуском нужно считать количество, соответствующее годовому бюджету, так как финансовые планы и соображения государства принято составлять на срок не более года ввиду того, что более отдаленные предначертания, потеряв под собой твердую почву, ускользнули бы

от контроля населения. Кроме того, самый выпуск в население порции кредиток более годового бюджета был бы практически затруднителен. Не может же, например, государство закупить у населения все для себя необходимое на два года. Конечно, государство может раздать эти деньги авансом под будущие поставки, но это уже вопрос ссудной операции, о которой речь ниже.

Итак, кредитный рубль, вырвавшись из кассы казначейства, хотя и спешит вернуться туда обратно, но не всегда делает это кратчайшей дорогой. Он всюду желанный гость, и население не прочь его подзадержать для торговых и промышленных целей. Тут мы, собственно, подходим к вопросу о том, какое может иметь влияние на экономическую жизнь страны недостаток в ней денег. Этот вопрос мы разделяем на два самостоятельных: недостаток денег и недостаток денежных знаков. Промышленность, как добывающая, так и обрабатывающая, создает новые ценности, и потому она нуждается в деньгах как представителей некоторых определенных реальных ценностей. Торговля ничего не создает, а только обменивает не ею созданные ценности, а потому для нее, если исключить из рассмотрения перевозку товаров, нужны не деньги, а лишь денежные знаки как самое простое средство учета и обмена. Однако повсюду торговля привыкла пользоваться для своих целей настоящими деньгами. Но, положим, в стране недостаток денег. Как это отразится на торговле? Если в стране, собственно для надобностей торговли, обращается миллион рублей, то этот миллион, будучи непричастен созданию ценностей, является как бы мертвым капиталом. При надлежащем помещении этот капитал приносил бы, примерно, 50 000 дохода. Очевидно, эти 50 000 руб. торговля записывает себе в пассив и возмещает их на продажной цене товара. Но вместо того, чтобы для учета обмена непроизводительно держать миллион рублей, торговцы могли бы устроить расчетную контору, где каждому велся бы

особый счет, и все платежи производились бы перепиской со счета одного на счет другого. Окончательные расчеты бы производились через определенные сроки, и каждый получал бы или платил только окончательную разницу. Если бы содержание такой расчетной конторы стоило менее 50 000, то очевидно, торговцы не были бы в убытке. Если бы при отсутствии специальных расчетных контор торговцы ощутили бы недостаток в деньгах, то они всегда могли бы выйти из этого затруднения, прибегая в большей мере, чем обыкновенно, к банкам как расчетным конторам, а деньги оставляли бы для надобностей мелкой торговли. Но если страна не предприимчива и всякие учреждения, подобные банкам и расчетным конторам, вводятся в ней туго, то у торговли есть еще средство обойти затруднение от недостатка денежных знаков. Торговля не имеет права выпускать кредитную монету, но кто ей помешает выпускать золотую? Государство не только ничего не будет иметь против этого, но даже окажет всякое тому содействие, предоставив для этой цели свой монетный двор. Торговец посылает на монетный двор золото и обратно получает золотую монету с государственным гербом, свидетельствующим, что монета полновесная и не фальшивая. На лицевой стороне монеты прописывается не число рублей, а число золотников или граммов чистого золота. Таким образом была бы монета в три, пять, десять золотников и т. д. Прием таких монет был бы делом добровольного соглашения или принятых обязательств по сделкам. Государство подобных монет не принимало бы, так как оно меняет свои услуги лишь на собственные обязательства — кредитные рубли, а не на товар, к какому принадлежит золото. Если экономическая жизнь страны уравновешена учреждением государственных хлебных запасов и курс рубля, следовательно, застрахован от порывистых колебаний, то подобное параллельное существование кредитного и золотого денежного обращения не могло бы особенно осложнять расчеты торговли

и потому могло бы при известных условиях пустить корни.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что недостаток денег как денежных знаков для учета торгового обмена не представляет такого зла, которым государство должно особенно считаться. Совсем иначе дело обстоит с вопросом о недостатке денег как таковых, как представителей некоторых реальных ценностей, о недостатке денег для надобностей промышленности. Представим себе, что суконный фабрикант вследствие каких-либо неблагоприятных обстоятельств не продал выработанного им в продолжение года сукна. Фабрикант не имеет денег, чтобы закупить материалы для дальнейшей работы, чтобы нанять рабочих и содержать фабрику. Фабрика должна стоять без дела до тех пор, пока фабрикант не продаст своего сукна. Рабочие должны быть распущены, и часть их может остаться без дела, другая найдет его, но, может быть, путем понижения заработной платы. Все — и фабрикант, и рабочие — оказываются в убытке. Их может и должно выручить государство. Оно отпечатывает кредитные рубли и выдает их фабриканту в виде ссуды под имеющееся у него сукно. Фабрикант пустит свою фабрику в ход, выделяет новую годовую партию сукна, продаст все имеющееся сукно и вернет ссуду государству, которую последнее предаст уничтожению. Является вопрос: не произведет ли выпуск лишних бумажек падения ценности кредитного рубля со всеми последствиями, о которых мы выше говорили. На этот вопрос нужно ответить отрицательно. Все выпущенные государством бумажки имеют полноценное обеспечение, одни — государственными услугами, необходимыми населению, другие — сукном, имеющим определенную рыночную стоимость. Следовательно, нет в наличности тех причин, которые могли бы понизить покупательную стоимость рубля. Биржи, рынки и все торговые корпорации, зная, что дополнительные бумажки выпущены под верное обеспечение, не забудут тревоги и не поведут за собой население в сторону общего повы-

шения цен. Однако с большой осмотрительностью и при полной осторожности государство может печатать кредитные бумажки для выдачи ссуд и не под залог товаров. Если бы в нашем примере фабрикант очутился бы без денег вследствие того, что его сукно сгорело незастрахованным, отчего в этом случае государству, убежденному в добросовестности и трудоспособности фабриканта, не выдать ему ссуду не под настоящее обеспечение, а под будущее, имеющее появиться в срок не более года? Положение дела в этом втором случае очень мало меняется по сравнению с первым.

Итак, государство может и должно выпускать кредитные бумажки для краткосрочных ссуд промышленности, для создания таких ценностей, которые являются предметами купли-продажи, имея определенную рыночную цену. Но может ли государство выпускать кредитные билеты для создания больших предприятий, например, может ли оно таким путем построить большую железную дорогу или ссудить кого-нибудь для постройки таковой? Железная дорога не представляет собой предмета купли-продажи, она не имеет рыночной цены. Нельзя найти желающего купить железную дорогу за наличные. Это никому не под силу. Поэтому реализация бумажек, выпущенных для предприятий, подобных постройке железной дороги, явится необеспеченной, и эти бумажки произведут понижение цены кредитного рубля со всеми вытекающими отсюда последствиями. Железные дороги, бесспорно, представляют полезное предприятие, но польза от них извлекается не только современниками, но и длинным рядом последующих поколений. Поэтому было бы крайне несправедливо взыскать на современников все пертурбации в экономической жизни страны с незаслуженными убытками для одних и с такими же прибылями для других. Подобные предприятия могут осуществляться только путем займов — путем выпуска процентных бумаг, не вносящих смуты в экономическую жизнь народа и про-

центы по коим будут уплачиваться тем же потомством, которое будет извлекать выгоды из железной дороги.

Оставим на время наше гипотетическое государство и сделаем маленькую экскурсию в историю финансов существующей в действительности страны. В настоящее время в России обращается около 1000 миллионов кредитных рублей, выпущенных в период пятидесяти с лишним лет, начиная с 1840 года. Из них 800 миллионов выпущены во время войн Крымской и Русско-турецкой, остальное постепенно, в среднем, следовательно, не более 750 тысяч рублей в год. Непосредственно перед Крымской войной количество обращающихся кредитных рублей точно равнялось приходному бюджету. Перед Русско-турецкой войной такого полного соответствия не было. Кредиток было 790 миллионов, а приходный бюджет был 559 миллионов. Теперь отношение обратное: кредиток 1000 миллионов, а приходный бюджет около 1400 миллионов. Следовательно, денег мало, и население стеснено как в своих взаимных расчетах, так и в расчетах по своим обязательствам к казне. Здесь уместно обратить внимание, как мало имеет под собою почвы возражение против кредитной валюты, основанное на мнении о соблазне, связанном с легкостью получения денег путем выпуска кредиток. Правда, было время (для истории нашего вопроса — время легендарное), когда к печатной машинке прибегали как к простому домашнему средству для излечения всяких экономических недугов, но из вышеизложенного можно усмотреть, что после реформы Канкрин выпуск кредиток шли даже медленнее, чем рост государственных доходов. Исключением в этом отношении являются годы войн Крымской и Русско-турецкой. Но тут следует заметить, что самые горячие сторонники золотой валюты не скрывают того факта, что во время войны, когда является надобность в чрезвычайных ресурсах, существование золотого обращения несколько не устраняет неизбежности выпуска бумажных денег. К этому прибавим,

что количество выпускаемых во время войны кредиток, завися исключительно от размеров военных потребностей, нисколько не находится в зависимости от того, какая существует в стране система денежного обращения — кредитная или золотая.

Вернемся снова к нашему гипотетическому государству. Допустим, что со времени установления в нем кредитно-денежного обращения прошло пятьдесят лет. Финансовые раны, полученные во время войны, успели зажить бесследно. Ценность рубля осталась без изменения, но нельзя того же сказать про ценность разных предметов. Технические усовершенствования, общий прогресс народной жизни в связи с развитием торговой промышленности успели понизить стоимость продуктов многих производств. Общее количество вырабатываемых и потребляемых продуктов возросло не только абсолютно, но и относительно, считая на одного жителя. Хотя стоимость многих продуктов и понизилась, но ввиду того, что потребление со стороны каждого человека возросло, стоимость потребляемого одним человеком могла как возрасти, так и упасть. Весьма трудно сказать, что идет быстрее при экономическом прогрессе страны: возрастание ли количества потребляемого каждым жителем или уменьшение средней стоимости каждого из потребляемых предметов, то есть, другими словами, должно ли происходить понижение заработной платы или ее повышение. Однако во всяком случае мы можем сказать, что понижение стоимости предметов ощутительнее на тех производствах, где большее участие принимают машины, а не люди. Продукты же тех производств, которые зиждутся более на человеческом труде, если и упадут в цене, то упадут, во всяком случае, менее ощутительно. Так как земледелие покоится главным образом на человеческом труде, то, поскольку цена хлеба зависит от техники производства и от высоты рабочей платы, нет причин, чтобы эта цена могла существенно измениться. Для простоты рассу-

дения, нисколько не влияя на результаты выводов, мы можем принять, что хлеб у нас остался в той же цене, как в первый год установления кредитно-денежного обращения. Допустим затем, что в течение рассматриваемого пятидесятилетия в хлебном хозяйстве остального мира произошли большие перемены: были пущены в обработку притропические земли, дающие громадный урожай при малом труде и при дешевых нетребовательных рабочих из туземцев. Результатом этих перемен явилось понижение на международном рынке хлебных цен вдвое. Если, например, пятьдесят лет тому назад международная цена пуда хлеба была 4 франка, то теперь она равна только 2 франкам. Так как внутренняя цена за пуд хлеба (с доставкой на международный рынок) осталась прежняя, равная одному кредитному рублю, то отсюда прямой вывод, что за кредитный рубль вместо 4 франков теперь дадут только 2, то есть курс рубля упал вдвое. Таким образом, при полном экономическом прогрессе страны курс кредитной валюты может претерпеть значительные падения по сравнению с золотой валютой. Это доказывает только то, что ценность товаров по отношению к золоту изменяется по одним законам, а ценность тех же товаров по отношению к кредитному рублю — по совершенно другим. Законы этих изменений совершенно несоизмеримы и совсем не служат показателями экономического благосостояния страны. В своем месте мы уже видели, как в продолжение сорока лет при постоянном падении золотой цены хлеба на 40% кредитная цена хлеба почти не изменилась, а вместо того упал курс кредитного рубля тоже почти на 40%.

Чтобы покончить с вопросом о кредитном обращении в нашем гипотетическом государстве, посмотрим, возможен ли и на каких условиях доступ в него иностранных капиталов. Иностранный капитал воплощается в золотых монетах; для функционирования его в нашем государстве он должен перевоплотиться в кредитную монету. Золото у нас

всегда имеет спрос, даже слишком большой спрос, если верить жалобам на низкий курс кредитного рубля. Иностраный капиталист без труда продаст свое золото за кредитные рубли, продаст его по частям, по мере надобности, чтобы не повышать курса, так как это для него невыгодно, а затем осуществить свое предприятие. Несколько неприятный для него факт — получение прибылей в изменчивой кредитной валюте — вполне вознаграждается высотой процентной прибыли. В стране с кредитным обращением прибыль с капитала обыкновенно больше, чем в странах с золотой валютой. В самом деле, допустим, что в стране с золотой валютой все предприятия, и в том числе сельскохозяйственное производство, некогда давали 5% прибыли. Положим затем, что международная цена хлеба настолько понизилась, что сельскохозяйственная прибыль упала до трех процентов. Очевидно, капитал и труд отхлынут от ставшего невыгодным земледельческого занятия и примкнут к промышленности. Отлив от земледелия труда и капитала, уменьшив конкуренцию, повысит процент прибыли, увеличение же конкуренции в промышленности вследствие вступления в ее ряды новых производителей уменьшит прибыли промышленности. Перемещение капитала и труда будет продолжаться до тех пор, пока размеры прибылей не сравняются, пока, например, прибыль земледелия не поднимется с трех процентов на четыре, а прибыль промышленности не упадет с пяти процентов до четырех. Итак, понижение цены на хлеб произвело общее понижение прибыли с капиталов. Так как понижение международной цены на хлеб не может проникнуть внутрь государства с кредитной валютой, то оно не произведет и уменьшения процентов прибыли с капитала. Высокий процент этой прибыли в земледельческой стране объясняется еще и тем, что подобные страны, имея непочатые богатства, представляют для капиталов много точек приложения, и поэтому спрос на капитал должен быть велик и столь же велика

должна быть плата за него, то есть процент прибыли.

В заключение спросим себя, могут ли и каким путем правители нашего гипотетического государства курс кредитного рубля, понизившийся, как мы сказали, вдвое, поднять на прежнюю высоту, сохраняя при этом систему кредитно-денежного обращения? На этот вопрос, как это ясно из всего предшествующего изложения, можно дать вполне определенный ответ. Для поднятия курса правители должны или поднять вдвое международную золотую цену хлеба, или понизить вдвое внутреннюю кредитную его цену. Так как ни то, ни другое не во власти правителей, то вопрос о поднятии курса кредитного рубля, падение которого обусловлено естественными экономическими причинами, есть вопрос праздный, и самое поднятие курса решительно никому не нужно.

Посмотрим, что произошло бы в нашем гипотетическом государстве, если бы там вместо кредитного денежного обращения было введено с самого начала золотое. Сделать это было бы нетрудно. Государство могло бы занять за границей, положим, сто миллионов золота. За это оно должно было бы прибавлять на вечное время к своему годовому бюджету пять миллионов для уплаты процентов. Конечно, это само по себе уже плохо, но если бы золотое обращение могло доставить населению значительные выгоды, то отчего же не пойти на эту жертву? Существование золотых международных денег должно было бы приводить внутренние цены продуктов к международным. Однако для продуктов, которые для нашей страны служат предметами заграничного ввоза, мы, путем покровительственных пошлин, легко могли бы держать внутренние цены на такой высоте, на какой пожелали бы. Совсем иначе дело обстоит с предметами нашего вывоза. Их внутренние цены должны были бы всецело подчиниться международным. Таким образом, по истечении пятидесяти лет внутренняя цена хлеба должна была упасть вдвое — с рубля на 50 копеек. Так как, несмотря ни на ка-

кие технические изобретения и усовершенствования, прочие предметы, в особенности при охранительных пошлинах, не могли бы подешеветь на столько же, а в особенности не могло бы это случиться с заработной платой, которая в экономически прогрессирующем государстве очень мало меняется, то результатом понижения вдвое хлебных цен было бы резкое уменьшение ренты на плодородных и близко к границам расположенных землях и полное обесценивание, с прекращением запашек, земель менее плодородных или лежащих далеко от пограничных пунктов вывоза. Освободившиеся и подешевевшие рабочие руки нашли бы применение своему труду на фабриках и заводах, которые, вследствие притока рабочих и уменьшения заработной платы, стали бы расширять свои производства, так сказать, за счет уменьшения сельскохозяйственных промыслов. Подобный пример мы видим в Англии, где за последние сорок лет, вследствие уменьшения хлебных цен вдвое, площадь посевов сократилась также вдвое. Правда, освобожденная из-под посевов хлеба земля возделывается для разведения картофеля, репы, капусты и т.п. Благодаря чрезвычайной густоте населения в Англии, несмотря на громадные количества этих продуктов, они находят там сбыт.

В стране же сравнительно малолюдной разведение в большом размере овощей не послужило бы ни к чему, так как едва ли можно рассчитывать на серьезный экспорт подобных продуктов. Но если бы овощи и стали котируются на международном рынке, победителями на нем явились бы те страны, на стороне которых — плодородная почва и дешевый труд, то есть те же притропические страны, диктующие ныне цены на хлебном рынке.

До настоящего времени только одна Англия безусловно отказалась от борьбы в защиту своего земледелия. Из всех главнейших европейских государств, ввозящих к себе хлеб, одна только Англия не имеет хлебных пошлин. Прочие же,

как, например, Франция и Германия, несмотря на свой явно промышленный характер, находят нужным покровительствовать своему земледелию установлением хлебных пошлин.

Для земледельческой же страны единственный способ покровительствовать своему земледелию — кредитная валюта как самый надежный оплот от влияния международных хлебных цен на внутренние цены хлеба.

Золотую валюту как общепринятую в главнейших государствах сравнивают с жидкостью, которая, будучи помещена в сообщающихся сосудах, всегда стремится стать в них на одном уровне, но при этом забывают, что золоту-деньгам, действительно, дают полную свободу перемещения, но тем товарам, ради которых единственно имеется смысл в существовании денег, ставят на каждом шагу препоны в образе покровительственных и запретительных пошлин. Какой смысл в свободном перемещении покупающих денег при связанном по рукам и ногам движении покупаемых товаров? Но если должно считать почтенными те соображения, в силу которых воздвигаются препятствия для ввозимых товаров, то не менее почтенными должны быть признаны те средства, которые расчищают препятствия на пути вывозимых товаров; другими словами, если необходимы таможенные заставы, то для земледельческой страны не менее необходима упругая валюта.

Переходя к России и возможности установления в ней золотого обращения, мы должны задать себе такой вопрос: какая может быть уверенность в том, что происходившее за последние сорок лет понижение хлебных цен не будет продолжаться и далее? Сельское хозяйство последовательно выставляет все новых и новых поставщиков. Вслед за Россией первыми выступили Северо-Американские Соединенные Штаты, затем Ост-Индия, Австралия и, наконец, Аргентина. Кроме усиления производства в этих странах, возможно

ожидать появления еще и новых конкурентов. Последнее время сильно колонизируется Африка. Эта мало исследованная страна по своему климату, близости к Европе, многочисленному и непритязательному населению в случае развития в ней земледелия может оказать громадное влияние на международный хлебный рынок. Если мы сумеем своевременно переделать Европейскую Россию на промышленный лад и нам за нее, следовательно, не придется бояться, то что мы будем делать с громадными угодьями Сибири, собирающейся благодаря железной дороге войти в связь с остальным миром? Не будем ли мы вынуждены, по примеру Англии, отделившей себя от Индии, отделить Сибирь от Европейской России, установить в Сибири кредитную валюту при золотом обращении в Европейской России?

Если хлебные цены будут продолжать падать, то, при отсутствии буфера в виде кредитной валюты, разорение значительной части нашего земледелия будет неизбежно. Разумеется, для общей пользы государства иногда могут быть принесены в жертву интересы отдельных, хотя бы и многочисленных, лиц. Но будет ли в рассматриваемом случае действительно польза для государства? Перед этим вопросом разум становится на распутье.

III

Из недавно вышедшего коллективного труда под редакцией профессоров Чупрова и Постникова «Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» мы узнаем (т. 1, стр. 35), что из 64 миллионов крестьян-земледельцев Европейской России 34 миллиона хлеб покупают, 20 миллионов потребляют все, что производят, и только 10 миллионов имеют избыток для продажи. Отсюда прямой вывод, что население России в главной своей массе

или совсем не заинтересовано в ценах на хлеб, или же интересы населения требуют низких цен, а не высоких, как это допущено во всех наших предыдущих рассуждениях. Этот вывод, хотя он сделан, по-видимому, из точных статистических данных и, кроме того, подкупает своей простотой, может быть признан непреложным только весьма условно. В самом ли деле земледелец, не покупающий и не продающий хлеба, не заинтересован в цене его? Если крестьянин, прилагая свой труд к земледелию, получает в виде вознаграждения сбор в сто пудов зерна, только что достаточный для прокормления его семьи, то он не бросит своего занятия лишь в том случае, если тот же труд, будучи приложен где-либо на фабрике, даст ему денежный заработок, вообще говоря, по стоимости мало отличающийся от стоимости продуктов земледельческого занятия. Но допустим, что цена хлеба — не случайная годовая, а средняя за несколько лет — вследствие условий мирового рынка упала вдвое. Земледельческий труд крестьянина принесет ему столько пудов зерна и на фабрике он получит тот же денежный заработок. Однако, этот заработок, ввиду удешевления цены на хлеб, может быть обменян теперь на 200 пудов зерна. Что же может при таких обстоятельствах удержать крестьянина у земледелия? Воспитанной веками привычки к земледельческому труду окажется для этого недостаточно, и начнется переход капитала и труда от земледелия к промышленности до тех пор, пока выгоды занятия тем и другим не сравняются. Это одна сторона дела. Из нее мы вправе заключить, что из 64 миллионов крестьян-земледельцев Европейской России интересы 54 миллионов в конце концов как будто бы требуют понижения хлебных цен, так как это лучшее средство поскорее оторвать население от невыгодного занятия земледелием. Но сейчас же как противовес этому заключению перед нами встает другой вопрос. Если из 64 миллионов земледельцев 34 миллиона принуждены покупать хлеб и 20 миллионов только что обес-

печены своим хлебом, то вытекает ли отсюда тот вывод, что русское земледелие в покровительстве не нуждается, и не означает ли скорее поразительный факт необеспеченности земледельца хлебом, что в постановке земледельческого вопроса имеет место крупная аномалия? Становясь вдали от крайних теорий, постараемся взглянуть на пахаря как на простую машину. Эта машина способна в рабочий сезон создать хлеба гораздо более, чем сколько требуется для прокормления семьи, а между тем в действительности эта машина поставлена в такие условия, что создает его гораздо менее, то есть является мертвым капиталом. Не следует ли отсюда, что государство путем правильной организации сельского кредита и переселенческого дела должно идти на помощь пахарю, чтобы дать ему возможность использовать всю свою трудоспособность, а полученную таким путем экономию народного труда обратить на нужды обрабатывающей промышленности? Но если бы земледельческое дело получило такую единственно, по нашему мнению, правильную постановку, то едва ли не две трети всего крестьянского сословия оказались бы продавцами хлеба и, следовательно, заинтересованными в непонижении хлебных цен.

Выше мы упомянули о необходимости придти на помощь земледелию, но факты последнего времени как бы свидетельствуют, что все покровительство народному труду, по-видимому, желает изливаться только в сферу одной заводско-фабричной промышленности. С помощью боевых пошлин ее стойко защищают от внешних врагов — иностранных конкурентов. Но оказывается, что этого одного недостаточно, так как у фабрик и заводов есть сильный внутренний враг — земледелие. Средства борьбы с этим внутренним врагом промышленности могут заключаться в том, чтобы поставить русского пахаря лицом к лицу с его заморскими конкурентами, и русский пахарь, ввиду неравной борьбы, принужден будет оставить веками воспитанную привычку

к земледельческим занятиям и перейти к заводско-фабричной деятельности. Повторяю, в вопросах народной экономики не место сентиментализму. Если требует польза страны, старые формы народного хозяйства должны быть принесены в жертву, уступая место более совершенным. Но нужно называть вещи своими именами и знать определенно, какие перед нами откроются горизонты.

Если бы род людской представлял одну семью, не разделенную различиями религии, расы, языка, обычаев и национальности, то хозяйственная жизнь народов вылилась бы в совершенно отличные от настоящих формы. Люди располагали бы свои занятия согласно принципу наименьшего действия, то есть достигали бы наибольших результатов с наименьшими усилиями. Если бы, например, у одного явилось желание заняться земледелием, то он не стал бы обрабатывать какие-нибудь смоленские суглинки, а отправился бы в Аргентину, где при том же количестве труда мог бы получить в пять раз большую жатву. Если бы другой пожелал выделывать чугун, то он устроил бы завод, например, на Урале, где имеются руда и уголь, но не стал бы открывать чугунный завод, как это часто делается, в таком месте, где не имеется ни руды, ни угля и т.д.

Однако факт многообразного различия народов со всеми сложными проистекающими отсюда последствиями в наличности, и с ним нельзя не считаться. Тощий смоленский суглинок русскому пахарю дороже тучных заморских нив, он никогда одно на другое не променяет и будет цепляться за свое веками насиженное место, как за лучшую драгоценность в мире. Рельсы в Англии, зонтик в Вене лучше и дешевле, чем те же предметы в России, но нам говорят, что покровительство отечественной промышленности требует, чтобы мы пользовались плохими зонтиками и ездили по менее совершенным рельсам, платя за то и другое втридорога. Мы согласны, мы приносим эту жертву на алтарь отечественной

промышленности, веруя, что, когда промышленность станет взрослой, она вознаградит нас за расходы по ее воспитанию.

Но если так, то почему не быть последовательными и, защищаясь от заграничных фабричных цен, зачем давать врываться к нам заморским хлебным ценам, явно убыточным для условий нашего земледелия? Если промышленность молода, а земледелие старо и формы его отживают свой век, то тем более оно требует особого покровительства, чтобы без потрясения, незаметно переменить форму существования. Утешительнее было бы видеть рост промышленности только вследствие того, что промышленность крепнет, а не вследствие того, что земледелие слабеет. Вопрос о тепличном культивировании, как промышленности, так и земледелия, безусловно, аномальный для человечества, взятого в его совокупности, но в применении к каждой народности в отдельности он имеет полное *raison d'être* во всем складе международных отношений.

Пока среди народа существует воззрение, что стремление к обогащению одного народа за счет другого есть добродетель, называемая патриотизмом, или пока шансы на такое обогащение не станут у всех равными, напрасны будут надежды на скорое снятие таможенных застав, а пока существуют последние, вполне имеет право на существование и их антитеза — кредитная валюта.

Не нужно быть непримиримым противником золотой валюты, чтобы предварительно введения ее считать необходимым выполнение следующих условий.

- 1) Освобождение производства страны от постоянных потрясений, вызываемых влиянием стихийных сил природы.
- 2) Получение осязательных доказательств, что дальнейшее понижение международной цены на хлеб не будет иметь места, причем нужно помнить, что этот вопрос имеет особое значение для Сибири, готовящейся вступить в общую экономическую жизнь народов.

В заключение считаю не лишним заметить, что если бы имелись надежные признаки, что международные хлебные цены против ожидания должны начать резко подниматься, то и тогда, может быть, следовало бы сохранить кредитную валюту, чтобы с помощью ее помешать возвышению внутренних цен на хлеб — возвышению, могущему вызвать перебежчиков от промышленности к земледелию.

КАПИТАЛЫ И ДОЛГИ

БУТМИ Георгий Васильевич
1856 — после 1917

Совместно с Шараповым Бутми развивал экономическое учение славянофилов. Во второй половине 1890-х годов он выпускает получившие широкую известность книги «К вопросу о денежной реформе» (1896) и «Золотой монометаллизм и его значение для России» (1897). В этих книгах Бутми доказывал несостоятельность финансовой политики С. Ю. Витте по вопросу о введении золотой валюты. В результате введения золотого обращения русская экономика была вовлечена в невыгодную для России систему денежных отношений, которые определяли еврейские банкиры. Этот мировой порядок подразумевал неравноправный обмен между странами, продающими сырье, и странами, продающими промышленную продукцию. Цены на сырьевые ресурсы искусственно сдерживались, а на промышленную продукцию специально подстегивались. В результате страны—поставщики сырья были обречены на постоянную выплату своего рода дани. По мере введения золотой валюты цены на сырьевые товары падали. В результате происходил отток отечественных ресурсов за границу и прежде всего «бегство» самого золота, ранее полученного в виде займов, но уже с многократной сторицей. Эту позицию Бутми поддерживали такие известные русские экономисты, как П. Оль и М. Туган-Барановский. «Россия — писал последний, — справедливо поплатилась многими сотнями миллионов золотых рублей из золотого запаса, вполне непроизводительно растраченных нашим Министерством финансов при проведении реформы 1897 года».

Через год после введения золотой валюты государственный долг России по внешним займам превышал количество золота, находившегося в обращении в России и за границей.

Бутми и Оль были сторонниками финансовой независимости России от стран Запада. Они справедливо отмечали, что финансово-экономическая структура связей между Россией и Западной Европой вела к обеспечению последней больших преимуществ в обмене. Введение золотой валюты привело к значительному оттоку золота за границу, ослабив систему денежного обращения в России. «Золотая валюта, — писал Оль, — была слишком неудачным опытом, который при нежелании его вовремя прекратить, грозит на наших глазах закончиться великой экономической катастрофой».

Отстаивая экономические интересы русского народа, Бутми выступает с докладами в Вольном экономическом обществе, Петербургской Академии наук, на Международном земледельческом конгрессе в Будапеште (1896).

В 1898 году Бутми выпустил книгу «Капиталы и долги», которой раскрывал сущность паразитического еврейского капитала, создавшего такой мировой хозяйственный порядок, который позволяет кучке еврейских банкиров управлять абсолютным большинством человечества. Бутми доказывал, что финансовые манипуляции с золотом обогащают еврейских банкиров за счет остального человечества. Природные ресурсы стран переходят под власть международных дельцов, промышленность несет большие убытки. Экономические ресурсы России и других стран автоматически перекачиваются в пользу иудейских владык, остановить которых может только твердая власть самодержавного государства.

Господь поучал Моисея в пустыне:

«... ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы; и господствовать будешь над мно-

гими народами, а они над тобою не будут господствовать». (Второзаконие, XV. 6).

Ныне человечество разделено на две группы: с одной стороны — горсть банкиров, помнящих и исполняющих закон Писания, с другой стороны — все остальное человечество, не исполняющее древней заповеди.

Интересы первых господствуют над интересами последних, хотя первые составляют меньшинство, а последние — все человечество.

Вопрос о валюте есть важнейший экономический вопрос конца нашего столетия.

В этом вопросе встречаются как противоположные две группы интересов.

1) Интересы всех кредиторов, то есть банкиров, рантье — лиц, получающих определенные и обеспеченные денежные доходы и приобретающих за деньги необходимые товары.

2) Интересы всех дебиторов, то есть промышленников, земледельцев, заделных рабочих, своим трудом производящих необходимые товары, и за товары приобретающих необходимые деньги для уплаты податей, налогов, процентов по личным долгам и долгам государственным (в этом смысле дебитором является решительно все человечество).

Первая группа заинтересована в дорогих деньгах, чтобы необходимые товары приобрести за наименьшее количество денег, чтобы наибольший остаток денежного дохода употребить на увеличение своего богатства — своего денежного господства.

Вторая группа заинтересована в дешевых деньгах, чтобы необходимые для уплаты податей и процентов деньги приобрести за наименьшее количество произведений своего труда, чтобы наибольший остаток употребить на улучшение своего быта, своего производства, на уплату долгов — на освобождение от денежной зависимости.

Первая группа сознательно относится к денежному вопросу и руководит им в своих интересах.

Вторая группа не интересуется денежным вопросом и не защищает своих интересов, бесконтрольно принимая превратные толкования, которыми представители банкирских интересов в свою пользу заполняют столбцы газет.

Я настоятельно прошу промышленника и земледельца самостоятельно ознакомиться с животрепещущим денежным вопросом, дабы и они могли сознательно высказываться в защиту своих интересов.

Без этого немыслимо целесообразное разрешение вопроса. Выяснению вопроса о валюте в интересах промышленника и земледельца посвящена настоящая статья.

I

Денежная реформа в России

В неусыпном попечении об экономическом благосостоянии России наше министерство финансов с весны 1895 года заботится о замене нашей старой серебряной валюты новою золотою валютою.

Манифест 20 июня 1810 года гласит (24264, ч. 1 § 1): Главною, не применяемою и законною мерою (монетною единицею) всех монет, обращающихся в государстве, устанавливается серебряный рубль настоящего достоинства, и именно: весом во ста рублях пять фунтов и шесть золотников лигатурного серебра 831/3 пробы.

Манифест 1 июля 1843 года. Выс. Указ 17 декабря 1885 года, Монетный Устав изд. 1893 года подтверждают неизменно, что «Государственная Российская монетная единица есть серебряный рубль, содержащий в себе четыре золотника и двадцать одну долю чистого серебра».

Высочайшие Указы 3 января и 29 августа 1897 года утверждают временную фиксацию курса кредитного рубля в золоте; Высочайший Указ 14 ноября 1897 года касается надписи на кредитных билетах. Но ни один из них не отменяет установленной в 1810 году монетной единицы.

Напротив, Высочайший Указ 3 января 1897 года, на имя министра финансов данный, упоминает, что мера эта принимается «впредь до принятия окончательного решения по рассмотрении Государственным Советом дела сего», а также, что «дело это может потребовать еще продолжительного его обсуждения».

Таким образом, вопрос остается открытым и его обсуждение еще своевременно.

С деньгами имеют дело все. Поэтому всех касается и всех должна интересовать предположенная денежная реформа.

II

Справки о пользе золотой валюты

Проект перехода от серебряной к золотой валюте вызван у нас примером стран, опередивших нас в культурном развитии. Чтобы знать, какой пользы мы можем ожидать от предположенной денежной реформы, нам следует справиться, какую пользу эта реформа принесла странам, раньше нас принявшим золотую валюту.

Справляемся по официальным документам:

Золотая валюта впервые вытеснила серебряную валюту в Англии в 1816 году. Потрясающий кризис не замедлил развиться над торговлею, промышленностью, разорительнее всего над земледелием.

(...) В 1873 году золотая валюта по предательскому совету еврея Бамбергера заменяет серебряную в Германии, а затем в Соединенных Штатах Северной Америки. С тех пор земле-

дельческий кризис стал хронической, постоянно ухудшающейся болезнью этих стран.

В 1879 году Франция прекращает свободную чеканку серебра и предоставляет привилегию золоту. Кризис всюду обостряется, распространяется на промышленность. О разорении земледелия и промышленности золотой валютой свидетельствуют: отчеты парламентских комиссий, монетных конференций, ходатайства торговых палат; донесения консулов указывают на процветание стран, сохранивших серебряную валюту.

В 1893 году английское правительство прекращением свободной чеканки серебра в Индии возвышает искусственно курс серебряной рупии выше цены серебра.

Эта переходная мера к введению золотой валюты вызывает в Индии, процветавшей до 1893 года, острый земельный и промышленный кризис.

В 1893 году с отменой Schermanbill'я золотая валюта получает безраздельное господство в Соединенных Штатах. Кризис становится опустошительным: промышленность терпит тяжкие убытки, земледелие приходит на край гибели.

По мере распространения золотой валюты спрос на золото растет, золото дорожает, цены на все товары падают. Каждый успех золотой валюты приносил новые бедствия земледелию и промышленности.

III

Для кого нужна золотая валюта?

Но если золотая валюта не приносит ничего, кроме разорения земледелия и промышленности в тех странах, где она поселилась, то почему же ее не изгоняют? Почему, напротив, страна за страной взапуски спешат открыть ей свое гостеп-

риимство? Ключ к этой загадке мы находим в замечательном докладе «Серебро и цены», читанном известным английским экономистом Мортон Фрюэном (...) в лондонском Societi of Arts 26 мая 1897 года.

«С 1873 года, — говорит Мортон Фрюэн, — цена золотого соверена почти что удвоилась; человек, который в 1873 году имел 100 000 фунтов стерлингов, и сегодня имеет те же 100 000, теперь в два раза богаче, чем в 1873 г.».

Значит, распространение золотой валюты, вызывая вздорожание золота, приносит выгоду капиталисту-миллионеру.

Но человек, имеющий 100 000 фунтов стерлингов, не имеет их налицо в чеканной золотой монете. По данным Монетного Двора Соединенных Штатов поныне добыто золота из недр земли всего на сумму около 1800 миллионов ф. ст. (до 1895 г. 8581431000 долларов), из которых монеты в обращении и в кладовых банков имеется только на сумму 840 миллионов ф. ст. (4086800000 долларов). Остальное золото употреблено на различные поделки.

Этот золотой капитал человечества, равный 840 миллионам ф. ст., составляет лишь незначительную дробь суммы денежных капиталов всего человечества.

Примером недостаточности металлического капитала для покрытия денежного капитала может служить богатейший Английский банк.

По отчетам, банк имел к 1 декабря 1896 года вкладов во всех своих отделениях на сумму 800000000 ф. ст.; наличного золота — 58150000 ф. ст. То есть вклады были покрыты золотом наличностью в размере 7 1/4%.

Остальные 92 3/4% вкладов обеспечены долгами отдельных лиц (векселя), учреждений (акции), государств (процентные бумаги). Долги эти могут быть вполне обеспеченными, но не золотом — иначе они не существовали бы. Золотое обеспечение везде по крайней мере так же недостаточно, как и в Английском банке. Итак:

— вся сумма денежного богатства банкиров, лишь в незначительной части представляя самостоятельное металлическое богатство, почти полностью составлена из долгов остального человечества.

Для того, чтоб был человек, который имеет 100 000 ф. ст., необходимо, чтобы был другой человек или группа людей, которые должны эти 100 000 ф. ст.

Если вздорожание совершена, вызванное распространением золотой валюты, увеличивает вдвое богатство человека, который имеет 100 000 ф. ст., то это вздорожание совершена увеличивает вдвое бремя долгов человека, который должен эти 100 000 ф. ст.

Вздорожание золотого совершена обогащает небольшую группу банкиров насчет всего остального человечества.

IV

Изменение денег — обвешивание народов

Еще в 1888 году сэр Роберт Гиффен высказал, что «наблюдаемая ныне замена высоких цен низкими происходит от изменения денег... Что масса долгов должна быть погашаема и проценты по ним уплачиваемы вздорожавшими деньгами— дело крайне серьезное и величайшей важности».

Дебитор, то есть все трудящееся человечество, должно отдать вдвое больше товаров — произведений своего труда, чтобы уплатить тот же самый долг своему кредитору-банкиру. Это — благодаря изменению денег, о котором говорит Гиффен.

Но произошло ли это изменение денег случайно?

Нет.

До 1873 года золото и серебро в равных долях составляли денежное богатство человечества. В 1873 году банкиры сказали: серебряные деньги — не деньги. Денег стало вдвое

меньше. Товаров осталось столько же. Деньги по отношению к товарам стали вдвое дороже. За тот же денежный долг приходится расплачиваться двойным количеством товаров — двойным количеством произведений труда.

Но ведь это — обвешивание.

Когда скупщик на весах обвешивает отдельного клиента увеличенными в весе гирями, общественное мнение возмущается, общество, суд вступаются за обманутого клиента.

Почему же, когда группа банкиров при помощи вздорожавшего соверена обвешивает на деньгах все человечество, никто не вступает за человечество?

V

Защитники измененных денег

Человек, который имеет 100 000 ф. ст., имеет средства пользоваться услугами лучших адвокатов.

Интеллигенция больших городов состоит главным образом из лиц, получающих определенное денежное содержание. Вздорожание денег доставляет им больше товаров за те же деньги — это выгодно для них.

Представители кафедральной науки стоят ближе к интересам городской интеллигенции, среди которой они живут, чем к интересам промышленности и земледелия, с которыми они знакомы лишь теоретически.

И представители кафедральной науки за немногими выдающимися исключениями защищают золотую валюту, дающую и им самим большие удобства за те же деньги.

Возрастающие требования вооружения, народного образования, путей сообщения требуют изыскания новых источников государственного дохода, новых налогов.

Но всякий новый налог непопулярен, как бы он ни был необходим для самого полезного дела. В странах с золотой ва-

лютою покупательная сила налогов растет автоматическим действием дорожающего золота, без изменения суммы налогов, не обращая на себя ничьего внимания и не возбуждая неудовольствия. Это удобно: промышленность и земледелие разоряются, но государственную роспись можно заключить без дефицита, не прибегая к непопулярному повышению налогов. И финансовые ведомства защищают золотую валюту.

Наконец, периодическая печать, руководящая общественным мнением, под влиянием компетентных лиц — банкиров, профессоров и финансовых чиновников, восхваляет благоденствия золотой валюты.

Вот каким образом складывается общественное мнение больших городов за золотую валюту.

Когда, доведенные до крайности, земледелие и промышленность отдают спор о валюте на разрешение народного голосования, народ подает голоса против собственных интересов за интересы банкиров: в 1895 году Брайен (...) поднял половину Америки за немедленное освобождение американского народа от золотого ига английских банкиров и был разбит (хотя незначительным большинством голосов) народным голосованием. Объяснение налицо: избирательный фонд республиканской партии (Мак-Кинлей) составил 2000000 ф. ст., а избирательный фонд демократической партии ограничился 100000 ф. ст.

Таким образом, группа людей, исполнивших заповедь Моисея, господствует над общественным мнением, господствует над народами.

О чем же думают промышленники и земледельцы, разоряемые золотой валютою на пользу банкиров?

Они утешаются теорией перепроизводства.

«Народы терпят нужду, потому что предметы первой необходимости производятся в чрезмерном количестве».

Этонелепо. Но это говорит человек, имеющий 100 000 ф. ст., человек деловой, компетентный. Ему нельзя не верить.

VI

Значение вопроса о валюте

Предложенная министерством финансов денежная реформа заключается в замене нашей нынешней монетной единицы, серебряного рубля в 4 золот. 21 долю чистого серебра, новою монетной единицей, золотым рублем в 17,424 доли чистого золота.

Большинство публики истолковало себе дело так, будто введение золотой валюты введет в России исключительно золотое обращение, которое должно выместить кредитное обращение.

Это смешение вопроса о валюте с вопросом об обращении чрезмерно затрудняет понимание вопроса.

Вопрос о валюте есть не столько вопрос об обращении, сколько главным образом вопрос о монетной единице, имеющей законную расплатную силу по всем обязательствам, служащей к измерению цены всех имуществ.

Между тем большинство споров велось до сих пор о том, возможно или невозможно удержать у нас золотое обращение, и таким образом внимание отвлекалось от главного вопроса: выгодно или невыгодно для нас отнять расплатную силу у серебряного рубля и передать эту расплатную силу дорожающему золоту.

Между тем спор о золотом обращении — совершенно праздный спор.

Чистого золотого обращения нет нигде и быть нигде не может: для этого на всем земном шаре нет достаточно золота.

В самых богатых странах с золотою валютою обращаются кредитные билеты.

В Англии обращается кредитных билетов на 26660000 ф. ст.; во Франции — на 3838000000 франков; в Германской Империи — на 1257000000 марок.

Кроме того, в названных странах обращается громадное количество векселей, чеков, акций, государственных бумаг — орудий кредитного обращения.

Громадный международный обмен товаров на сумму около 3 миллиардов фунтов стерлингов не мог бы совершиться на наличную золотую монету, которой во всем мире есть на сумму 840 миллионов фунтов стерлингов, из которых большая часть нужна для внутреннего обращения.

И действительно, только сальдо не более 5% всемирной торговли уплачивается наличным золотом, весь же остальной обмен ведется при помощи трат и переводов, то есть тех же орудий кредитного обращения.

Но широкое применение орудий кредитного обращения во всемирной торговле не устраняет существенной важности достаточного количества металлических денег. В определенные сроки сальдо по взаимным счетам все-таки приходится уплачивать металлическими деньгами, и, если их нет налично в достаточном количестве, то их приходится приобретать во что бы то ни стало, продавая товары по пониженной цене; тогда именно деньги дорожают по отношению к товарам вследствие своего недостаточного количества, а вместе с металлическими деньгами дорожают по отношению к товарам и все кредитные представители денег. Дорожает монетная единица, а вместе с ней и все выданные на нее обязательства, как то: кредитные билеты, векселя, чеки и т.д.

Дорожает мерка, которую измеряется цена всех товаров; цена всех товаров выражается уменьшенным количеством увеличенных мерок — цена всех товаров падает.

Вот каким образом недостаток на рынке металлических денег, имеющих всемирную расплатную силу, вызывает понижение цен на все товары.

Понятно, что до 1973 года, пока серебро наравне с золотом имело международную расплатную силу, международных металлических денег на рынке было больше, недостаток

в них мог ощущаться реже, чем после 1873 года, когда серебро было лишено международной расплатной силы, и эта привилегия оставлена за одним золотом.

Постоянный недостаток золота на международном рынке вызывает постоянное автоматическое вздорожание денег и постоянное понижение цены товаров, наблюдаемое с 1873 года.

Это явление постоянно разоряет промышленника и земледельца, производящих товары, и постоянно обогащает человека, имеющего 100000 фунтов стерлингов, то есть банкира.

Вот почему промышленники и земледельцы Западной Европы и Северной Америки, поняв причину своего постоянного и автоматического разорения, так энергично требуют серебру возвращения его международной расплатной силы, восстановления серебряной монетной единицы наравне с золотой.

По этой же причине человек, имеющий 100000 фунтов стерлингов, понимая причину своего постоянного автоматического обогащения, защищает монополию золотой монетной единицы.

VII

Монетная единица и монетные системы

Монетная единица есть законом определенный вес драгоценного металла, имеющий законную расплатную силу по всем обязательствам, ценою которого измеряется цена всех остальных имуществ.

В Англии с 1816 года установлен монетною единицею золотой соверен в 123,27477 гран золота. Рядом с золотым совереном обращаются банковые билеты, но они имеют одинаковый курс и одинаковую покупательную силу с золотым совереном.

Только кусок золота в 123.27477 гран, или равноценный с ним банковый билет имеет расплатную силу и служит мерилем цены всех имуществ. В Англии — золотая валюта, золотой монометаллизм. Во Франции монетною единицей в 1803 году установлен франк, содержащий в себе 4,5 грамма чистого серебра или 0,290325... грамма чистого золота. Рядом с этими франками обращались кредитные билеты, но они имели расплатную силу и служили мерилем цены всех товаров лишь постольку, поскольку они были равноценны куску серебра в 4,5 грамма или куску золота в 0,29... грамма. Но кусок серебра в 4,5 грамма и кусок золота в 0,29... грамма имели одинаковую расплатную силу.

Во Франции была двойная валюта — биметаллизм.

В России в 1810 году установлен монетною единицей серебряный рубль в 4 золотника 21 долю чистого серебра. Рядом с ним обращался кредитный рубль. Пока последний имел одинаковую силу, в России была серебряная валюта — серебряный монометаллизм. Когда после Крымской войны кредитный рубль стал дешевле 4 золот. 21 доли чистого серебра, но тем не менее сохранил полную расплатную силу по всем обязательствам, независимо от своего курса на серебро, когда этот обесцененный кредитный рубль продолжал служить мерилем всех имуществ, тогда в России обесцененный кредитный рубль заменил собою монетную единицу. Это была кредитная валюта.

Кредитное мерило ценностей колебаниями своего курса производило неустойчивость цен и гадательность коммерческих расчетов. Давно сознавалась потребность в восстановлении металлического мериле ценностей путем восстановления паритета между кредитным билетом и металлическою монетною единицей — серебряным рублем. Но вышеуказанные интересы банкиров изменили задачу: серебряную монетную единицу предполагается заменить золотою, потому что она устойчивее по мнению, распространяемому банкирами.

Устойчивость есть первое условие, которому должна удовлетворять монетная единица как мерило ценностей, подобно всякому мерилу тяжести, длины, емкости.

VIII

Изменение денег так же вредно, как изменение мер и весов

Важность неизменяемости мер и весов сознавалась еще в глубокой древности.

Моисей, выводя свой народ из Египта, уже учил: «Не делайте неправды в суде, в мере, в весе, в измерении; да будут у вас весы верные, гири верные, ефа верная и гин верный» (Левит, XIX, 35, 36).

Что для правильных, безобидных торговых сношений одинаково необходима верность гирь, которыми взвешиваются, верность меры, которою измеряются, и верность мерила ценностей, которым оцениваются все товары, — в этом никто не сомневается.

Но читатель уже из предыдущего изложения имел возможность усомниться в верности и безобидности золотого мерила ценностей. В отдельной книжке «К вопросу о денежной реформе» я уже указывал, почему и насколько золотое мерило ценностей увеличивается, дорожая само и обесценивая товары, к великому ущербу земледелия и промышленности и к не менее великой выгоде международных банков.

Какие изменения экономических отношений могут быть вызваны изменением мер, весов и цены денег, может быть пояснено примерами.

Пример 1. Фабрикант производит ежегодно на своем заводе 100 000 пудов сахара, клея, масла или иного товара. Он имеет половинщика, участника в предприятии, которому должен отдавать ежегодно же половину, а именно

50 000 пудов произведенного товара. Если пуд изменится, станет вместо 40 равным 80 фунтам, то компаньон станет, согласно условию, получать весь товар, а фабрикант разорится.

Пример 2. Арендатор из имения, дающего 1000 четвертей пшеницы, продал купцу 800 четвертей, а 200 четвертей оставил на семена. Купец принимает четвертью в 10 четвериков вместо 8 — купец получает всю 1000 четвертей, а арендатор, ставшись без семян, лишается возможности продолжать хозяйство.

Пример 3. Землевладелец получил в наследство от завещателя 1000 десятин земли, из которых в определенный срок должен отдать третьему лицу 500 десятин. К этому сроку сажень стала в полтора раза больше. Десятина стала в два с четвертью раза больше. Несчастный наследник не только половиною имения не может удовлетворить указанного третьего лица, но даже всего имения не хватает на исполнение условий завещания — наследник растратил завещанную ему землю, не изменив ее границ.

Во всех приведенных примерах часть поглощает целое вследствие увеличения единицы измерения.

Пример 4. Землевладелец или фабрикант для покупки имения или для основания завода, дающего 100 000 пудов товара по цене 1 руб. за пуд, на сумму 100 000 руб. занял у банкира сумму, равную половине стоимости имения или завода; в виде процентов он обязан платить банкиру половину всего произведенного товара, но не в натуре, а половину рыночной цены всего производимого товара, по цене момента, когда был заключен заем. Если затем рубль вздорожает вдвое (как это произошло с золотою валютою), то измеренная рублем цена товара понизится вдвое. Тогда земледелец или фабрикант должен будет отдавать продажную цену всех своих произведений на уплату процентов банкиру, ничего себе не оставляя. Такое положение дела, обесценив произведения

предприятия, необходимо обесценит в конце концов фабрику или имение: доля участия владельца исчезнет и останется только доля участия банкира.

IX Удав

В первых трех примерах легко заметна единовременная подмена мерил веса и длины. В последнем примере происходит автоматическое, почти неуловимое, но постоянное вздорожание мерил ценности. Но результат тот же: вследствие изменения мерил часть, принадлежащая кредитору, автоматически поглощает целое, принадлежащее должнику.

Так земельные банки, даже дворянский, разоряют автоматически своих заемщиков, даже против воли, без выгоды для себя, обогащая лишь банкиров, приобретших их акции под закладные листы. Банк выдает ссуду только в размере части действительной цены имущества. Но благодаря вздорожанию денег и соответственному обесцениванию имущества часть цены, составляющая долг, поглощает всю цену имущества.

Таким образом, даже помимо процентов в странах с золотой валютой вздорожание золота — мерил ценностей, автоматически обесценивая имущества, делает возможным, чтобы долг поглотил имущество, служащее ему обеспечением, хотя цена имущества значительно больше суммы долга.

Так удав проглатывает быка, который больше его, предварительно смяв его своими кольцами до размеров своей пасти.

Заимствую это сравнение у А. Chabry. Говоря об опустошениях, производимых золотой валютой, он сравнивает последнюю с громадным золотым удавом, пасть которого находится в Лондоне в ожидании своего перемещения в Палестину, кольца которого опутывают весь мир, сжимая в золотых петлях всех плательщиков податей и всех дебиторов,

от мелкого крестьянина и крупного предпринимателя до великих держав включительно.

Пока бык, не сознавая приближения опасности, спокойно допускает приближение чудовища, его гибель неизбежна.

Пока промышленник и земледелец, не сознавая важности вопроса о валюте, безучастно допускают его разрешение одними представителями банковских интересов, их разорение неминуемо.

На западе Европы промышленники и земледельцы стали изучать вопрос о валюте и энергично высказывать свои интересы, попираемые золотой валютой. И нет правительства, которое не стало бы прислушиваться к голосу земледелия и промышленности; ибо всякое правительство понимает, что богатство и могущество государства зависят от процветания отечественных земледелия и промышленности, а не от обогащения международных банкиров государственными долгами.

Но для этого необходимо, чтобы промышленник и земледелец сознательно выступили в защиту своих интересов в великом споре о валюте, а не продолжали бы слепо поклоняться воздвигаемой руками банкиров среди опустошенных полей на фундаменте из миллиардов государственных долгов грандиозной статуе золотого Змия, под тяжестью которой изнемогают народы.

Х

Вздорожание денег — увеличение господства банкиров над народами

Из предшествующего изложения читатель мог убедиться в том, что лишь незначительная часть всемирных орудий обмена — денежных знаков — состоит из металлических денег; вся же остальная громадная сумма денежных капиталов, со-

ставляющих собственность отдельных лиц и обращающихся на международном и внутренних рынках, состоит из кредитных суррогатов денег — векселей, кредитных билетов, акций, государственных процентных бумаг, обеспеченных имуществом отдельных лиц и достоянием народов.

Вся эта подавляющая масса денежных знаков представляет долги отдельных лиц, обществ, целых народов и государств — предъявителям денег, главным образом, международным банкирам.

Эти долги не могут быть уплачены металлическими деньгами, которых для этого слишком мало. И долги, и проценты по ним уплачиваются товарами — произведениями труда отдельного лица, экспортом страны.

Монетная единица есть мерило ценности товаров — мера, которою кредитор отмеривает себе в уплату долга произведения труда дебитора; мера, которою международный банкир отмеривает себе произведения народного труда.

Когда монетная единица дорожает, мера увеличивается, в уплату той же суммы долга приходится платить больше товаров. Когда, вследствие увеличения меры, произведений отдельного предприятия недостает на уплату процентов, проценты приобщаются к долгу, пока долг не поглотит предприятия. Когда произведений страны не достанет на уплату процентов, это ведет к необходимости заключения новых займов.

Вследствие вздорожания монетной единицы возрастает задолженность народов, увеличивая своею суммою зависимость целых государств от их кредиторов — международных банкиров.

Денежные капиталы представляют поэтому в народном благосостоянии отрицательную величину, как чужое право в народном достоянии. Положительною величиною денежные капиталы являются только для банкиров, как право в чужом имуществе — в имуществе отдельных лиц и достоянии государств.

Золотая валюта, заменяя серебряную и биметаллическую валюту, ведет по мере своего распространения к вздорожанию денег, то есть к увеличению меры, которою отмеривается доля кредитора в плодах труда и достоянии отдельного дебитора или целого народа, составляющего государство.

Такое изменение денег (как мягко выражается sir Robert Giffen) — увеличение меры, которою приходится расплачиваться товарам по денежным обстоятельствам — ведет к такому же простому обмериванию дебитора кредитором, народов и государств международными банкирами, как например, подмена гирь и весов.

Ни одно государство не заинтересовано в том, чтобы это преступное обмеривание его народа увеличивалось или только продолжалось, неправильно увеличивая долю международного кредитора в народном достоянии.

Поэтому ни один народ, ни одно государство не заинтересованы во вздорожании денег — в распространении золотой валюты, вызывающем это вздорожание.

Тем не менее интересы банкиров, совпадая с интересами городской интеллигенции, живущей на определенные денежные содержания, оказывают такого рода влияние на периодическую печать, что изложенные простые понятия оказываются в литературе совершенно перепутанными.

Обман поддерживается подтасованными цифрами, искаженною статистикой, неправильными выводами, ложными сведениями.

Печать, призванная просвещать публику, сбивает ее с пути, дабы жертвы обмана не имели верных данных для проверки мерила ценностей, которым их обмеривают жрецы золотого удава.

Обмеривание продолжается за плечами согбенного над своим трудом человечества, и золотая валюта покоряет международным банкирам страну за страной под победные гимны печати.

Цены всех товаров падают. Никакие количества вывозимых товаров не могут покрыть процентов по государственным и частным долгам. Приходится прибегать к новым займам. Задолженность всех великих держав в последние 25 лет достигает баснословных размеров. Наилучшие природные богатства народов переходят в руки международных банкиров. Народы бедствуют, разоряются. Промышленность несет тяжкие убытки вследствие понижения цен или сокращения спроса со стороны сельского населения. Земледелие приведено на край гибели.

Земледельца утешают нелепою легендой перепроизводства. Привыкший доверять периодической печати, он начинает верить в то, что он сам и его производство более не нужны, что земледелие — источник существования народов — отживает свой век, должно уступить высшим формам культуры. Где ему решать сложный вопрос о валюте, когда не хватает ума, чтобы в своем хозяйстве свести концы с концами? Сбитый с толку, земледелец не видит связи между ценами и валютою. Он видит, что сельское население, бросая землю, бежит в большие города. Он сам, быть может, уйдет туда от разоренной земли. Большие города защищают золотую валюту, а интересы земли отступают на второй план..

ЗАМКНУТОЕ БОГАТСТВО

МЕНЬШИКОВ Михаил Осипович
1859 — 1918

Выдающийся русский публицист и мыслитель; стоял твердо на позициях экономической автаркии, которая, по его мнению, для России жизненно необходима, чтобы перекрыть «течь» российских ресурсов за границу. Меншиков справедливо отмечал, что русский народ беднеет не потому, что работает мало, а потому, что работает много и сверх сил, но значительная часть его усилий идет в пользу стран Западной Европы. Внешняя торговля сырьем выгодна для Европы, но разорительна для России. Необходимо свести до минимума вывоз ресурсов за границу, сосредоточив все усилия на внутренних экономических проблемах. Только таким образом сила и мощь России будет незыблема.

Все — свое

Империяльная идея, приписываемая г. Чемберлену, очень проста, изящна и умна. Она может быть подсказана политическим и моральным отчуждением, которое особенно резко обнаружилось во время войны с бурами. «Если Англия одинока, так пусть же она будет одинокой, и пусть мир посмотрит, кто будет в проигрыше». В своих неизмеримых пределах Англии не тесно; сама она с ее колониями представляет еще не сложившийся, но замкнутый мир, который мог бы прекрасно существовать без участия остального человечества. Англо-колониальная федерация включает в себя все широты и дол-

готы, все климаты, почвы, все царство флоры и фауны. Тут есть и неистощимые житницы хлеба, и поставщики мяса, и рынки шерсти, хлопка, дерева, меха и пр. и пр. Все металлы и минералы в черте этой империи свои. Сама же Англия в состоянии завалить фабрикатами полмира. Все элементы системы налицо, остается их уравновесить, организовать, и вот вам идеальное «замкнутое» государство, о котором мечтали философы. Это было бы политическое *regretum mobile*, которое решило бы задачу абсолютной народной независимости. Пока англичане в хлебе зависят от американцев и русских, в лесе — от норвежцев, в шелке — от французов и т.д., они не могут назваться вполне свободными. Вполне свободный народ зависит только от своей природы и самого себя. Только при этом условии он имеет право воскликнуть: «Мы никого не боимся, кроме Бога!»

Английские империалисты мечтают отделиться от человеческого рода, ничего не покупать у соседей и продавать им лишь свои избытки. Идея эта, хотя она принадлежит нашим политическим врагам, блестящая. Как все, что изобретает современный английский ум, она отличается эгоизмом; в корне своем она, если хотите, безнравственна, но для англичан она выгодна. Моральный смысл ее — отказ от всечеловеческого братства, от мирового единения, которое поддерживалось и развивалось всего лучше международной торговлей. Государственный смысл ее в том, чтобы соединить в одно грозное, невероятно огромное государство рассыпанные, почти независимые земли, и таким образом, если не теперь, то в будущем, представить силу, господствующую на земле. Коммерческий смысл тот, что все барыши всей всемирной торговли оставить дома, чтобы ни один английский шиллинг не ушел из отечества, чтобы весь безмерный капитал Великобритании был приложен к обработке исключительно своей природы. Теперь, покупая в России хлеб, масло, яйца, пеньку и пр., Англия поддерживает этим русское земледелие, ското-

водство, куроводство и т.п. Лучше же поддерживать все это в своих колониях, как и последним — покупкою фабрика-тов — лучше же поддерживать свою метрополию, чем враждебную Германию или Францию.

Мысль холодная, недобрая, но умная. Человечеству, имеющему несчастье торговать с Англией, придется-таки подумать и подумать, если замысел Чемберлена удастся. Это уже не война с бурами, это скрытый удар, направленный против многих экономически слабых стран, в том числе против России. Устройся всебританская федерация — а почему бы ей не устроится? — это тихое события, вроде наступления ледниковой эпохи на соседнем материке, может чрезвычайно пошатнуть и нашу экономическую природу и дать ей совсем иной характер. Вспомним, что о таком же замкнутом союзе мечтают Соединенные Штаты, и их мечта накануне осуществления. Вспомним среднеевропейский таможенный союз. России, может быть, волей-неволей придется или вступить в экономическую федерацию с еще незамкнутыми державами, или и самой попробовать уединиться в своих огромных границах, поискать дома всего, что ей нужно. Подумаем, возможно ли это и насколько вообще это разграничение в интересах цивилизации.

Der Mensch kann Alles, was er will. Почему же невозможно устроить и замкнутое государство? Слово «нельзя» до такой степени не делает честь человеку, что его непозволительно произносить без строгого исследования. В эпоху Петра Великого нам было бы безумно думать о замкнутом государстве: или пришлось бы отказать своему народу навсегда в тех способах счастья, какие на Западе сделались уже доступными, или ждать с опасностью военного разгрома — еще тысячи лет для самобытного развития науки и промыслов. Поколение Петра I решило, что выгоднее открыть границы, выгоднее заимствовать все, созревшее на Западе, и перенести его на нашу почву. Может быть, многое при этом было заимс-

твовано напрасно, но действительность показала, что нужно было не менее двухсот лет, чтобы только завязать у нас культурные промыслы, довести их до нынешнего — все же невысокого уровня. В ожидании, пока наша собственная промышленность сравняется с европейской, пришлось обработанные товары брать с Запада, отпуская взамен их необработанные. Если бы европейская промышленность осталась на том уровне, на каком она была во времена Петра, мы давно бы догнали Европу и уже давно освободились бы от торговой дани ей; говорю дани, так как обмен сырья на фабрикаты почти равносителен промену капитала на проценты. Страны, отпускающие сырье, торгуют, в сущности, собственной кровью, они не только истощают весьма исчерпаемые запасы своей природы — почву, леса, недра гор — но как бы ставят крест над собственной народной энергией. Последняя обрекается на самые тяжкие, наименее производительные, рабские формы труда. Задержанный в качестве труд вынужден растрачиваться в количестве: чтобы получить из-за границы фунт обработанного металла или шерсти, нужно отпустить туда 3 пуда хлеба или масла.

Нет сомнения, что мы выбились бы из этой барщины, которую служим Западу, если бы он не менял своих промыслов и не шел гигантскими шагами вперед. Но если Россия в век Петра как бы проснулась и бодро вышла в путь, то Запад одновременно прямо ринулся вперед, ринулся с быстротою, и для него еще небывалой. Мы отстали и, может быть, во многом еще отстаем, но не стоя на месте, а на ходу. И догнать Запад совершенно невозможно, пока границы открыты. Вы скажете, что закрытие границ вернуло бы нас к допетровским временам. Но это едва ли так. В век Петра у нас ничего не было, кроме почвы, и даже семена культуры можно было достать только на Западе. Теперь мы уже имеем обеспеченные всходы, местами совсем созревшие. Тогда Петру приходилось собственноручно строить

корабли, переводить уставы и учебники, теперь мы имеем не только свои верфи, но и академии, и университеты. Если европейская культура у нас еще не мобилизована с тою роскошью, как на Западе, то необходимые кадры ее уже налично. Решительно нет ни одного промысла, который бы не мог у нас быть поставлен собственными средствами. Исчезни вся цивилизация — одного Петербурга было бы достаточно, чтобы снова восстановить ее.

Если при Петре приходилось посылать молодых дворян в Европу учиться арифметике и географии, то теперь даже такие ученые, как Вирхов, иногда находят, чему поучиться в России. В некоторых, хоть и немногих областях, Россия уже впереди Запада. Если бы Густав-Адольф встал из гроба и повторил свою знаменитую фразу о «ручейке, который русским не удастся перепрыгнуть», если бы, вспомнив завет этого умного короля, вся Европа отгородилась бы от нас Китайской стеной, то теперь это для нас не представлялось бы слишком страшным. У себя дома мы имеем уж Европу: мы уже не Азия и ею больше никогда не будем. Пусть Европа и весь свет прекратят с нами торговлю, но их умственное движение разве может быть от нас скрыто? Если не самые вещи, то идеи их разве не будут нам известны на другой уже день по их появлении на Западе? Это в средние века изобретение оставалось неизвестным за триста верст, и это тогда были возможны секреты, погибавшие со смертью тех, кто знал их. Теперь, кроме центробежных политических сил, есть такие центростремительные могущества, как наука — по самой природе своей международная, как печать — главное орудие науки. Возможен таможенный, промышленный, биржевой, политический бойкот, но лишить нас и умственного общения с собою Европа не может, а при этом условии мы уже в состоянии создавать сами все вещевые ценности.

Одиночество как сила

Говорят, как заученную фразу, что *union fait la force*. Человечество погибло бы, если бы снова, как некогда, утратило теперешнее общения духа. Обмен мысли позволяет каждой точке земли жить творческой силой всей ее поверхности, отдельному человеку — всеми средствами человечества. Только единение мысли позволяет формуле прогресса приобретать то могущество, которое в механике дает массе ускорение. Потерять этого рода единство было бы крушением человеческого господства на земле. Говорят много хороших вещей о единстве, припоминают басню Эзопа о пучке палок и пр.

Все это так. Единение — благо, однако и тут должна быть соблюдена мера, которая обеспечивала бы разум явления. Сказать, что единство мысли всегда полезно, было бы большой ошибкой. При широком обмене мыслей нередко берут верх не лучшие из них. Часто наслоение предвзятых идей создает очень вредное и в то же время неодолимое внушение, которое не только не способствует прогрессу, но прямо-таки останавливает его. Вся так называемая ложная ученость, суеверия философских и фанатизм религиозных школ создавались именно чрезмерным единством мнений: невежество, как справедливо заметил Руссо, ближе к истине, чем предрассудок, а предрассудок всегда создается умственным объединением толпы. «Силен бываешь только тогда, когда один», — говорил благородный д-р Штокман у Ибсена. Великие вероучители и вожди человечества обыкновенно были одиноки — и никогда мысль их не была блистательнее, чем в это время. Но даже святые истины теряли в глубине и ясности, когда делались достоянием многих. Ничто великое — ни картина, ни статуя, ни архитектурное здание, ни трагедия, ни ученый трактат — ничто совершенное не выходило иначе как из одиноких рук. Даже мир можно понимать созданным не иначе как одной Волей. Умственное общение наше с Западом

имеет не только выгодные стороны. Принимая чужие идеи, достаемые дешево, часто весьма относительные, мы растериваем свои, основанные на прочном опыте. Подчиняясь всемирному хору мнений, слагающемуся в значительной степени стихийно, мы утрачиваем ту честность мысли, которая отличает всякую индивидуальность. В самом внутреннем и важном отношении мы теряем свою народную душу, заменяя ее безразличной международной. Но вдаваясь глубже в этот вопрос, ограничиваясь намеком, прошу припомнить то, что говорит психология о роли слишком большой толпы и массовых внушениях. Единение мысли, столь благотворное для широты ее, очень вредно отражается на глубине. Нет сомнения, если бы Россия могла несколько эмансипироваться от гнета ей чуждых умственных влияний, ее собственное духовное творчество только выиграло бы. Если вы мне укажете на Китай, я скажу, что и он погублен чуждыми влияниями: роль последних сыграла его собственная древность, давно отжившая, опереженная жизнью. Чрезмерное единение опасно даже с предками: слишком далекие от нас, жители иного века, в качестве наших учителей они являются иностранцами. Такими иностранцами были для иудейства их древние авторы или для средневековых ученых Аристотель. Так что формулу «единение дает силу» следует пополнить поправкой «а иногда дает и слабость».

Но сторона материальная?

Мне кажется, если бы Россию принудили искать в самой себе все необходимое, то она, потрудившись несколько, и нашла бы все это. Без принуждения мы никогда не соберемся исследовать свою природу, приложить свою собственную энергию, свой гений к ее дарам. Как бы роскошно ни поднялась наша собственная промышленность, известная доступность иностранной будет угнетать ее. Чужое, хотя бы посредственное, помимо внутренней ценности, имеет очарование «не нашего», и «наше», даже при высоких покрови-

тельстванных тарифах, развивается плохо. Но если Англия, Тройственный Союз, американский союз составят замкнутые группы, если нам волей-неволей придется замкнуться, то мне кажется, получится в конце концов не проигрыш, а лишь временное расстройство, после которого начнется, может быть, небывалый еще действительный расцвет русской жизни.

В самом деле, что, собственно, дало России тесное коммерческое сближение с Европой? Оно европеизировало нас, но обрекло в то же время на экономическое рабство Западу. Образованное общество привыкло к иностранным фабрикатам, которые вытеснили немало наших собственных промыслов, например, завязавшиеся производства тканей, утвари, мебели, украшений, драгоценностей. Наши полотна, сукна, ковры, узоры, сундуки, ларцы, кресла, изделия гончарные, лаковые, серебряные и др. или совсем были вытеснены, или оттеснены с большого рынка. Наше виноделие до сих пор не может подняться из-за конкуренции заграничных вин. Когда-то славилось железное, кожевенное, деревянное, шелковое производства — теперь они упали. Нет сомнения, что заграничный товар отличается и дешевизною, и доброкачественностью, но тем менее надежды русскому производителю одержать победу над ним. На первый взгляд, не все ли равно, где купить сукно русскому покупателю, за границей или дома, лишь бы оно было хорошее. Но миллионы таких покупок создают судьбу народную. Если вы купите аршин сукна в Англии, вы дадите дневную работу Англичанину, накормите его семью. Тот же аршин, купленный дома, накормил бы русского работника. Если русское образованное общество, состоящее из землевладельцев и чиновников, все доходы с имений и жалованья передает за границу, то этим оно содержит как бы неприятельскую армию, целое сословие рабочих и промышленников чужой страны. Свои же собственные рабочие, сплошную, многомиллионную массой, сидят праздны. Вы скажете — они не могут сидеть праздны, так как, чтобы уплатить помещикам

и государству требуемые деньги, они должны производить то, за что дают за границей деньги, то есть хлеб. Но я уже говорил выше, до какой степени невыгодно народу специализироваться на производстве сырых продуктов и вообще на черном труде. Далеко нечего ходить: сравните доходы чернорабочего со своими. Государства, не сумевшие развить в себе высшие промыслы или добровольно отказавшись от них, начинают играть в семье народов роль темных бедняков, которые всего только и умеют, что почистить трубы или натереть полы. Мы, в течение двухсот лет вывозящие только сырье, рискуем навеки остаться в положении простонародья на всемирном рынке: от нас всегда буду требовать много работы и всегда будут бросать за это гроши. Народу-пахарю, чтобы как-нибудь свести заграничный баланс, приходится напрягать последние силы — и свои, своей природы, приходится распахивать гораздо большую площадь, чем это необходимо для собственного прокормления, и отпускать за границу гораздо больше, чем страна может вывезти без опасности для самой себя. Известно, что средняя пищевая норма народного потребления у нас на 13% ниже, чем за границей; стало быть, от необходимого куска хлеба народу приходится отламывать восьмую уже часть; даже в урожайные годы народу в целом его составе приходится недоедать. Но на народном питании покоится вся сила государственная и вся судьба племени.

Как видите, замкнутость западных стран, угрожающая лишить нас вывоза, бьет в самый центр теперешней экономической жизни, в кусок хлеба.

Замкнутое богатство

Вы скажете, что закрытие границ отразится крайне неблагоприятно на тех, кто ведет внешнюю торговлю. Коммерческий интерес, взимаемый с производителя и с потребите-

ля, исчезнет из их рук. Я замечу, что все это очень возможно. Трудно предположить, чтобы столь крутой поворот, если мы будем принуждены к нему, прошел совершенно незаметным. Вероятнее всего, что он вызовет известное и, может быть, существенное перераспределение коммерческих барышей. Но так как взамен потерянного хлебного рынка Россия получит свой внутренний рынок мануфактурный, то капитал, которому ведь все равно, чем ни торговать, довольно скоро приспособится к новым условиям, примет другие, внутренние пути. Некоторые отдельные лица, как всегда бывает, разорятся, многие — разбогатеют. В общем, государственное богатство должно не проиграть, а выиграть, и совершенно в тех же отношениях, в каких рассчитывают выиграть англичане, устраивая замкнутую федерацию. Их доводы, весьма серьезные, как раз применимы к нашей стране; у нас ведь тоже есть все климаты, все почвы, все царства природы, все естественные области и уголья. У нас земледелие могло бы прокормить не только себя, но и горные промыслы, как последние могли бы удовлетворить все нужды земледелия. Лесной район мог бы снабжать лесом всю Россию и т.п.

Если страна, подобно России и Англии, достаточно обширна, то закрытие границ не только не понижает народного богатства, но повышает его. Замкнутость дает богатству регулирующий принцип, обыкновенно расстраиваемый внешней торговлей. Все организмы замкнуты, и только при этом условии возможно здоровье и полнота сил. Раз в самой стране тратится все, что в ней приобретается, получается круговорот сил, жизненное равновесие, как в девственном лесу, как в Китае, когда он был замкнут. Можно сказать даже, что если богатство тратится в своей стране, то оно не тратится вовсе, а в общей сумме только накапливается. Поедаемый хлеб превращается в народную энергию, которая переходит в тысячи вещей, назначение которых оберегать эту энергию, усиливать ее. Это как в налаженном хозяйстве: скормленный

овес не исчезает совсем, а превращается частью в мускулы скота и в новую работу, частью в навоз и новое плодородие. Замкнутые страны, если они культурно организованы, способны только богатеть. Беднеют лишь те государства, у которых есть коммерческая течь, у которых часть народного достояния непроизводительно уходит за границу. Раз мы не будем терпеть убытка на международном обмене, для нас столь невыгодном, пока мы торгуем сырьем, у нас будет закрыта та изнурительная фонтанель, которая старой экономической медициной почему-то считается целебной. Наш народ обеднел до теперешней столь опасной степени не потому, что работает мало, а потому, что работает много и сверх сил, и весь избыток его работы идет в пользу соседей. Энергия народная, вложенная в сырье, как пар из дырявого котла, теряется напрасно, и для собственной работы ее уже не хватает. Но если прекратится вывоз, спросите вы, то откуда мы возьмем средства платить проценты по внешним займам и самые займы? На какие деньги будем содержать посольства и военный флот в заграничных водах? На что будут существовать наши многочисленные путешественники и больные за границей? Раз необходимо выбрасывать из страны ежегодно сотни миллионов, нужно, чтобы они как-нибудь возвращались к нам. Вывоз решительно необходим, иначе все наше золото мгновенно и навсегда утечет за границу.

Ну да, отвечу я: вывоз решительно необходим при теперешних наших отношениях к Западу. Но ведь мы же и не собираемся сами прекращать хлебного вывоза. Речь идет лишь о том возможном случае, если нас принудят к такому закрытию. Сколько ни твердите, что вывоз необходим, но если его закроют для нас, то ведь придется волей-неволей искать какие-нибудь выходы из этого затруднения. Замкнутость, если нам ее устроят соседи, потребует, конечно, национализации нашего государственного долга. Может быть, и с внешним долгом пришлось бы поступить так, как дважды в послед-

нее столетие было поступлено с внутренним долгом, то есть прибегли бы к девальвации, к понижению и капитальной суммы, и процентов по ней. Я отнюдь этой меры не рекомендую, но она практикуется. Замкнутость границ для туристов повела бы к развитию внутренних курортов и внутренних путешествий, к сокращению всех внешних трат до нормы золотого притока к нам из-за границы. Ведь и к нам тоже приезжают иностранцы, у нас проживают чужие посольства, к нам заходят иностранные суда. Некоторое возмещение заграничных расходов было бы возможно помимо вывоза и ввоза. Золото ушло бы за границу лишь в случае непрекращающегося ввоза, но он немыслим, если прекращен вывоз. Надо заметить, что в замкнутых государствах денежная система не требует обилия золота, и естественный прирост этого металла добычей из земли, может быть, был бы достаточен для оплаты неторговых сношений между народами.

Я не хочу пускаться в догадки, я не уверен в возможности полного закрытия границ, как бы ни мечтали об этом англичане и немцы. Полная замкнутость — теоретическая идея, но известные приближения к ней допустимы и даже вероятны. Пусть нам удастся отстоять какие-нибудь мелкие рынки для сырья, но сокращение вывоза даже наполовину может в корне изменить внутреннюю жизнь России. А подобное сокращение почти неизбежно. Я хочу сказать только, что пугаться этой беды нет причин. Столь мощный стихийный организм, как народ, не только приспособится к новым условиям, но, как мне кажется, найдет их более легкими, более естественными для себя. На наших коммерческих сношениях с Европой лежит печать глубокого суеверия — будто они источник нашего богатства. Пора бы тщательно проверить это и подробно обсудить. Может быть, как я убежден, открылось бы, что эти торговые сношения скорее источник нашей бедности, что подобно тому, как у всех отсталых и «патриархальных» народов, наша торговля с культурными соседями

выгодна для соседей и разорительна для нас. Европа для России, мне кажется, то же, что деревенский кулак для своей деревни. Кулак обыкновенно энергичнее, смысленнее, грамотнее крестьян, он тоже променивает им за их сырье — цивилизованные продукты: водку, ситцы, крендели, керосин, сахар и т.п. В миниатюре тут идет та же международная торговля, но рассмотрите ее результаты. Деревня, несомненно, нищает, входит — как и отсталые страны — в неоплатные долги, тогда как кулак строит себе каменный дом с железной крышей и заводит рысаков. Нельзя сказать, что деревня вовсе не нуждается в цивилизованных продуктах, но они обходятся ей втрое дороже их действительной цены.

И как бы ни нужны были деревне ситцы, крендели, сахар и т.п., все же нельзя сказать, что они безусловно необходимы. Исчезни кулак, деревня временно поскучала бы — привычки менять трудно, — а затем стала бы понемногу заменять недостающие товары самодельными: ситец — холстом, чай-сахар — квасом, водку — брагой и т.п. Ведь жила же когда-то, каких-нибудь пятьдесят — сто лет назад, не только деревня, но и дворянская усадьба средней руки «своим добром», сама себя одевала, кормила, поила и развлекала, и жили тогда, в общем, не хуже теперешнего.

Сближение с Европой разорило Россию, разучило ее обслуживать свои нужды, лишило, как кулак деревню, экономической независимости. Правда, полвека назад сахар в деревне ценился чуть не на вес серебра, но зато мед был ни по чем. Теперь апельсины почти дешевле яблок, но страшно то, что яблоки уже дороже апельсинов. Самые простые, когда-то почти ничего не стоящие продукты деревни — грибы, ягоды, молоко, масло, дичь, раки, орехи — сделались народу уже почти едва доступными. Они обираются начисто скупщиками и увозятся в «центры», «за границу». Мне кажется, лучше бы опять вернуться, хоть в некоторой степени, к старому порядку, то есть чтобы яблоки были снова дешевле апельсинов.

Я думаю, счастье народное не в том, чтобы потреблять хоть плохие, но чужие товары, а в том, чтобы было достаточно доброкачественных своих. Вся Россия переделалась в кушач и ситцы, но холст был крепче и мог бы быть красивее этих тканей. За холст мужик платил природе своей работой, он получал этот товар не из пятых рук, как ситец, и не приплачивал за него ни деревенскому, ни городскому кулаку, ни фабриканту, ни плантатору хлопка, ни железным дорогам, ни складам и т.п. Беря непосредственно из земли, обрабатывая сам сырые материалы, мужик все накладные барыши, все «добавочные стоимости» оставляет в кармане.

Природа не купец: она лихвы не требует, и она всегда остается самым дешевым поставщиком вещей. Прежде баба ткала холсты в зимние вечера и ночи, прежде каждому свободному получасу простой девчонке находилось дело: она садилась за прялку, за ткацкий стан. И вся семья была одета, и у каждой бабы были запасы полотна, кружев, полотенец, белья. Теперь у баб зимой уйма времени, они дуреют от скуки, но семья ходит оборванная. Купить ситцу, конечно, в тысячу раз легче, чем соткать холст, но на что купить? «Купишь уехал в Париж, а в кармане остался шиш», — говорит наша пословица. Именно в Париж уехал наш русский «купишь».

Чтобы добыть двадцать копеек на покупку двух аршин колленкора, бабе приходится идти за двадцать верст с десятком яиц, терять целый рабочий день, чтобы продать их, тратить на ходьбу столько сил, сколько достаточно было бы для того, чтобы соткать, может быть, десять аршин той же ткани.

«Китайская стена»

Немного замкнутости нам не мешало бы — вот моя мысль, которую прошу не преувеличивать, не придавать ей крайности. Я далек от того, чтобы проповедовать «Китай-

скую стену» между народами, хотя, сказать в скобках, эту знаменитую стену вовсе не считаю такой глупостью, как это принято. Отгородиться от дурных соседей, от хищников, вовсе не худо. Одно из двух — или существуют отдельные человеческие хозяйства, именуемые государствами, или их нет. Если они есть, то, как и маленькие хозяйства, они должны быть в известной степени замкнутыми, уравновешенными сами в себе, и нельзя допустить, чтобы одно большое имение жило за счет другого. Иметь «все свое» — это философский идеал, и он мне кажется пригоден и для отдельного человека, и для народа. Как бы ни казался выгодным торговый взаимобмен, требуется крайняя осторожность, чтобы не остаться в проигрыше, не променять дорогое на дешевое. Это вовсе не национальный эгоизм. Не признавайте, если хотите, наций, не признавайте государств, считайте весь род людской за одну семью, считайте необходимой полную свободу обмена, как между братьями. Но тогда откажитесь вовсе от торговли — между «братьями» какая же возможна торговля? По-евангельски, имущие должны делиться с неимущими, вот и все. Если же обмен невозможен иной, кроме торгового, то я не хотел бы быть коммерческой жертвой даже родного брата. Если под предлогом «братства народов» Европа пушками заставляет Китай покупать опиум, если под предлогом просвещения России к нам ввозят тысячи сомнительных вещей, обходящихся втридорога, то такое «братство», такое «просвещение» должны быть строго проверены и, если это нужно, — отклонены. Ломоносов говорил, что не хотел бы быть дураком у самого Бога. И великому народу непристойно играть глупую роль — роль простака, на шею которого усаживаются более ловкие собраты. После обмана ближних всего позорнее быть самому обманутым. А в это глупое положение поставлен целый ряд народов. Кроме Индии, Китая, Египта, просвещенные мореплаватели высасывают Испанию, Португалию, Грецию, отчасти Италию. Они же вместе с француза-

ми и австрийцами разорили Турцию, некогда столь богатую, убив своими фабрикатами ее народную промышленность. В значительной степени то же происходит и с Россией. Мы разоряемся от множества причин, но невыгодная наша связь с Западом — одна из главных.

«Да, но как быть с братством человеческим? — спросите вы. — Как быть с всемирным единением, с прекрасной мечтой о том времени, ... когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся?»

Я позволю себе заметить, что некоторое материальное разъединение, может быть, лучше всего способствовало нравственному единству народов. Может быть, именно кипучий обмен товаров, причем каждая нация старается сорвать побольше со своей соседки, доводит международные отношения до теперешней раздраженности. Вспомните знаменитые «интересы Англии» на всех точках земного шара. Будь Англия замкнутым государством, она не имела бы повода опозорить себя бесстыдными захватами. Целые реки человеческой крови в Америке, Африке, Азии и Австралии остались бы не пролитыми. Если бы далекие народы не видели английских пароходов и броненосцев, они судили бы об Англии по ее литературе, философии, науке. Они уважали бы ее более, чем теперь, и, может быть, любили бы. Вслед за британскими интересами тянутся германские, подкрепляемые тоже «бронированным кулаком». Тысячи вещей, получаемых нами из Германии, ни на йоту не вызывают у нас братских к ней чувств, хотя прежде один Шиллер или Гете, Гегель или Моцарт совершали настоящие завоевания, роднили нас с Германией, как со вторым отечеством. Пока речь идет об идеалах, о красоте, истине, добре, пока идет обмен духовного богатства — мы друзья и братья, но стоит аграриям закричать о тарифе на хлеб, о запрещении ввоза гусей, как отношения наши портятся. Народы, мне кажется, чрезмерно и безо всякой нужды погрязли в рынках друг друга,

они торгуют слишком много и часто совершенной дрянью. Это вовсе не взаимопомощь, а взаимное развращение. Распаленная корысть расстраивает достойные отношения. Сильно расторговавшись, народы утрачивают благородный склад души, они обмещаниваются, жидовеют, начинают смотреть друг на друга не как на друзей или честных врагов, а как на коммерческую добычу. «Не обманешь — не продашь» — это девиз не только грубой торговли, но и самой тонкой. Обмен невозможен без обмана, вольного или невольного, невозможен без известного гипноза, соблазна, моды, подражания, без некоторого легкого помешательства покупателей. Если вспомнить, что три четверти вещей удовлетворяют тщеславию, а половина остальных — жадности, то психологическая близость обмана и обмена стала ясной. А на чем, как не на заблуждении публики, основана борьба рынков, биржевые ажиотажи, все эти банковские крахи и банкротства? Если все это — «единение», то не худо, если бы его было поменьше. Торговля в каком-то своем фазисе сближает народы, но теперь и без помощи караванов и ярмарок мы знаем друг о друге все нужное, и даже знаем много лишнего. Торговля знакомит очень часто с тем, чему лучше бы остаться неизвестным. Если бы путем торговли не распространялись по земле: спирт, табак, опиум, порох, соблазнительные книги, картины и предметы, целые породы людей были бы сохранены, уцелели бы многие прекрасные мирозерцания и культуры, художественно слагавшиеся в некоторых замкнутых странах. Соединяя народы в области чувственной, торговля ослабляет идеальные отношения. Если мы любим до сих пор Италию, Испанию, Грецию, Голландию и т.п., то может быть, потому лишь, что не торгуем с ними. Мы любим их платонически, за их красоту и гений. Когда-то наши деды так же увлекались Францией, Англией, Германией. Теперь наши чувства к последним странам остыли. Мы слишком связаны с ними материально. Мы безотчетно сознаем в лице этих народов,

кроме умственной, еще какую-то иную силу, для нас опасную — силу богатства, пускающего корни в нашу бедность и высасывающую из нее соки.

Когда к нам вторгаются иностранные капиталы, мы знаем, что не для нашей, а для своей выгоды они пришли в Россию и что вернутся они, нагруженные нашим же добром. Но товар иностранный есть скрытая форма капитала — он всегда возвращается за границу, обросший прибылью. Сознывая это, не следует слишком жалеть, если Россия окажется замкнутой. Немножко отдохнуть от иноземной корысти, немножко эмансипировать от Европы нам не мешает.

ЧЕМУ УЧИТ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭКОНОМИКИ

Трагедия русской экономики в XX в. состояла в том, что она была насильственно оторвана от народных корней и стала ареной всевозможных хозяйственных экспериментов, производящихся, как правило, вопреки вековому народному опыту, народной культуре хозяйствования и труда. Были брошены величайшие ценности русской экономики — стремление к самодостаточности и автаркии, общинные навыки хозяйственного самоуправления, трудовой демократии и взаимопомощи, самостоятельности и предприимчивости, крестьянского нестяжательства и отсутствия материальной жадности. Особо горькой была утрата крестьянской общины, в течение многих веков создававшей благоприятные условия для удовлетворительной экономической эффективности и социальной стабильности.

Русская экономическая мысль учит нас, что следует внимательно изучать и использовать вековой хозяйственный опыт и национальные экономические стереотипы. Речь идет, конечно, не о механическом перенесении старых хозяйственных форм в современную жизнь, а об учете культурных и психологических установок, выработанных многовековой историей русского народа и ставших ориентирами его жизни. Прежде всего ставится вопрос о наследовании самого духа экономики, ее духовно-нравственных начал. Это означает рассмотрение труда с позиций русской экономической мысли как духовно-нравственной, а потом уже экономической и организационно-технической категории.

О том, что такой подход экономически плодотворен и эффективен, свидетельствует развитие на Западе концепции качества трудовой жизни, ставшей своего рода новой идеологией труда, обеспечивающей его высокую производительность. Важно отметить, что русская экономическая мысль на много веков предвосхитила главные положения западной концепции качества трудовой жизни.

Как я уже отмечал, и в народной практике, и в работах русских мыслителей проводилась мысль, что в труде выражается целостность бытия человека. Человек — субъект бытия — соединяется с природой — объектом бытия. Целостность этого процесса существует в сознании и имеет первостепенную духовно-нравственную и культурную значимость. Традиционная западная цивилизация несет в себе много элементов, разрушающих эту целостность, ведущих к отчуждению труда и разрушению личности. Цель органичного хозяйственного процесса — восстановить эту целостность, создать такое качество трудовой жизни, которое отвечает самым высоким требованиям человеческой личности.

В прямом соответствии со сложившейся в России традицией труд в концепции качества трудовой жизни рассматривается не как чисто технико-организационная категория (набор определенных трудовых функций), а как неразрывная совокупность трех его сторон — технико-организационной, социально-экономической и духовно-нравственной. Последняя состоит в реализации человека как нравственной и творческой личности, обладающей целенаправленным сознанием и волей и противостоящей процессам, ведущим к ее разрушению.

Вся система понятий, критериев и методов регулирования качества трудовой жизни основывается на необходимости учета духовно-нравственного и социально-экономического содержания труда, которые являются

важнейшей предпосылкой повышения его производительности. Аналогично решается и проблема отчуждения труда, которую, исходя из понятия русской экономической мысли, следует определить как нарушение целостности трудового процесса и жизненных устремлений работника, обеднения духовно-нравственного и социально-экономического содержания труда, сведения его к механическому набору трудовых функций и в конечном счете к падению его эффективности.

Преодоление процессов отчуждения труда и повышение его производительности осуществляется на основе восстановления целостности труда и культуры, возвышения человека как самостоятельной творческой личности. Концепция качества трудовой жизни формирует главные условия, в которых человек может оптимально реализовываться как личность. Прежде всего, это два положения, которые как бы воспроизводят главные черты русского труда в эпоху его расцвета. Во-первых, главным мотиватором труда должна являться не зарплата, не карьера, а удовлетворенность от достижений в процессе труда в результате самореализации и самовыражения, т. е. моральные формы понуждения к труду берут перевес над материальными. Во-вторых, предполагается, что полная самореализация и самовыражение работника может осуществляться только в условиях трудовой демократии. Т. о., русская экономическая мысль указывает дорогу развития эффективных форм организации труда и производства. Как показывала практика, трудовая мотивация, построенная на принципе преобладания моральных форм понуждения к труду над материальными, была одной из главных основ культуры труда в России. России принадлежит приоритет в развитии различных форм трудовой демократии, классическим образцом которых была артель. Артельные формы труда, существовавшие в России не мень-

ше тысячи лет, по своей организационной структуре близки автономным бригадам, широко распространенным (с 70-х XX в.) в современных странах с рыночной экономикой.

Упор на нравственно-трудовые аспекты хозяйственной деятельности обеспечил русской экономической мысли приоритет во многих областях развития труда, и прежде всего в его научной организации¹. Еще задолго до исследований Ф. Тейлора, в 60 — 70-е гг. XIX в. в Московском высшем техническом училище разрабатываются и внедряются рациональные методы обучения кузнечному, токарному, слесарному и др. «искусствам». В 1870 училище на мануфактурной выставке в Петербурге было удостоено золотой медали за «отличное выполнение всех выставленных предметов... и преимущественно за почин в весьма высоком деле систематического обучения ремеслам, входящим в круг деятельности механиков...».

Через два года училище было удостоено четырех больших золотых медалей «за выставленные учебные коллекции и машины...». В 1873 на Всемирной выставке в Вене училище за свои учебные пособия получает Медаль преуспевания. Однако русские западники в экономической науке не позволили этой системе распространиться в России. Первыми применять русскую методику в широкой практике начали США. В Массачусетском технологическом институте было построено специальное здание для учебных мастерских, в которых преподавание трудоведения должно было вестись по русской системе. Здесь вышла об этой системе специальная книга. Москвичи по Высочайшему разрешению изготовили и послали в дар Массачусетскому институту набор учебных пособий по программе МВТУ. Вслед за Массачусетским технологическим институтом русскую систему освоили Пенсильванский и Вашингтонский университеты. В 1884 три американских города — Чикаго, Толедо и Балтимор органи-

¹ Научная организация труда двадцатых годов. Казань. 1965. с. 657.

зовали трудовые учебные заведения по типу Массачусетского, а в 1885 их примеру последовали Филадельфия и Омаха. Американцы так оценивали русскую систему: «...сберегает время и деньги». Многие положения русской системы были использованы Ф. Тейлором в его трудах.

В России раньше, чем в Европе и Америке, началось теоретическое изучение достижений человека (И. М. Сеченов). Проф. Савин издает книгу «Резание металла», оцененную в западноевропейской литературе наравне с трудами Тейлора. Создается русская школа научной организации труда — М. Арапов, М. Беспрозванный, П. Богодаров, А. Гастев, В. Железнов, образуется даже специальное издательство, развернувшее «невиданную даже для европейских стран агитацию за принципы научной организации труда». В «Русском богатстве», в «Мире Божьем», в «Журнале для всех» появляются статьи о научной организации труда. Известны успешные попытки внедрения научной организации труда на уральских заводах, и в частности в Лысьве, на заводе П. Семенова в Петербурге. Перед Первой мировой войной в России было восемь заводов, применявших в той или иной форме научную организацию труда, тогда как во Франции был зарегистрирован лишь один. Еще более широко научная организация труда стала применяться на русских оружейных заводах в годы Первой мировой войны.

Уроки русской экономической мысли, подтвержденные современным западным опытом, ориентируют сегодняшнюю отечественную экономику на развитие трудовой демократии и моральной мотивации к труду.

Сегодня трудовая демократия выражается в переходе от жестких авторитарных форм управления трудом к гибким коллективным, артельным формам, расширении реальных прав участия рядового работника в управлении (бригадой, участком, цехом, предприятием), предоставлении ему возможностей широко высказывать свое мнение, участвовать

в обсуждении производственных проблем и принятии управленческих решений. В условиях развития трудовой демократии администрация делегирует участку или бригаде (своего рода артели) ряд функций планирования, контроля, оплаты труда, приема на работу, право самостоятельного выбора бригады. Все члены такой бригады самостоятельно планируют методы работы, устанавливают ритмичность, осуществляют разделение труда на основе взаимозаменяемости исполнителей, контролируют качество продукции. Каждый член такой бригады заинтересован в более полной отдаче и развитии своего трудового потенциала.

Развитие форм трудовой демократии и самоуправления должно сопровождаться процессами обогащения труда — уничтожением монотонности и бессодержательности, объединением разрозненных элементов работы в работу, более соответствующую требованиям самостоятельной личности, расширением функций труда, увеличением меры ответственности, использованием творческих способностей рабочего. Важно, чтобы работник видел перед собой значительную задачу, к решению которой он самостоятельно может приложить свои способности, знания и получить признание.

Русская экономическая мысль подводит нас к необходимости уничтожения порочных бюрократических форм мотивации труда путем применения примитивных систем материального стимулирования. Насаждению рабской психологии, которая присуща большинству современных менеджеров, русская мысль противопоставляет выстраданную многими поколениями наших предков систему моральных стимулов, в основе которой лежит отношение к труду как духовно-нравственной ценности, потребность в творческом, интересном, самостоятельном труде, желание проявить себя наилучшим образом.

Крайне важной при разработке систем стимулирования труда является необходимость учета еще одной важной мо-

рально-психологической черты русского народа — духа нестяжательства, выражаемого в отсутствии у значительной части тружеников стремления к материальному богатству, накопительству, энергичному стяжанию материальных ценностей. Дух нестяжательства не означает, конечно, отказ от материальных благ и желания работать бесплатно, а отражает иной приоритет жизненных ценностей, сложившихся в народной культуре, при котором материальные блага не занимают первого места в жизни. До сих пор для преобладающей части русских тружеников деньги не являются главным мотиватором труда, многие готовы потерять в зарплате, чтобы иметь возможность выражать себя, работать самостоятельно, заниматься интересным делом. Вместе с тем, в сознании труженика дух нестяжательства связан с представлением справедливого вознаграждения за хороший труд. Однако стремление к справедливому вознаграждению выступает не как прямой материальный интерес, а как своеобразная форма реализации идеала справедливости. Западническая бюрократическая система и в прошлом, и сейчас доводит до абсурда эту черту русского народа. Нередко делаются попытки использовать дух нестяжательства, отсутствия материальной жадности у работника без создания условий для его самовыражения, самостоятельности, без справедливого вознаграждения, просто эксплуатируя его, неизбежно вызывая деградацию всей системы трудовой мотивации. С советского времени вплоть до сегодняшнего дня одной из главных проблем трудовой мотивации являлось отсутствие справедливого вознаграждения за труд, которое парализует и многие возможности материального стимулирования. Западно-талмудическая система трудовой мотивации формирует фонд оплаты труда по остаточному принципу, оставляя в пользу тружеников в 1-й пол. 80-х менее 40 % произведенного продукта, а в 90-х — н. 2000 менее 25 %, используя большую часть продукта на содержание паразитических государственных

ных и криминально-предпринимательских структур (перекачивающих «свою долю» в значительной части за границу).

Русская экономическая мысль подсказывает нам, что в исторической перспективе Россия должна стремиться к автаркии. К этому страна предрасположена, во-первых, своими самыми большими в мире природными богатствами, а во-вторых, особенностями национальной модели хозяйствования, имеющей тенденцию к замкнутости и способную к самоограничению. Конечно, создание замкнутого самодовлеющего хозяйства с его самодостаточностью и самоудовлетворенностью никогда не осуществится полностью, да и не является самоцелью. К автаркии нас будет подталкивать система неравноправного обмена между странами Запада и всеми прочими странами путем занижения цен на сырье и рабочую силу. Грабительский экономический порядок, установленный Западом, — это постоянная перекачка экономических ресурсов в его пользу и обнищание других стран. От этого грабительского порядка страну спасет только автаркия.

Конечно, стремление к автаркии не означает полной изоляции от мира, но создание такой мощной хозяйственной системы, которая позволит диктовать западным странам свои условия экономического партнерства, сознательно влияя на уровень мировых цен, исходя из излюбленной на Западе теории предельной полезности. Заградительная таможенная политика, сдерживание и строгое квотирование экспортно-импортных операций позволят стимулировать развитие внутреннего хозяйства и направлять отечественные ресурсы не на паразитическое процветание Запада, а на повышение благосостояния народов России.

Особенно следует подчеркнуть, что основой будущего экономического могущества России станут её самые богатые

в мире природные ресурсы, которым следует распорядиться разумно. А не отдавать, как сейчас, на разграбление международным хищникам и аферистам живущим по законам талмуда. Огромный экономический потенциал будущей России раскрывается в таблицах приведенных ниже.

В н. 2000 опубликованы экспериментальные оценки народного (национального) богатства России, включающие природный капитал. В них были учтены все элементы народного богатства страны, как опубликованные официальной статистикой, так и подготовленные разными российскими ведомствами и учреждениями. Результаты их приводятся в таблице.

**Экспериментальные оценки элементов
народного богатства России на начало 2000 г.**

Элементы национального богатства	Денежная оценка, (трлн руб.)	% к итогу
Основной капитал	15,5	3,6
Материальные оборотные средства	0,9	0,2
Домашнее имущество семей	0,9	0,2
Природные ресурсы	412,8	96,7
Нематериальные активы	1,0	0,3
Итого	431,4	100,0

В современной экономической науке существуют оценки народного (национального) богатства, включающие не только воспроизводимый и природный капитал, но также и стоимость человеческого капитала с учетом уровня оплаты труда, уровня образования и квалификации рабочей силы.

В к. 1990-х ученые Института экономики РАН рассчитали отдельные элементы народного богатства по расширитель-

ной концепции и сопоставили их с результатами подсчетов по другим странам мира.

**Народное богатство России и зарубежных стран
(в расчете на душу населения на сер. 90-х)**

Страны	Всего	В т. ч. капитал в тыс. долл. США		
		челове- ческий	воспроиз- водимый	природный
Россия	400	200	40	160
США и Канада	326	249	62	16
Зап. Европа	237	177	55	6
Япония, Австралия, Новая Зеландия	302	205	90	8
Ближний Восток	150	65	27	58
В % к итогу				
Россия	100	50	10	40
США и Канада	100	76	19	5
Зап. Европа	100	75	23	2
Япония, Австралия, Новая Зеландия	100	68	30	2
Ближний Восток	100	43	18	39

В приведенных расчетах содержится известная условность, как и во всех международных сопоставлениях, но они отражают масштабы имеющегося потенциала накопленных элементов народного богатства России и его огромные возможности для развития страны.

Из последней таблицы следует, что в России природных ресурсов и источников топлива на душу населения в 10 раз больше, чем в США и Канаде, и в 27 раз больше, чем в Западной Европе. Умело распоряжаясь ими русская национальная власть сумеет «обменять» их и на развитие отраслей созда-

ющих человеческий капитал (здравоохранение, образование, наука и культура), и на формирование воспроизводимого капитала, технику и технологию для отечественных фабрик и заводов.

В заключение хотелось бы подчеркнуть два основных вывода, вытекающих из уроков русской экономической мысли.

Главные параметры русской модели экономики, определяющие хозяйственный и трудовой менталитет русских людей, должны быть положены в основу при разработке любых экономических мероприятий. Особенно это касается учета трудовой демократии и трудовой мотивации.

Западные критерии и стандарты экономического развития не могут быть ориентирами для русской экономики. В гонке потребления, которую осуществляет западный мир, опираясь на неоплаченный труд и неравноправный обмен со странами — поставщиками сырья и топлива, наше место может быть только в лагере эксплуатируемых Западом. Более того, расточительство западной гонки потребления в условиях сокращающихся ресурсов человечества ведет его к гибели. Русская модель экономики, ориентированная на автаркию, разумный достаток и способная к самоограничению, представляет человечеству один из вариантов выживания.

О. Платонов

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков И. С.* Полн. собр. соч. Т. 1—7. М., 1886—1887.
- Аксаков И. С.* Аксаков в его письмах. Ч. 1—2 (в 4 т.). М., 1888—1896.
- Аксаков К. С.* О крестьянстве в древней России//*Аксаков К. С.* Собр. соч. Т. 1. М., 1861.
- Аксаков Н. П.* И. Д. Беляев//*Русская беседа.* 1895. № 1.
- Алексеев Н. Н.* Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Париж, 1928.
- Антонов М. Ф.* Нравственность экономики. М., 1984.
- Антонов М. Ф.* Нравственные устои экономики. М., 1989.
- Антонов М. Ф.* Капитализму в России не бывать! Выход есть. М., 2005.
- Афанасьев Э.* О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики//*Вопросы экономики.* 1993. № 8.
- Афанасьев Э., Калхоун Н., Трофимова И.* Христианская этика и православное христианство в деловой жизни России//*Вопросы экономики.* 1993. № 8.
- Бак И. С.* Экономические воззрения П. И. Рычкова//*Исторические записки.* 1945. № 16.
- Бак И. С.* Экономические воззрения М. В. Ломоносова. (К 175-летию со дня смерти)//*Проблемы экономики.* 1940. № 4.
- Бак И. С.* Экономические воззрения М. В. Ломоносова. М., 1946.
- Бак И. С.* Ломоносов о сельском хозяйстве//*Советская агрономия.* 1947. № 1.

- Безобразов В. П.* Очерки Нижегородской ярмарки. М., 1865.
- Безобразов В. П.* Народное хозяйство России: Москов. (центр.) пром. обл.: В 3 ч. СПб., 1882—1889. Ч. 1—3.
- Беляев И. Д.* О сельской общине//Русская беседа. Кн. I. 1856.
- Беляев И. Д.* Договор найма в древнерусском праве//Русский исторический журнал. V. 1918.
- Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. Изд. 4-е. М., 1903.
- Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1901.
- Беляев И. Д.* О земледелии в древней России//Труды Вольного Экономического Общества. I. 1866.
- Беляев И. Д.* О поземельном владении в Московском государстве. М., 1851.
- Беляев И. Д.* О сторожевой, засечной и полевой службе на польской Украине Московского государства//Временник ОИДР. Кн. 4. 1846.
- Беляев И. Д.* Разбор сочинения Чичерина «Обзор исторического развития сельской общины»//Русская беседа. Кн. I и II. 1856.
- Беляев И. Д.* Еще о сельской общине (на ответ г. Чичерина, помещенный в «Русском Вестнике», № 12)//Русская беседа. Кн. II. 1856.
- Бердяев Н. А.* О хозяйстве//Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990.
- Болотов А. Т.* Избранные труды. М., 1988.
- Болотов А. Т.* Деревенское зеркало, или Общепародная книга, сочиненная не только, чтобы ее читать, но чтоб по ней и исполнять. Ч. I—III. СПб., 1798—1799.
- Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
- Булгаков С. Н.* Краткий очерк политической экономии. М., 1906.

- Булгаков С. Н.* История экономической мысли. Т. 1. М., 1916.
- Булгаков С. Н.* История экономических учений. Лекции, читанные автором в Московском коммерческом институте. Ч. 2. Изд. 7-е. М., 1918.
- Булгаков С. Н.* Христианская социология//Вестник РХД. 1991. № 161.
- Бутми Г. В.* К вопросу о денежной реформе. Одесса, 1896.
- Бутми Г. В.* Золотой монометаллизм и его значение для России. СПб., 1897.
- Бутми Г. В.* Капиталы и долги. М., 1898.
- Бутми Г. В.* Золотая валюта. СПб., 1904.
- Бутми Г. В.* Итоги финансового хозяйства с 1892 по 1909. СПб., 1904.
- Бутми Г. В.* Блестящие финансы и разорение России//Прямой путь. 1910. № 3.
- Бутми Г. В.* О финансовой и денежной системе//Прямой путь. 1910. № 4.
- Васильчиков А. И.* О самоуправлении. Т. 1—3. СПб., 1869—71.
- Васильчиков А. И.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 1—2. СПб., 1876.
- Васильчиков А. И.* Сельский быт и сельское хозяйство России. СПб., 1881.
- Иосиф Волоцкий.* Трактат Иосифа Волоцкого о неприкосновенности церковных и монастырских имуществ. Приложение к книге В. Малинина «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания». Киев, 1901.
- [*Волинский А. П.*] «Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень (1724 г.)//Москвитянин». 1854. № 1, отд. IV, № 2.
- Волинский А. П.* Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях...//Памятники древней письменности. СПб., 1881.

- Воронцов В. П.* Артельные начинания русского общества. СПб., 1895.
- Воронцов В. П.* Крестьянская община. М., 1897.
- Воронцов В. П.* Наши направления. СПб., 1893.
- Воронцов В. П.* Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886.
- Воронцов В. П.* Очерки теоретической экономии. СПб., 1899.
- Воронцов В. П.* Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892.
- Воронцов В. П.* Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.
- Воронцов В. П.* К истории общины в России (Материалы по истории общинного землевладения). М., 1902.
- Воронцов В. П.* К истории крестьянской общины в России//Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. 1902.
- Воронцов В. П.* Судьба капиталистической России. СПб., 1907.
- Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. СПб., 1870.
- Гиляров-Платонов Н. П.* Сборник сочинений. Т. 1—2. М., 1899.
- Горчаков М.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и святого Синода (988—1738). СПб., 1871.
- Громыко М. М.* Мир русской деревни. М., 1991.
- Даниельсон Н. Ф.* Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893.
- Даниельсон Н. Ф.* Нечто об условиях нашего хозяйственного развития//Русское богатство. 1894. №4—6.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991.
- Данилевский Н. Я.* Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890.

- «Домострой» по списку Императорского общества истории и древностей российских», с предисловием И. С. Забелина//Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. II. М., 1881.
- «Домострой» Сильвестровского извода.//Русская классная библиотека/Под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1902.
- Домострой*/Под ред. В. В. Колесова. М., 1990.
- Ермолай-Еразм*. Благохотящим царем правительница и землемерие//Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.. Вып. 33. Л., 1926.
- Ермолов А. С.* Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севооборота. СПб., 1879.
- Ермолов А. С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 1—4. СПб., 1901—05.
- Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. СПб., 1884.
- Ефименко А. Я.* Обычное право. М., 1884.
- Заозерский А. И.* Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. Изд. 2-е. М., 1937.
- Зейпель И.* Хозяйственно-этические взгляды отцов Церкви. М., 1913.
- Иванцов Д.* Черты своеобразия русской экономической мысли//Евразийский сборник. Прага, 1929.
- Ильин И. А.* О частной собственности//Путь духовного обновления. Мюнхен, 1962.
- Исаев А.* Артель в России. Вып. 1—2. СПб., 1872—1873.
- Исаев А.* Община и артель//Юридический вестник. 1884. № 1.
- Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический опыт древней России. СПб., 1847.
- Калачов Н. В.* Артель в древней и нынешней России. СПб., 1864.

- Карнович Е.* Крестьяне и помещики по идеям Ивана Посошкова, русского мыслителя в начале XVIII в.//Современник. 1858. № 10, отд. IV.
- Каратаев Н. К. П. И. Рычков* — выдающийся русский экономист XVIII в.//Вестник Академии наук СССР. № 3. 1950.
- Кауфман А. А.* Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.
- Качоровский К. Р.* Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие (опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1890.
- Качоровский К. Р.* Бюрократический закон и крестьянская община//Русское богатство. 1910. № 7—8.
- Качоровский К. Р.* Быть или не быть общине в России//Заветы № 2. 1912.
- Клочков М. В.* Посошков о крестьянах//Великая реформа. Т. 1. М., 1911.
- Ключевский В. О. А. Л. Ордин-Нащокин*, московский государственный человек XVII в.//Научное слово. Кн. 3. М., 1904.
- Кокорев В. А.* Экономические провалы: По воспоминаниям с 1837 г. СПб., 1887.
- Коринфский А.* Народная Русь. М., 1995.
- Кошелев А. И.* О сословиях и состояниях в России. М. 1881.
- Лешков В. Н.* Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в. М., 1858.
- Лешков В. Н.* Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии//В воспоминание 12 января 1855 г. М., 1855.
- Лешков В. Н.* Общинный быт древней России. Б. м. Б. г.
- Лешков В. Н.* Русская промышленность по указам Петра Великого//Юридический Вестник. 1876. Январь — февраль.
- Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 6. «Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747—1765 гг.». М., Л., 1952.

В т. 6 включены труды по общественно-экономическим вопросам 1761—1763 гг.: «[Темы статей]», «[О сохранении и размножении российского народа]», «Примечания [об обязанностях духовенства]», «Мнение о учреждении государственной коллегии земского домостроительства» (С. 377—13). Из вошедших в том трудов по географии 1763—1765 гг. наибольшее значение имеют «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», «Прибавление. О северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану», «Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из островов американских и по выспросу компанейщиков...»

Ломоносов М. В. (о нем). *Тихомиров И. А.* О трудах М. В. Ломоносова по политической экономии // Журнал Министерства народного просвещения. Февраль 1914.

Менделеев Д. И. Сочинения (экономические работы). Т. XVIII—XXI. М., 1950—1952.

Менделеев Д. И. К познанию России. Изд. 1—7-е. СПб., 1906—1912; советское изд.: М., 1938.

Менделеев Д. И. Проблемы экономического развития России. М., 1961.

Меньшиков М. О. Из писем ближним. М., 1991.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862.

Национальные традиции и экономическая система общества // Вопросы экономики. 1993. № 8.

«*Нила Сорского предание и устав*» // Памятники древней письменности и искусства. Вып. 179. СПб., 1912.

Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование. СПб., 1911.

- Оль П., Шарапов С. Ф.* Мнимое перепроизводство серебра. СПб., 1889.
- Ордин-Нащокин А. Л.* (о нем) *Чистякова Е. В.* Социально-экономические взгляды А. Л. Ордин-Нащокина (XVII в.). Воронежский государственный университет//Труды. Т. XX. Сборники работ по истории. Воронеж, 1950.
- Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.
- Писемский В., Калашнов Ю., Малофеева Е., Платонова Е.* Православие и экономика//Журнал Московской патриархии. 1992. №9.
- Платонов Д.* Православие в его хозяйственных возможностях//Вопросы экономики. 1993. №8.
- Платонов О. А.* Воспоминания о народном хозяйстве. М., 1990.
- Платонов О. А.* Русский труд. М., 1991.
- Платонов О. А.* Святая Русь. Открытие русской цивилизации. М., 2001.
- Платонов О. А.* Тысяча лет русского предпринимательства. М., 1995
- Платонов О. А.* Экономика русской цивилизации. М., 1995
- Погодин М.* Биографические сведения о Посошкове//Сочинения Посошкова И. Т. М., 1863.
- Погодин М.* Крестьянин Иван Посошков — государственный муж времен Петра Великого//Москвитянин. 1842. №3, ч. II.
- Погодин М.* Посошков по вновь открытым документам//Русский вестник. 1863. Т. 45.
- Посников А.* Общинное землевладение. Вып. I. Ярославль, 1875.
- Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. Закончена в 1724. Издана впервые М. Погодиным. М., 1842. Изд. 2-е по пого-

динскому изд., 1911, серия «Памятники русской истории», под ред. преподавателей русской истории в Московском университете, с предисловием А. Кизеветтера. В 1937 г. вышла под ред., со вступительной статьей и примечаниями Б. Б. Кафенгауза. В 1951 г. вышла в издательстве Академии наук СССР, серия «Литературные памятники», под ред. и с комментариями Б. Б. Кафенгауза.

Посошков И. Т. (о нем). «Крестьянин-государственник Иван Тихонович Посошков». Краткая биография и его государственные мысли. Изд. редакции еженедельника «Дым Отечества». СПб., 1914 (без автора).

Посошков И. Т. (о нем). *Беляев И. С.* Крестьянин-писатель начала XVIII в. И. Т. Посошков. Его жизнь и деятельность. Исторический очерк. М., 1902.

Посошков И. Т. (о нем). *Брикнер А.* Иван Посошков. Соч., ч. 1. «Посошков как экономист». СПб., 1876.

Посошков И. Т. (о нем), *Пашков А.* Экономические взгляды И. Т. Посошкова. «Известия Академии наук СССР» № 4. Отделение экономики и права. М., 1945.

Посошков И. Т. (о нем). *Платонов Д. Н.* Иван Посошков. М., 1989.

Православная экономика и нравственная политика. М., 1996.

«Приговор царский о кормлениях и о службе»//Полное собрание русских летописей. Т. XIII, первая половина. СПб., 1904.

«Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Творение Иосифа Волоцкого». Казань, 1855.

[*Рычков П. И.*]. Записки Петра Ивановича Рычкова, сообщено Н. Д. Рычковым//Русский архив. 1905. № 10. Т. III.

Рычков П. И. Наказ для управителя или приказчика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина//Труды Вольного экономического общества. Ч. XVI. СПб., 1770.

- Рычков П. И.* О мануфактурах из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти//Труды Вольного экономического общества. Ч. II. СПб., 1766.
- Рычков П. И.* О сбережении и размножении лесов//Труды Вольного экономического общества. Ч. VI. СПб., 1767.
- Рычков П. И.* О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии//Труды Вольного экономического общества. Ч. VII. СПб., 1767.
- Рычков П. И.* Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций, кратко и по возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии//Труды Вольного экономического общества. Ч. VII. СПб., 1767.
- [*Рычков П. И.*]. Переписка между двумя приятелями о коммерции. Подпись: NN.//Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. Февраль, апрель, декабрь.
- Рычков П. И.* Письмо о управлении в деревенском житии//Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1757, ноябрь.
- [*Рычков П. И.*]. Примечания о прежнем и нынешнем земледелии. Подпись: Р.//Труды Вольного экономического общества. Ч. VI. СПб., 1767.
- [*Рычков П. И.*]. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губ.//Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. Май — июнь.
- Рычков П. И.* (о нем). *Пекарский П. П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867.
- Самарин Ю. Ф.* Общинное владение//Русский вестник. 1858. № 13.
- Самарин Ю. Ф.* Поземельная собственность и общинное владение//Русский вестник. 1858. № 1—6.
- Сборник материалов, касающихся артели в России. СПб., 1873.

- Соловьев В. С.* Оправдание добра//Соловьев В. С. Соч. в 2-х томах. Т. 1. М., 1990.
- Сумароков А. П.* Мнение о Наказе, сочиненном Екатериною II... с собственноручными замечаниями государыни//Сборник Русского исторического общества. Т. X. СПб., 1872.
- Сумароков А. П.* О всегдашней равности в продаже товаров//Журнал «И то и сьо», февраль. 1769, шестая неделя.
- Сумароков А. П.* О домостроительстве. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. X. М., 1787.
- Сумароков А. П.* Письмо Вольному экономическому обществу. 1766//*Ходнев А.* История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 г. СПб., 1865.
- Сумароков А. П.* О домостроительстве//Русская проза XVIII в. М., Л., 1950.
- Татищев В. Н.* Краткие экономические до деревни следующие записки//Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. XII, отд. «Смесь». М., 1852.
- Татищев В. Н.* Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной//*Попов Н. В.* Н. Татищев и его время. Приложение XVI. М., 1861.
- Татищев В. Н.* Рассуждение о беглых мужчинах и женщинах и о пожилых за побег//*Попов Н. В.* Н. Татищев и его время. Приложение XVII. М., 1861.
- Татищев В. Н.* Напоминание на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств//В сборнике работ В. Н. Татищева «Избранные труды по географии России». М., 1950.
- Татищев В. Н.* Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793.
- Татищев В. Н.* Напримр представление о купечестве и ремеслах//Исторический архив VII. М., 1951.

- Татищев В. Н.* На память о делах астраханских//Исторический архив VII. М., 1951.
- Татищев В. Н.* Заводской устав//Горный журнал. 1831. Кн. 1—3, 5—10.
- Татищев В. Н.* Наказ шихтмейстеру//Исторический архив VI. М., Л., 1951.
- Татищев В. Н.* Инструкция В. Н. Татищева по управлению имениями. 1742//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (сер. XVIII в.)/Сост. Л. В. Данилова, М. Д. Курмачева. М., 1987.
- Татищев В. Н.* О географии вообще и о русской//Избранные труды по географии России. М., 1950.
- Татищев В. Н.* Краткие экономические по деревне следующие записки//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (сер. XVIII в.). М., 1987.
- Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979.
- Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб., 1992.
- Тихомиров Л. А.* Земля и фабрика. М., 1899.
- Тихомиров Л. А.* Вопросы экономической политики. М., 1900.
- «Труды Вольного экономического общества». Ч. 1—52. СПб., 1765—1798.
- Фролов А.* Деньги земледельческой страны. М., 1898.
- Холодков В.* Православные традиции в российском землевладении//Вопросы экономики. 1993. № 8.
- Хомяков А. С.* О старом и новом. М., 1988.
- Хомяков Д. А.* Православие. Самодержавие. Народность. Монреаль, 1982.

[Чулков М.]. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой, сочиненное Михайлом Чулковым. Т. I–VII. СПб.; М., 1781—1788.

Чулков М. Д. История краткая российской торговли. М., 1788.

[Чулков М. Д.]. Наставление, необходимо нужное для российских купцов, а более для молодых людей, содержащее правила бухгалтерии. М., 1788.

Чулков М. Д. Словарь учрежденных в России ярмарок, изданный для обращающихся в торговле. М., 1788.

Чулков М. Д. Экономические записки для всегдашнего исполнения в деревнях прикащику и рачительному економу. М., 1788. Изд. 2-е. М., 1790.

Чулков М. Д. (о нем). Русский биографический словарь. Т. 22. СПб., 1905.

Шарапов С. Ф. Сочинения. Т. 1—9. М., 1900—1906.

Шарапов С. Ф. Бумажный рубль (его теория и практика). СПб., 1898.

Шарапов С. Ф. Пособие молодым хозяевам при устройстве их хозяйств на новых началах. СПб., 1895.

Шарапов С. Ф. Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве. М., 1886.

Шарапов С. Ф. По русским хозяйствам. М., 1893.

Шарапов С. Ф. Министерство земледелия и его местные агентства. М., 1892.

Шведов О. В. Энциклопедия церковного хозяйства. Экономика и право в Церкви. М., 2003.

Щапов А. Голос древней Русской церкви об улучшении быта несвободных людей. Казань, 1859.

- Щепкин М.* Экономические понятия в России в конце XVIII в. // Московские ведомости. 1859. № 142, 143, 154, 172, 177.
- Щербатов А. Г.* Письма об экономическом положении России. М., 1899.
- Щербатов А. Г.* Способы увеличить производительность крестьянского хозяйства. М., 1905.
- Щербатов А. Г.* Статьи кн. А. Г. Щербатова во время войны о народном русском денежном обращении. М., 1905.
- Щербатов А. Г.* Обновленная Россия. М., 1908.
- Щербатов А. Г.* Православный приход — твердыня русской народности. М., 1909.
- Щербатов А. Г.* Государственно-народное хозяйство в ближайшем будущем. М., 1910.
- Щербатов А. Г.* Государственная оборона России. М., 1912.
- «Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов... В пользу российских домостроителей и других любопытных людей, образом журнала издаваемой». Ч. 1—40. Издатель Н. И. Новиков. М., 1780—1789.
- Эри В. Ф.* Христианское отношение к собственности. М., 1906.

СОДЕРЖАНИЕ

Предвидения русских экономистов	5
---------------------------------------	---

Философия русского хозяйства

<i>С. Н. Булгаков.</i> Христианское хозяйство	15
<i>В. Ф. Эрн.</i> Христианский идеал экономики	31
<i>Н. А. Бердяев.</i> О хозяйстве	42
<i>И. А. Ильин.</i> Частная собственность	56

На защиту национального хозяйственного строя

<i>М. Антонов.</i> Экономическое учение славянофилов	62
<i>С. Ф. Шарапов.</i> Экономика в русском самодержавном государстве	85
<i>Л. А. Тихомиров.</i> Национальная экономика	220
<i>А. Фролов.</i> Деньги земледельческой страны	250
<i>Г. В. Бутми.</i> Капиталы и долги	294
<i>М. О. Меньшиков.</i> Замкнутое богатство	315

Чему учит история русской экономики	333
---	-----

Основная литература	344
---------------------------	-----

Платонов Олег Анатольевич

УРОКИ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издательство «Родная страна»

Редактор Д. И. Кузнецов
Корректор Н. С. Иванова
Верстка Д. Е. Поляков

Подписано в печать 26.10.2013.
Формат 84х108 1/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,5.
Тираж 1000 экз. Заказ №

ISBN 978-5-903942-17-6

9 785903 942176

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация (*вышел*)
Русское Православие в трех томах (*вышли*)
Русское государство (*вышел*)
Русский патриотизм (*вышел*)
Русское мировоззрение (*вышел*)
Русский образ жизни (*вышел*)
Русская география
Русское хозяйство (*вышел*)
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература (*вышел*)
Русская икона и религиозная живопись в двух
томах (*вышли*)
Русская архитектура и скульптура
Русская живопись
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.

- Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
- Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
- Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
- Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
- Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
- Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
- Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
- Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
- Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
- Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
- Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
- Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
- Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
- Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
- Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
- Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
- Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
- Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
- Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
- Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
- Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
- Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
- Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
- Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
- Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
- Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
- Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
- Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
- Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.

Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Асоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.

Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.

Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.

Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.

Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.

Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.

Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.

Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.

Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.

Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.

Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.

Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.

Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.

Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.

Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.

Сенин А. А. Служить правде, 416 с.

Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.

Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.

Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.

Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.

Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.

Ганичев В. Н. О русском, 832 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.

Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.

Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.

Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.

Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.

Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.

Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.

Пассек В. В. Очерки России, 448 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.

Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.

Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.

Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.

Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.

Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.

Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.

Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.

Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.

Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.

Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.

Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.

Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.

Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.

Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.

Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.

Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.

Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.

Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.

Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.

Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.

- Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
- Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
- Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
- Очерки истории русской иконы, 592 с.
- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
- Русский государственный календарь, 728 с.
- Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
- Русская артель, 672 с.
- Русская община, 1376 с.
- Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
- Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
- Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
- Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
- Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
- Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
- Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
- Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
- Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.

- Платонов О. История цареубийства, 768 с.
- Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
- Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
- Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
- Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
- Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
- Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
- Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
- Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

- Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
- Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
- Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
- Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
- Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.